

ПОЛКА

О ГЛАВНЫХ КНИГАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА КЛАССИКУ

Статьи о главных русских книгах, созданные экспертами.
От древнерусской литературы до постсоветской эпохи — «Полка» отвечает
на вопросы о произведениях, определивших или опередивших своё время.
О чём они? Как они написаны? Как их приняли и что было дальше?

Полка. О главных книгах русской литературы

Коллектив авторов

**Полка: О главных книгах
русской литературы. Том I**

«Альпина Диджитал»

2022

Коллектив авторов

Полка: О главных книгах русской литературы. Том I / Коллектив авторов — «Альпина Диджитал», 2022 — (Полка. О главных книгах русской литературы)

ISBN 978-5-00-139715-1

В эту книгу вошли статьи, написанные и собранные в рамках проекта «Полка». Созданный в 2017 году, проект поставил своей целью определить важнейшие произведения русской литературы. Для этого большое сообщество экспертов сформировало список из 108 произведений, которые оставили след в истории, расширили возможности литературы, повлияли на развитие языка, мысли и общества, сообщили что-то новое о мире и человеке и вошли в русский литературный канон. Это романы, повести, рассказы, пьесы, поэмы, литературные мемуары – от «Слова о полку Игореве» до романа «Чапаев и Пустота». О каждом из этих произведений авторы постарались написать ясно и доступно, опираясь на обширную научную и критическую литературу, поместить каждое в большой литературный контекст и рассказать о других текстах, которые повлияли на него и на которые повлияло оно. В первые два тома этого издания вошли 60 статей – о русской литературе со времени Древней Руси до 1917 года.

ISBN 978-5-00-139715-1

© Коллектив авторов, 2022

© Альпина Диджитал, 2022

Содержание

Предисловие	8
«Слово о полку Игореве»	9
О чём эта книга?	9
Когда она написана?	11
Как она написана?	14
Что на неё повлияло?	15
Как она была опубликована?	18
Как её приняли?	20
Что было дальше?	22
Кто написал «Слово»?	24
Какова политическая ситуация в Древней Руси на момент действия «Слова»?	26
Насколько «Слово» исторически достоверно?	28
«Слово о полку Игореве» – прозаическое произведение или поэтическое?	30
Что особенного в лексике «Слова»?	31
С кем и с чем сравнивает автор героев и события?	32
Кто правит миром «Слова»: Бог или боги?	33
Аввакум Петров. «Житие протопопа Аввакума»	34
О чём эта книга?	34
Когда она написана?	36
Как она написана?	38
Как она была опубликована?	39
Как её приняли?	40
Что было дальше?	41
Почему Аввакум так грубо нарушает литературные нормы?	42
Хронология	44
Насколько правдиво в «Житии» изображены исторические события?	47
В чём вообще была суть конфликта между староверами и никонианами?	49
Как получилось, что Аввакума казнили по политическому обвинению?	52
В чём жанровое новаторство «Жития»?	53
Чем необычен язык «Жития»?	54
Смешное житие – это вообще нормально?	56
Чем различаются авторские редакции «Жития» и почему важно, что их несколько?	59
Почему прихожане протопопа Аввакума всё время его били?	60
Был ли протопоп Аввакум ретроградом, отвергавшим всё новое?	62
Почему Аввакума называли «огнепальным протопопом»?	63
Правда ли, что он призывал староверов к массовому самоубийству?	
Каким был Аввакум в семейной жизни?	64
Почему Аввакума постоянно щадили власти?	65
Можно ли назвать Аввакума диссидентом?	66

Александр Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»	67
О чём эта книга?	68
Когда она написана?	69
Как она написана?	72
Что на неё повлияло?	74
Как она была опубликована?	77
Как её приняли?	80
Что было дальше?	81
На что обиделась Екатерина?	83
Был ли Радищев революционером?	87
«Какую цель имел Радищев? чего именно желал он?»	89
Что ещё вызывает негодование Радищева, помимо крепостного права?	91
Как соотносятся у Радищева любовь семейная, правительство и сифилис?	93
Кто положительные герои «Путешествия»?	96
В чём Радищев опередил своё время?	98
Почему Радищев покончил с собой?	99
Николай Карамзин. «Бедная Лиза»	101
О чём эта книга?	101
Когда она написана?	103
Как она написана?	104
Что на неё повлияло?	106
Как она была опубликована?	107
Как её приняли?	108
Что было дальше?	111
Почему «Бедная Лиза» произвела такой фурор?	113
Когда и где происходит действие «Бедной Лизы»?	114
Как развивается любовь Эраста и Лизы?	116
Мог ли Эраст жениться на Лизе?	118
Крестьянка Лиза живет вне города, зарабатывает своим трудом. Разве она не крепостная?	119
«И крестьянки любить умеют». А раньше это было непонятно?	121
Зачем в «Бедной Лизе» такие подробные описания пейзажей?	122
Можно ли по «Бедной Лизе» понять, что такое сентиментализм?	124
Почему говорят, что Карамзин придумал русский литературный язык?	127
Правда ли, что в русской литературе все Лизы – бедные?	129
Александр Пушкин. «Евгений Онегин»	131
О чём эта книга?	131
Когда она написана?	133
Как она написана?	136
Что на неё повлияло?	138
Как она была опубликована?	139
Как её приняли?	140
Что было дальше?	141
Как «Онегин» повлиял на русскую литературу?	143
Что такое «онегинская строфа»?	144
Чем интересны в романе второстепенные персонажи?	146

Когда происходят описанные в романе события и сколько лет героям?	147
Как текст «Онегина», который мы знаем сегодня, соотносится с тем, который читали современники Пушкина?	149
А что же теперь, когда опубликованы рукописи романа, нам делать с пропущенными строфами: нужно ли их восстанавливать в основном тексте?	151
Была ли в «Евгении Онегине» так называемая десятая глава?	152
Об «Онегине» составляют целые тома комментариев. Зачем их читать?	155
Какие комментарии к «Евгению Онегину» наиболее известны?	157
Какие сценические и экранные версии «Онегина» наиболее соответствуют оригиналу?	162
Александр Пушкин. «Цыганы»	163
О чём эта книга?	163
Когда она написана?	165
Как она написана?	167
Как она была опубликована?	170
Что на неё повлияло?	171
Как её приняли?	172
Что было дальше?	174
Где находится Бессарабия и бывал ли там Пушкин?	175
В Бессарабии действительно жило много цыган?	177
Хорошо ли Пушкин знал цыган?	178
Важны ли для понимания поэмы черновики Пушкина?	180
«Цыганы» – это «романтическая» поэма?	184
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Коллектив авторов

Полка. О главных книгах

русской литературы

Сборник статей

Авторы: *Варвара Бабицкая, Михаил Велижев, Виктория Гендлина, Кирилл Зубков, Вячеслав Курицын, Денис Ларионов, Александр Марков, Лев Оборин, Игорь Пильщиков, Полина Рыжова, Юрий Сапрыкин, Дмитрий Сичинава, Игорь Сухих, Татьяна Трофимова, Валерий Шубинский, Алексей Вдовин, Светлана Казакова, Игорь Кириенков, Майя Кучерская, Михаил Макеев, Елена Макеенко, Лев Оборин, Полина Рыжова, Юрий Сапрыкин, Александр Соболев, Иван Чувиляев*

Редакторы: *Варвара Бабицкая, Лев Оборин, Полина Рыжова, Юрий Сапрыкин*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *М. Ведюшкина*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *Е. Воеводина, Е. Сметанникова*

Компьютерная верстка *О. Макаренко*

Бильд-редактор *П. Марьин*

© Бабицкая В., Велижев М., Гендлина В., Зубков К., Курицын В., Ларионов Д., Марков А., Оборин Л., Пильщиков И., Рыжова П., Сапрыкин Ю., Сичинава Д., Сухих И., Трофимова Т., Шубинский В., Вдовин А., Казакова С., Кириенков И., Кучерская М., Макеев М., Макеенко Е., Соболев А., Чувиляев И., 2022

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Полка: О главных книгах русской литературы: [сборник статей]. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022.

ISBN 978-5-0013-9715-1

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Предисловие

В эту книгу вошли статьи, написанные авторами проекта «Полка»: появившийся в 2017 году, этот проект поставил своей целью определить важнейшие произведения русской литературы и предложить современное их прочтение. Команда «Полки» во главе с Юрием Сапрыкиным обратилась к большому сообществу экспертов – писателей, литературоведов, издателей, критиков, преподавателей – и сформировала список из 108 произведений, которые оставили след в истории, расширили возможности литературы, повлияли на развитие языка, мысли и общества, сообщили что-то новое о мире и человеке, вошли в русский литературный канон. Это романы, повести, рассказы, пьесы, поэмы, литературные мемуары. За пределами списка остались поэтические сборники, исторические и философские тексты, нехудожественная литература. Нельзя объять необъятное, но каждое из 108 произведений мы старались поместить в широкий литературный контекст, рассказать о других текстах, которые повлияли на него и на которые повлияло оно. Мы верим, что канон – это не данность, а изменчивое явление и он не должен подменять собой всё сложное и постоянно прирастающее поле литературы. Вместе с тем в процессе работы нам стало яснее, где пролегают границы того, что можно назвать классикой: старейшее произведение в списке «Полки» – «Слово о полку Игореве»; новейшее – «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина. Между этими точками уместится восемь столетий – и главный расцвет, как увидят читатели, приходится на XIX и XX века. У нас был не один, а два золотых века литературы.

В статьях мы старались ставить вопросы, которые могут возникнуть у читателей русской литературы: и у тех, кто читает Пушкина, Некрасова, Платонова или Петрушевскую впервые, и у тех, кто перечитывает их вновь и вновь; и у тех, от кого требует знаний школьная или вузовская программа, и у тех, кто читает классику для себя, для собственной радости. Мы старались рассказать об этих книгах ясно и доступно. Мы опирались на обширную научную и критическую литературу, но, работая над статьями, сами каждый день совершали свои маленькие, личные читательские открытия – и надеемся, что и вы совершите свои собственные.

После нескольких лет существования в интернете теперь «Полка» переходит на бумагу, в ту полновесную форму, которую создатели проекта так любят и ценят, – форму книги. Мы от души благодарим издательство «Альпина нон-фикшн», поддержавшее идею издания книги ещё в самом начале работы. Мы очень надеемся, что бумажная «Полка» поможет нам, а самое главное, нашим любимым книгам найти новых, внимательных читателей.

Первые два тома нашего издания – это 60 текстов, русская литература со времени Древней Руси до 1917 года. Впереди, надеемся, – тома о книгах XX века. В тома 1 и 2 вошли статьи приглашённых авторов – Алексея Вдовина, Михаила Велижева, Виктории Гендлиной, Кирилла Зубкова, Игоря Кириенкова, Вячеслава Курицына, Майи Кучерской, Дениса Ларионова, Михаила Макеева, Александра Маркова, Игоря Пильщикова, Дмитрия Сичинавы, Александра Соболева, Игоря Сухих, Татьяны Трофимовой, Ивана Чувиляева, Валерия Шубинского – и сотрудников «Полки»: Юрия Сапрыкина, руководившего проектом до 2021 года, редакторов Варвары Бабицкой, Льва Оборина, Елены Макеевко (1986–2019) и Полины Рыжовой. За подбор иллюстраций отвечала фоторедактор «Полки» Катерина Мигаль; над материалами и изданием работала также команда «Полки» – Мария Андрюкова, Лианна Акопова, Елизавета Подколзина, Аделина Шайдуллина, Светлана Цепкало, Ирина Колычева.

«Полка» не состоялась бы без поддержки Анастасии Чухрай и автора идеи проекта Дмитрия Ликина – и, конечно, без интереса читателей. Спасибо всем, кто пройдёт вместе с нами этот путь – от «Слова о полку Игореве» до Пелевина и ещё дальше.

«Слово о полку Игореве»

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

*Главный памятник древнерусской
литературы. Эпическая песнь,
в подлинность которой не верило
множество учёных. История военного
поражения, обернувшегося
вечной славой.*

КОММЕНТАРИИ: ДМИТРИЙ СИЧИНАВА

О чём эта книга?

«Слово о полку Игореве» – это героический эпос не о победе, а о поражении: об отважном походе (*пѣлкѣ* по-древнерусски и значит «поход») князя Игоря Святославича

(1151–1201/1202) на половцев из города Новгорода-Северского. Поход этот состоялся весной 1185 года. Вопреки грозным предзнаменованиям – таким как солнечное затмение, – Игорь ведёт свои войска против всей мощи Половецкой степи. Его армия, после первых успехов, разгромлена, он ранен и попадает вместе со своей роднёй в плен. Автор как будто бы не удерживается от осуждения его безрассудства. Но всё же князю – при помощи сил природы (птиц, зверей и реки Донца) – удаётся бежать, и рассказ кончается радостью и здравицей Игорю, его брату, сыну и дружине. Этот неоднозначный эмоциональный фон очень важен для произведения. Как писал русский поэт Владислав Ходасевич, лишь мимоходом высказавшийся о древней литературе, «почти всё «Слово» подёрнуто мрачным, пепельным светом солнечного затмения, с описания которого оно начинается. Но сквозь мрак, точно из-под тучи, пробиваются косвенные лучи солнца. <...> Надо отдать справедливость: кто-то из исследователей сказал, что в «Слове о полку Игореве» радость и скорбь «обнимаются». (Ходасевич имеет в виду филолога Е. В. Барсова; эти слова были известны ему, возможно, по комментированному школьному изданию «Слова».)

Вылазка Игоря показана на грандиозном фоне истории Руси и её взаимоотношений со Степью, княжеских усобиц. В ней есть ряд отступлений, посвящённых эпизодам из жизни князей XI и XII веков, зловещий сон киевского князя Святослава и плач жены Игоря Ярославны, просящей у стихий вернуть её милого. А ещё автор обращается с призывом к князьям – современникам Игоря, прося их забыть внутренние распри и дать бой половцам, отомстив за Русь и раны Игоря. При такой насыщенности содержанием «Слово» – очень короткий текст, всего примерно 2700 слов и 14 200 с лишним букв. Если не делить на абзацы – только пять страниц двенадцатым кеглем.

Когда она написана?

Вопреки мнению скептиков, «Слово о полку Игореве» – это подлинное древнерусское произведение. Оно не подделано в 1790-х годах, когда стало впервые известно образованной публике. И даже то обстоятельство, что его единственная рукопись сгорела в 1812 году, не мешает сделать однозначный вывод.

Битва Игоря Святославича с половецкими войсками на реке Каяле. Поражение русских войск.

Две миниатюры из Радзивилловской летописи. Около XV века¹

Откуда мы это знаем? Это показывает лингвистика – самая точная из гуманитарных наук. В языке «Слова» много древних языковых черт, которые люди XVIII века никак не могли подделать. Эти черты были выявлены только наукой последующих веков, некоторые – совсем недавно. Кроме того, «Слово» очень похоже на «Задонщину» – произведение XV века (или, может быть, конца XIV) о Куликовской битве: в них почти совпадают целые фрагменты текста, но при этом язык «Слова» гораздо архаичнее. Значит, по крайней мере в XV веке «Слово» уже существовало и пользовалось определённой известностью (кстати, сгоревшая в 1812 году рукопись, судя по деталям орфографии и диалектным чертам, примерно тогда и была переписана, причём где-то в псковском регионе), а автор «Задонщины» Софоний Рязанец, переделывая «Слово» в новое сочинение, модернизировал и язык в соответствии с тем, как сам говорил. Ситуация совершенно стандартная для средневековой книжности. Версию, согласно которой фальсификатор XVIII века, наоборот, мог «перевести» «Задонщину» (никому тогда не известную и опубликованную только полвека спустя) на ранний древнерусский язык, исправив в ней десятки тонкостей на то, что было обычно для домонгольского периода, лингвисты всерьёз не рассматривают. Тогда получится, что это был некий научный гений, создавший целую дисциплину с нуля, опередивший её на два века, не выдавший себя ничем и тщательно скрывший все свои достижения от потомства. Наиболее подробные доказательства этого принадлежат двум великим русским лингвистам XX века – Роману Якобсону и Андрею Зализняку.

Итак, «Слово» написано раньше XV века – и, конечно, после весны 1185 года, когда Игорь ходил на половцев. А можно ли сказать точнее? Лингвистика отвечает: не позже XIII века, потому что целый ряд представленных в «Слове» древних признаков позже не встречается в рукописях вообще. А точная датировка остаётся предметом менее строгих гипотез, которые выдвигают историки и литературоведы. Например, часто звучит такой аргумент: произведение должно было быть актуальным для слушателей, значит, князя, которых автор зовёт на половцев, тогда были живы, а многочисленные намёки на события предыдущих лет – понятны без комментариев. Князь Ярослав Галицкий, которого автор «Слова» называет «Осмомысл» («в том смысле, кажется, что один его ум заменял *восемь* умов», как сказал Карамзин), отец Игоревой жены Ярославны, умер в 1187 году. Вот и очень хорошая узкая датировка, с точностью до двух лет; если вспомнить, для скольких древнерусских памятников у нас нет и этого, в принципе, тут можно и остановиться. Многие исследователи считают, что «Слово» написано вообще по горячим следам, в самом 1185 году, когда Игорь только вернулся из плена, успев договориться о браке своего освобождённого позже сына и дочери половецкого хана (это событие тоже упоминается в тексте). Некоторые авторы, однако, признавая древность «Слова», считают, что злободневность для него необязательна и его могли написать уже после смерти Ярослава и даже Игоря. Лев Гумилёв, известный и другими экстравагантными взглядами на историю отношений Руси со Степью, считал, что «Слово» написано в XIII веке, уже после нашествия монголов, и представляет собой аллереорию – что-то вроде шифровки эзоповым языком, где под видом половцев выведены монголы, а под именами Игоря и Ярослава куда более знаменитые правители следующей эпохи – князь Александр Невский и король Даниил Галицкий. Лингвистическим данным это не противоречит, но научное сообщество историков и литературоведов эту теорию не приняло.

---

¹ Битва Игоря Святославича с половецкими войсками на реке Каяле. Поражение русских войск. Две миниатюры из Радзивилловской летописи. Ок. XV века. Российская государственная библиотека.

Как она написана?

«Слово» – произведение, несмотря на свою краткость, очень разнообразное по стилю, риторике и лексике. В нём чередуются обращения к слушателям (или читателям; распространена гипотеза, что «Слово» – памятник торжественного красноречия, рассчитанный на исполнение вслух), лирические картины природы, прямая речь героев, авторские призывы (например, повелительное наклонение «стреляй!»), эпические описания событий из недавней и давней истории. Последовательное изложение событий все время перебивается «флешбэками», автор вместе со слушателями переносится то в прошлый, XI век, то на другой конец Руси; вставные эпизоды переключаются с современностью и придают походу Игоря исторический масштаб.

В «Слове» есть поэтический ритм и аллитерации, хотя это не совсем стих в привычном нам смысле. Весь текст связывает в единое целое сложная система лейтмотивов, рефренов, повторов и переключек: одни и те же словосочетания или даже предложения повторяются в разных контекстах. Это подчёркивает амбивалентную эмоциональную окраску произведения. Слова «свѣтъ повѣдаютъ» встречаются дважды: в благоприятном (соловьи «веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ» и помогают Игорю бежать из плена) и зловещем контексте: «Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ». «Земля тутнетъ, рѣки мутно текутъ, пороси поля прикрывають», предвещающая нашествие половцев, в то время как князь Святослав, наоборот, «взмути рѣки и озера», побеждая кочевников, а «стук» земли упоминается как благоприятное предзнаменование при бегстве Игоря. Перед боем у курян «луци (луки) напряжени, тули (колчаны) отворени», а в плаче Ярославны, наоборот, говорится, что солнце у войска Игоря «лучи сыпряже, тули затче» (луки расслабило, колчаны заткнуло). Готские красавицы поют у моря, звеня трофейным русским золотом, – а в финале «Слова» «дѣвици поють на Дунаи», празднуя освобождение Игоря. Ряд лейтмотивов повторяется со схожим значением (далеко слышный звон, преклонившееся к земле в горести дерево, золотое стремя, земля, посеянная костями или усами, «кующаяся» крамола).

Переходы от одного эпизода к другому достаточно резки; новые предложения в «Слове» в 2/3 случаев начинаются без союза. С художественной точки зрения это производит впечатление наподобие резкой смены планов и эпизодов в кино. Это очень необычная для русского средневекового текста черта. Но ни о какой подделке она не свидетельствует: почти так же написаны некоторые редакции «Задонщины» (причём, как только составитель «Задонщины» перестаёт копировать «Слово» и начинает сочинять сам, из-под его пера союзы снова появляются – это, наоборот, доказательство первичности и подлинности «Слова»).

«Слово» насыщено сравнениями, олицетворениями и другими образами, а также нечастой для других памятников лексикой. Важную роль в образности «Слова» играют имена божеств.

Что на неё повлияло?

Принято считать, что «Слово» уникально. И первые издатели, и Пушкин, и Набоков говорили о «Слове» как об «уединённом памятнике» в «пустыне» или «степи» русской словесности – где, как по умолчанию считалось, ничего достойного не могло быть вплоть до Петра. На скучноватом для человека Нового времени фоне оригинальных поучительных и переводных богослужебных текстов, «миней и палей», как по другому поводу сказал Вениамин Каверин, текст, напоминающий о европейском Средневековье («Нибелунгах» или «Песни о Роланде»), а где-то и о поэзии Возрождения и более близких к нам эпох, казался человеку XIX–XX веков удивительной игрой природы – даже не культуры. По счастливой случайности, «Слово» было всё же замечено антикварами екатерининского века перед московским пожаром – иначе, как казалось, ни о какой древнерусской литературе говорить было бы нечего.

Первые читатели «Слова» в 1790-е годы, да и многие последующие поколения ещё мало знали о средневековой литературе и культуре Руси. Сейчас нам известно уже очень много параллелей к «Слову», которые могут быть непосредственно связаны с ним или принадлежать той же традиции. Культура Руси XII–XIII веков действительно была преимущественно церковной: её, по крайней мере письменную часть, создавали в основном монахи и священники. Но в ней была и более светская линия. Такое сосуществование традиций характерно для византийской образованности того же времени (в культуре Византии, в отличие от Руси, была ещё и живая античная составляющая). В сгоревшей рукописи, кроме «Слова о полку Игореве», был также список перевода византийского воинского романа о добывании невесты «Дигенис Акрит» («Девгениево деяние»), тоже XII века; этот перевод был позже найден в других редакциях. Кстати, «Дигенис», как и «Слово», «пограничный эпос», среди его героев и христиане, и варвары-иноверцы, между ними возможно тесное общение и даже браки (как у Владимира с «красной девицей» Кончаковной).

Эта культура находила поддержку прежде всего при княжеских дворах. Сам автор «Слова» ссылается на своего предшественника Бояна – придворного певца нескольких князей XI века. Хваля его, стилизуя и цитируя, он в то же время заявляет, что не намерен следовать его манере. Из жития Феодосия Печерского известно, что при княжеском дворе в XI веке действительно было принято держать играющих и поющих гусликов – автор-монах говорит об этом неодобрительно, но подчёркивает, что это «обычай есть перед князем», признавая нечто вроде культурной автономии светских правителей. Известно и о других светских придворных развлечениях, идущих из Византии или с Запада. В Ипатьевской летописи упоминается, что в Руси XII века венгерские всадники устраивали нечто вроде рыцарских турниров («игра на фарех»). В лестничной башне Софии Киевской сохранились фрески с изображением византийского зимнего маскарада («брумалий»), скоморохов, музыкантов и охоты, иллюстрирующие сюжет о приезде княгини Ольги в Царьград. В «Поучении Владимира Мономаха» (начало XII века) также детально изображены рискованные княжеские охоты. Кстати, эта уникальная автобиография древнерусского князя тоже сохранилась в единственном списке – в составе Лаврентьевской летописи, которая также была в собрании графа Мусина-Пушкина. Конечно, если бы она тоже сгорела, в её подлинность многие бы не поверили, но буквально за несколько месяцев до пожара её взял почитать Карамзин. В рассказе Мономаха, как и в «Слове», упоминается «лютый зверь» (эвфемизм для какого-то крупного хищника), и этот отрывок написан с небольшим числом союзов, как и «Слово о полку Игореве», что придаёт ему характерный ритм:

А се в Черниговѣ дѣяль есмь: конь диких своима рукама свазаль есмь,
въ пу[ш]ах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того иже по рови їзда ималь есмь
своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура ма 2 метала на розѣх и с конемъ, галень

ма ѿдинъ боль, а 2 лоси ѿдинъ ногами топталъ, а други рогама боль, вепрь ми на бедръ мечъ ѿтталъ, медвѣдь ми у колѣна подыклада оукусилъ, лютии звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже; и Богъ неврежена ма съблюде. И с конѣ много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ оуности своеи вередих, не блюда живота своего, ни щада головы своея.

«А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конём, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бёдра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал – в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей».

Перевод Д. С. Лихачёва

Параллели со «Словом» находятся и в церковных текстах домонгольской Руси. Например, противопоставление своего оригинального творчества старому песнопевцу Бояну, казалось бы нетипичное для Средневековья, находит аналогии в «Слове на воскресение Лазаря» (XII–XIII века), где царь Давид в аду говорит пророкам и праведникам: «Воспоим весело, дружино, песни днесъ, а плач отложим и утешимся! Се бо время весело наста...», причём делает это, кладя «очитые (зрячие) персты» «на живыя струны», как и Боян в «Слове». Похожие противопоставления есть и в переводной «Хронике Георгия Амартола», и в оригинальных проповедях Кирилла Туровского².

Надпись о смерти Всеволода Мстиславича (1138) в Благовещенской церкви на Городище под Новгородом, найденная в 2017 году, содержит лексическую параллель к написанному спустя полвека «Слову», одному из самых лиричных его мест: «Уныло бяше сердце ихъ тугою по своемъ князи» (ср. в «Слове»: «Уныша цвѣты жалобою и древо ся тугою къ земли пръклонило»). Есть характерные выражения и в новгородских берестяных грамотах: например, из относящейся ко второй половине XII века грамоты № 724 мы узнаём, что предводитель отряда действительно называл своих людей «братия и дружина». В XII или XIII веке также написано одно из наиболее ярких произведений княжеской культуры – «Моление (или Слово) Даниила Заточника», оформленное именно как послание князю, которое содержит и неясные экзотизмы, и поэтические параллелизмы, и игру со словами (знаменитое «кому Боголюбово, а мне горе лютое»), а среди образов – перекликающееся со «Словом» «мыслию паря, аки орель по воздуху».

Нельзя не упомянуть также «Слово о погибели Русской земли» (между 1238 и 1246), которое появилось практически наверняка после «Слова о полку Игореве» и не могло на него повлиять, но принадлежит общей с ним эпохе и традиции. Их связывает как поэтический ритм, так и сочетание радостной и грустной эмоциональной окраски. «Слово о погибели Русской земли» открывается панегириком Руси («О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Русская! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, рѣками и кладязми мѣсточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полми, дивными звѣрьми...») и продолжается похвалой могущественному Владимиру Мономаху – ностальгией

---

² Кирилл Туровский (1130 – ок. 1182) – богослов, писатель. Принял постриг в Туровском Борисоглебском монастыре, жил в затворничестве. Благодаря богословским трудам был рукоположён в епископы. Канонизирован Русской православной церковью в лике святителя. – *Здесь и далее – прим. ред.*

по ушедшему «золотому веку» Руси («старого Владимира» идеализировал и автор «Слова»). Дальше должно было идти описание разорения Руси татарами, но этот текст не сохранился.

Безусловно, «Слово о полку Игореве» связано с фольклором и народной поэзией; отсюда эпитеты типа «чистое поле», «синее море», «серый волк», «красные девки», «мутно текущие» реки.

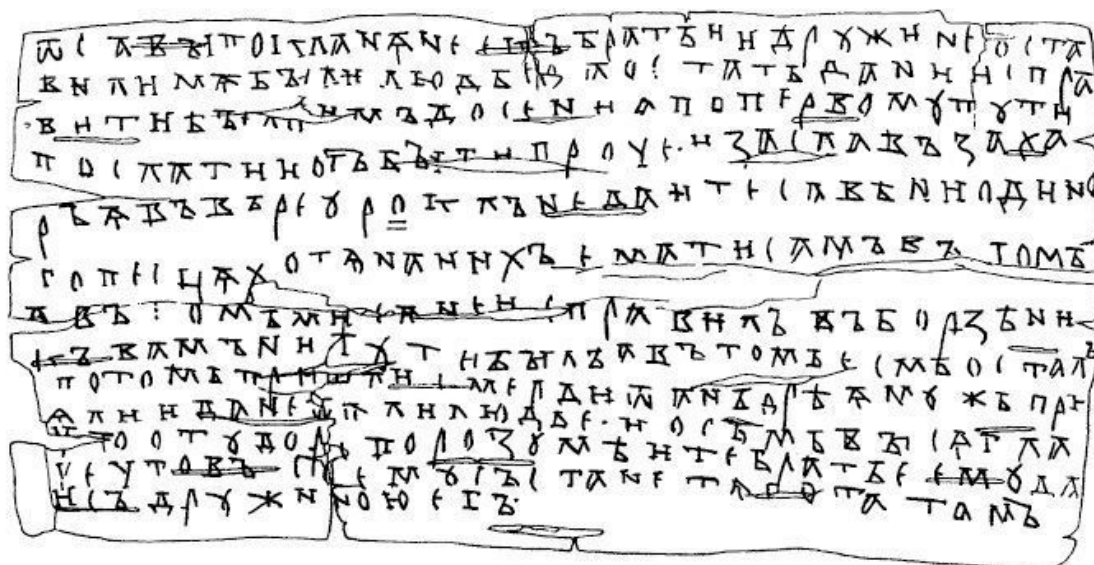
Как она была опубликована?

Долгое время считалось, что первый публикатор «Слова о полку Игореве», граф Алексей Мусин-Пушкин, приобрёл сборник с его текстом в Спасо-Преображенском монастыре в Ярославле у архимандрита Иоиля (Быковского), которого некоторые скептики (прежде всего историк Александр Зимин) считали автором «Слова». В Ярославле этим гордятся, и в древнем монастыре есть даже музей «Слова», но теперь исследованиями Александра Боброва и других авторов доказано, что сборник был найден в 1791 году не там, а в Кирилло-Белозерском монастыре на Русском Севере в ходе розысков исторических рукописей, которые велись в соответствии с указом Екатерины II (кстати, там же полвека спустя отыскивали и одну из редакций «Задонщины»). Потом сборник был присвоен обер-прокурором Синода Мусиным-Пушкиным, который забрал его в свою коллекцию в Москве. Уже в 1792 году первые исследователи получили доступ к «Слову», а копия и перевод памятника были изготовлены и для самой императрицы. В ноябре 1800 года, уже в царствование Павла, в Москве вышло первое издание «Слова» тиражом 1200 экземпляров, подготовленное самим графом Мусиным-Пушкиным и двумя известными археографами³ – Николаем Бантышом-Каменским и Алексеем Малиновским (в бумагах последнего сохранились выписки из рукописи), которые отвечали за научную сторону издания и имели, в отличие от графа, право вносить поправки в корректуру.

В состав первого издания «Слова» вошли подготовленный издателями параллельный перевод на современный русский язык, подстрочные комментарии, историческая справка и генеалогическая таблица. Издание было озаглавлено «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие». Первое издание считается основным источником, по которому мы судим о «Слове». Хотя издатели стремились готовить текст максимально точно, из-за чего набор и печатание шли медленно, фактически они не издали «Слово» буква в букву как в рукописи (как принято сейчас), а не избежали обычных для того времени процедур, слегка искажающих текст: привнесли элементы орфографии рубежа XVIII и XIX веков, раскрыли сокращения, унифицировали написание некоторых слов, проинтерпретировали ряд неоднозначных мест, а также, конечно, добавили отсутствовавшее в средневековых рукописях разделение на слова и фразы (это делают и сейчас). Книжка была уже отпечатана, когда обнаружилось противоречие между некоторыми примечаниями, и эти листы пришлось перенабрать и отпечатать заново.

---

³ Археография – историческая дисциплина, разрабатывающая теорию и практику издания письменных источников.

Берестяная грамота с упоминанием посадника Захарии и Андрея Боголюбского.
Предположительно 1160–80-е годы⁴

Часть тиража первого издания сгорела вместе с рукописью в доме Мусина-Пушкина, но всё же его экземпляров сохранилось несколько десятков, как в библиотеках, так и в частных собраниях, на бумаге разного качества и в разных переплётах. В XX веке издание 1800 года неоднократно переиздавалось репринтно.

⁴ Берестяная грамота с упоминанием посадника Захарии и Андрея Боголюбского. Предположительно 1160–80-е годы. Из открытых источников.

Как её приняли?

О находке «Слова» сообщалось в печати ещё до выхода первого издания (например, Карамзин написал об этом в гамбургском журнале, выходившем по-французски, в 1797 году): текст знали по пересказам, а те, кому повезло, – и непосредственно по мусин-пушкинской рукописи. Более того, образ Бояна, позаимствованный из «Слова», в 1796 году успел попасть в поэму Михаила Хераскова «Владимир», а в примечании было кратко рассказано о новонайденном памятнике. Литература XVIII века – это уже литература авторская, поэтому Боян, от сочинений которого не сохранилось почти ничего, но зато до нас дошло имя, казался куда более важной персоной, чем оставшийся неизвестным автор реального древнего текста. Тот же Карамзин в написанном вскоре после выхода первого издания труде под названием «Пантеон российских авторов» посвятил первую главу именно Бояну (а не автору «Слова») и после рассказа о Несторе-летописце переходил сразу к XVII веку. В дальнейшем Боян, переименованный рядом авторов в Баяна, потому что это имя трактовалось как нарицательное, якобы от «баять», стал постоянным героем русской литературы как полулегендарный «первый отечественный поэт», которого не стеснясь ставили в один ряд с Петраркой и Парни. Известный фальсификатор Александр Сулакадзев сочинил от его лица неуклюжий «Гимн Бояна», в подлинность которого поверил сам Гаврила Державин.

Другая линия использования «Слова» в литературе 1800-х – эпико-героическая и патристическая, диктуемая Наполеоновскими войнами. Характерно, что горестный пафос повествования о малоизвестном поражении древнерусских войск у современников первой публикации не нашёл отклика. Подражатели переделывали в своих вариациях поражение в победу, перенося образность произведения на другие сюжеты. Так это было сделано уже в средневековой «Задонщине»; несомненно, если бы «Задонщину», посвящённую знаменитой и победоносной Куликовской битве, нашли именно тогда, а не полвека спустя, она стала бы не менее, а то и более востребованным текстом.

Поэты-сентименталисты начала XIX века восторгались также плачем Ярославны, который рано стал популярным сюжетом для переложений. Очень рано появилось и несколько русских переводов «Слова», прозаических и стихотворных, где текст нередко сокращался (например, удалялись исторические отступления) или дополнялся риторической отсебятиной в тогдашнем вкусе.

Василий Тропинин. Портрет Николая Карамзина. 1818 год.
Карамзин посвятил Бояну первую главу «Пантеона российских авторов»⁵

«Слово о полку Игореве» высоко оценили зарубежные учёные-слависты – немецкий историк Август Людвиг Шлёцер, первоначально сомневавшийся в подлинности находки, но поверивший в неё после выхода книги, чешский филолог Йосеф Добровский («Поэма об Игоре, рядом с которой ничего нельзя поставить!»).

Ещё до утраты рукописи прозвучали и первые сомнения в подлинности «Слова»: как раз в то время шла полемика об аутентичности песен кельтского барда Оссиана, с которыми «Слово» с самого начала постоянно сравнивали, – в итоге они оказались подделкой шотландца Макферсона. Среди скептиков были поляк Циприан Гобебский (кстати, первый переводчик «Слова» на польский), профессор Московского университета Михаил Каченовский, археограф епископ Евгений (Болховитинов).

---

⁵ Василий Тропинин. Портрет Николая Карамзина. 1818 год. Государственная Третьяковская галерея.

Что было дальше?

В сентябре 1812 года, во время нашествия французов, «Слово» сгорело во дворце Мусина-Пушкина на Разгуляе – вместе с рядом других уникальных рукописей, включая Троицкую летопись 1408 года (сам особняк, кстати сказать, был уничтожен не до основания и сейчас в сильно надстроенном виде украшает старинную площадь, в нём находится строительный университет). Вокруг происхождения памятника ещё сильнее сгустился мрак тайны – надо сказать, не без участия самого графа, который тщательно скрывал не вполне законное присвоение рукописи, сбивал исследователей со следу и не отвечал на письма.

«Слово о полку Игореве» уже давно в числе самых знаменитых славянских текстов. Написано о нём невероятно много, причём не только украинцами, белорусами и русскими, прямыми наследниками культуры Руси XII века, но и славистами и литераторами самых разных стран. И не только «о нём»: многократно переписано, пересоздано и само произведение. Лингвист Борис Орехов [собрал](#) параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве» – их там примерно 220 на полусотне языков. Есть такие тексты и авторы, которые почти каждый литератор старался в определённые времена перевести: так, от Тютчева до Блока все у нас переводили Гейне, в Серебряном веке – Бодлера, а сонеты Шекспира – излюбленная добыча отечественных графоманов. На этом фоне традиция переводить «Слово», которой кто только не следовал – от Жуковского, Шевченко, Бальмонта и Филиппа Супо до позднего Евтушенко и автора довольно скучной стилизации под уголовный жаргон, удивляет интернациональным характером и устойчивостью: эта «мода» не проходит веками. Пожалуй, самый радикальный эксперимент последнего времени предпринял московский поэт Андрей Черкасов, вручную перенабравший текст «Слова» с помощью автозамены смартфона, – получилась книга «Метод от собак игрокам, шторы цвета устройств, наука острова».

Есть и стихотворения, не являющиеся переводами, замысел которых навеян сюжетами «Слова», – от знаменитого «Ты не гонись за рифмой своенравной...» Случевского до цикла Виктора Сосноры о певце Бояне. В русской поэзии много мелких цитат из «Слова», характерных выражений и образов. Например, у Мандельштама есть и «зегзица», и «печаль жирна», а загадочный «харалуг» – у Вячеслава И. Иванова, Асеева, Сельвинского и других.

Невозможно умолчать и о массовой культуре: она очень показательна для значимости любого текста. В обиходный русский язык из «Слова» вошло выражение «растекаться мыслию по древу», хотя «растекаться» значит не «переливать из пустого в порожнее», а «разбегаться», «быстро бежать» (а вот «мысль», скорее всего, у автора значило всё-таки именно мысль, а не белку, как часто предполагали). Знаменитое слово «русич», известное нам только из «Слова», популярно в тех же контекстах (торговая марка промтоваров, название патриотических конкурсов...), что и имя Ярославна – в СССР его иногда даже давали девочкам, хотя это, разумеется, отчество. Музыкальный инструмент «баян», появившийся в конце XIX века, обязан своим именем герою «Слова». Интересно, что ещё век спустя в «языке падонкофф» это слово, наполнившись новым смыслом, вновь получило свою исконную форму: *баян*.

Важным вкладом в широкую популяризацию «Слова» и в русской, и в мировой культуре стала неоконченная опера композитора-химика Александра Бородина «Князь Игорь», посмертно завершённая его друзьями и поставленная в 1890 году, – все эти «половецкие пляски» и «улетай на крыльях ветра». Ещё Ходасевич в 1929 году писал, что оперу в интеллигентном обществе все хорошо знают и время от времени обсуждают, а сам удивительный древнерусский текст почти забыт. У Солженицына в романе «В круге первом» заключённые, устраивая пародийный суд над «Ольговичем И. С.» за «измену Родине» («в звании князя, в должности командира дружины...»), привлекают Бородина в качестве «свидетеля» и цитируют либретто популярной оперы.

XX и начало XXI века стали периодом очень глубокого изучения «Слова» – и с точки зрения его места в древнерусской литературе, и с эпически-мифологической, и с языковой точки зрения. Огромным стимулом к исследованию памятника стала версия о его поддельности. Да, она оказалась ошибочной (хотя, вероятно, навсегда останется в массовой культуре, как и, скажем, Атлантида, «антистратфордские» гипотезы о Шекспире или рассказы об НЛО). Но, не будь её, мы бы знали о «Слове», его языке и контексте гораздо меньше. Работы начала XXI века – скандальная, поверхностная и остроумная книга американского скептика Эдварда Кинана и великолепное по ясности доказательство Зализняка – придали новую популярность самому памятнику. Всё большему числу читателей, следивших за дискуссией, захотелось перечитать (может быть, впервые со времён школы, где читают обычно не древнерусский оригинал, а перевод) одновременно сжатый и насыщенный, цветистый и экономный текст. Это памятник золотого века Руси, эпохи фресок Нередицы и Кирилловской церкви, каменной резьбы Дмитриевского собора, мозаик Михаила Златоверхого, золотых чаш новгородской Софии – и незаурядного искусства слова, памятниками которого остаются «Поучение» Мономаха, проповеди Кирилла Туровского или лаконичные послания на бересте.

Кто написал «Слово»?

К сожалению, этого мы никогда не узнаем.

У «Слова», как и у пьес Шекспира, есть своя «загадка Анонима». Как и «шекспировский вопрос», она не составляет серьёзной научной проблемы. Впрочем, если в случае с Шекспиром ответ давно известен (тайны никакой нет, Шекспир был Шекспиром), то в случае со «Словом» вопрос останется вопросом навсегда. Разные любители пытаются «реконструировать» нужное расположение букв на странице «Слова» и прочесть – сверху вниз или другими хитрыми способами – якобы скрытый автором «код». Ровно это же делали когда-то с «Гамлетом» или «Бурей». В авторы Игоревой песни точно так же, как и шекспировских пьес, предлагали длинный перечень людей, и точно так же он начинается с монарших особ и знаменитых писателей, а кончается совершенно малоизвестными, едва упомянутыми в источниках персонажами. Более того, для «Слова» есть даже два взаимоисключающих списка «авторов» – это кандидаты сторонников подлинности, во главе с самим князем Игорем и великим проповедником Кириллом Туровским, и кандидаты сторонников поддельности, во главе с Карамзиным и основателем славистики Йосефом Добровским (а может быть, и самой Екатериной, по крайней мере как заказчицей). Конечно, есть желание «локализовать» «Слово», поселить его у себя: украинцы считают его киевским (скорее всего, эта версия наиболее близка к истине, но наверняка сказать нельзя) или галицко-волынским, белорусы ищут кандидатов в авторы в Полоцке и Турове, русские – в Новгороде и Пскове. Это уже похоже, пожалуй, не на шекспировский, а на гомеровский вопрос...

Все предлагавшиеся версии – догадки, ни на чём конкретном не основанные. Пожалуй, на их фоне несколько выделяется гипотеза противоречивого советского историка – академика Бориса Рыбакова, который, опираясь на лингвистические сходства между «Словом» и Киевской летописью за тот же XII век, предположил: 1) что их написал один и тот же автор и 2) что этого автора звали Пётр Бориславич – киевский боярин, которому приписывается содержащийся в этой летописи рассказ о его поездке в Галич к Владимирку, отцу воспетого в «Слове» князя Ярослава Осмомысла и деду Ярославны (как раз во время этой поездки Владимирко внезапно умер, и молодой Ярослав стал князем). Оба эти предположения не очень надёжны. Схожие языковые черты бывают у разных современников из одной местности, а боярин Пётр, конечно, мог рассказать о своей поездке летописцу, но это вовсе не означает, что сам он полвека вёл летопись (в летописях множество вставных рассказов самых разных людей).

Анонимность – нормальное свойство средневековых литературных сочинений. Авторство не было в это время ещё ценностью, не было и понятий об авторских правах и плагиате. Случаи, когда мы знаем по имени Илариона, Владимира Мономаха или Кирилла Туровского, обусловлены высоким статусом этих авторов. А вот, например, о Данииле Заточнике, кроме имени, мы не знаем ничего, и даже нет полной уверенности, что это реальное лицо. Составитель «Задонщины» (напомним, его звали Софоний Рязанец, он был священником, но больше данных тоже никаких) в XV веке перелицовывал «Слово» на новый сюжет. А византийские авторы, когда им надо было описать чуму или затмение солнца, брали целые куски из античных писателей. Узнать, как звали автора «Слова» (и, конечно, далеко не только это!), мы сможем, только если найдётся неизвестный древний список произведения с указанием его имени. При том огромном общественном интересе, которое вызывает «Слово» все эти два века (уже в 1810-е годы фальсификатор Антон Бардин изготовлял и сбывал быстро разоблачённые поддельные списки сгоревшего памятника), совершенно невероятно, чтобы такой сенсационный список ещё скрывался в каком-нибудь неизученном или неопisanном рукописном сборнике.

Пожалуй, мы можем более или менее уверенно утверждать две «негативные» вещи: автор «Слова» не был ни духовным лицом – он упоминает языческих богов как олицетворения при-

роды и предков славян, ни князем – потому что обращается к князьям «господин». При этом он, как и его аудитория, принадлежал к культурной и общественной элите, образованной и способной оценить его художественные приёмы: широкого распространения «Слово» за пределами этого социального и культурного круга не имело.

Какова политическая ситуация в Древней Руси на момент действия «Слова»?

Русь конца XII века – конгломерат княжеств, занимающих северную и центральную часть Восточной Европы, до границы со Степью (тогда этого слова не знали, а степь называли *полем* – этот термин много раз встречается и в «Слове»). Степь начинается уже недалеко от Киева: купцы, направлявшиеся в Византию по знаменитому пути «из варяг в греки», должны были преодолевать степную часть маршрута под военной охраной.

Княжествами правят представители разветвлённого и многочисленного дома Рюриковичей. Разные территории закреплены за разными ветвями, но некоторые переходят из рук в руки, прежде всего главный город Руси Киев (в узком смысле Русью называется именно Поднепровье; новгородец, отправляясь в Киев, «шёл в Русь», хотя в широком смысле Русской землёй именовалась вся восточнославянская территория или её жители) и Новгородская республика (жители которой приглашают князей по собственному желанию, правят же ими реально выборные архиепископы и посадники). Впрочем, Великий Новгород слишком далеко от места действия «Слова», и речь о нём заходит лишь один раз – во «флешбэке» к далёким событиям 1060-х годов. Волинью владеют старшие Мономашичи – потомки Владимира Мономаха, а Черниговом – Ольговичи, потомки Олега Святославича, его двоюродного брата. Эти два клана уже давно – главные конкуренты в борьбе за Киев. Суздазем, Ростовом, Владимиром, уже появившейся тогда небольшой Москвой правит младшая ветвь Мономашичей, потомки Мономахова сына Юрия Долгорукого, сын которого Всеволод Большое Гнездо в 1185 году – один из самых могущественных правителей Руси. В 1169 году его старший брат Андрей Боголюбский тоже брал приступом Киев.

Виктор Васнецов. После побоища Игоря Святославича с половцами. 1880 год⁶

А во время действия «Слова» Киевом владеет Святослав Всеволодович, глава клана Ольговичей. Это один из главных героев «Слова», который произносит печальную речь о безрассудной вылазке Игоря. Его родной брат Ярослав сидит в родовом Чернигове. 34-летний Игорь – их двоюродный брат (хотя автор «Слова» называет Святослава его «отцом», в смысле сюзе-

⁶ Виктор Васнецов. После побоища Игоря Святославича с половцами. 1880 год. Государственная Третьяковская галерея.

рена и начальника, а Игоря ещё и «племянником»), его стольный город – сравнительно небольшой Новгород-Северский. «Северский» означает «принадлежащий к племени северян», когда-то владевшему Черниговом. А Путивль, на крепостных стенах которого плачет княгиня Ярославна, – пограничный пункт Новгород-Северского княжества.

У Игоря и Ярославны есть юный сын Владимир, отправившийся с отцом в поход, и младшие малолетние сыновья (двое из них, Олег и Святослав, возможно, упоминаются в «Слове»). Младший брат Игоря Всеволод (Буй-Тур) правит Трубчевском (будущей родиной князей Трубецких) и Курском.

Полоцкой землёй (занимающей значительную часть нынешней Беларуси) и Галичиной правят представители боковых ветвей Рюриковичей, потомки рано умерших сыновей (соответственно) Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Правители этих княжеств, по крайней мере в то время, не претендуют на первые места на Руси. Однако галицкие и полоцкие князья состоят в ближайшем родстве с жёнами Игоря и Святослава Киевского; возможно, поэтому в «Слове» соответствующие сюжеты играют немалую роль.

В Степи живут сменяющие друг друга в разные века тюркоязычные кочевники, объединённые в несколько племенных союзов. В X веке хозяевами положения были печенеги, а во второй половине XI и XII веках – половцы, то есть по-славянски «желтоволосые» (сами себя они называли кыпчаками, а в европейских источниках их зовут куманами). Они были в сложных отношениях с Русью, то воевали с ней, то вступали с отдельными княжествами в союз и участвовали в междоусобных войнах («крамоле») на стороне одного из них. Чаще всего союзником половцев был клан Ольговичей – к которому, собственно, и принадлежал Игорь. Нередки были браки Ольговичей, как и князей из других ветвей, с дочерьми половецких князей. Сам Игорь был половцем не менее чем на четверть, а потом женил на половецкой княжне старшего сына.

Время от времени князья Руси отправлялись в большие скоординированные походы против Степи с целью прекратить набеги кочевников или ослабить угрозу торговым путям. Именно к такому походу и призывает автор «Слова» большинство живших в то время князей. Но иногда эти вылазки преследовали целью просто захват богатых трофеев и завоевание «славы» для князя и «чести» для дружины – судя по «Слову», это и было целью неудачного похода Игоря.

Есть и другие кочевые языческие народы, которые, в отличие от половцев, находятся с Русью в постоянном союзе. Летопись называет их «свои поганые». Такой отряд, по летописи, сопровождал в походе и Игоря. А «Слово» даёт длинный список тюркских богатырей на службе у черниговского князя.

Русь находится в политических и торговых связях с Византией («греки»), Венецией («венедици»), Священной Римской империей («немци»), Польшей (упоминаются «лядские», то есть польские, копья), Чешским королевством («моравы»), Венгрией («король», которому преграждает путь Ярослав Галицкий). Это эпоха Крестовых походов и столкновений между европейцами и ближневосточными князьями, с этим, возможно, связано упоминание «салтанов», в которых издавна «стреляет» тот же Ярослав.

Насколько «Слово» исторически достоверно?

В «Слове» довольно точно изображены события 1185 года – об этом можно сказать с уверенностью, потому что поход Игоря выведен ещё и в целой подробной летописной повести в составе Киевской летописи⁷. Объём этой повести близок к объёму «Слова», написана она в ином стиле (там гораздо больше союзов между предложениями и христианской образности), но всё же содержит ту же канву событий, а также много общих терминов и деталей со «Словом»: например, упоминается «шеломя» как обозначение высокого берега реки. Между прочим, из того, что столичный летописец XII века посвятил походу Игоря целую вставную повесть, видно, что экспедиция Игоря – не «тёмный поход неизвестного князя», как назвал его Пушкин, а важное для Руси и Степи событие, которое произвело большое впечатление на современников. Действительно, как отмечает историк Антон Горский, сепаратный поход на кочевников, пленение четырёх князей на чужой территории, вопиющее пренебрежение дурными знамениями – всё это были практически уникальные события, во время предыдущих войн не происходившие. Имеется ещё один рассказ о походе – в Лаврентьевской летописи⁸, и его детали несколько иные (например, солнечное затмение там происходит не одновременно с походом). Некоторые авторы предполагают, что эффектная сцена, при которой Игорь в начале похода наблюдает зловещее знамение, привнесена автором «Слова» и киевским летописцем из художественных соображений.

Иван Голиков. Битва с половцами. 1933 год. Палехская роспись⁹

⁷ Литературный и исторический памятник. Составная часть Ипатьевского списка, одного из древнейших летописных сводов. Охватывает события с 1118 по 1200 год.

⁸ Самая древняя дошедшая до наших дней датированная русская летопись. Была создана в 1377 году. Название получила по имени монаха Лаврентия, указанного в качестве автора. В составе летописи – «Повесть временных лет» и другие летописные статьи, доходящие до 1305 года.

⁹ Иван Голиков. Битва с половцами. 1933 год. Палехская роспись. Государственная Третьяковская галерея.

В «Слове» многое передано намёками, понятными для современников. Вот автор пишет, что суздальский князь Всеволод Большое Гнездо может расплескать Волгу вёслами; здесь имеется в виду на тот момент недавний поход Всеволода на волжских булгар, предков нынешних чувашей. Или упоминается разорение половцами маленького городка Римова, быстро забывшееся (как и сам городок). Это считается аргументом в пользу того, что «Слово» написано по горячим следам после похода.

«Слово о полку Игореве» – прозаическое произведение или поэтическое?

Многие видят в «Слове» стихотворные элементы – иногда даже черты стиха в привычном нам смысле, с равными по числу слогов строками, с размерами и рифмой; существуют очень масштабные реконструкции стихотворного размера «Слова», признать которые вполне надёжными из-за отсутствия древней редакции сложно. Но, несомненно, есть хрестоматийные примеры метрико-синтаксического параллелизма, напоминающего эпический стих: «А мои ти куряни свѣдоми кѣмети, подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлелѣяны, конецъ копия възкрѣмлени, пути имѣ вѣдоми, яругы имѣ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изьострени...», «Комони ржуть за Сулою – звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ – стоять стязи въ Путивлѣ», «ту ся копіемъ приламатѣ, ту ся саблямъ потручатѣ о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго», «притопта хльми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота», «уже снесеса хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеса Дивѣ на землю». Сразу же заметны изошрѣнные аллитерации: «Сѣ зараніа въ пят(о)къ потопташа поганыя плѣкы Половецкыя», «дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ; соловіи веселыми пѣс(н)ьми свѣтъ повѣдаютъ».

Таким образом, характерное для стиха членение на соизмеримые отрезки в «Слове» не общепризнано, но элементы ритмизации текста, отличающие его от большинства древнерусских текстов, несомненны.

Что особенного в лексике «Слова»?

Лексика «Слова» (а это меньше тысячи разных словарных единиц) очень разнообразна, в ней есть, например, обозначения голосов птиц – «говор» галок, «текот» дятлов, «крик» лебедей, «щёкот» соловьёв (в других древнерусских текстах речь об этом заходит нечасто), музыкальная терминология (например, гусли «рокочут»), термины, обозначающие оружие – копья, сабли, шлемы (всё это с мощной символической нагрузкой), названия народов (например, сакраментальные «русичи», отсутствующие в других источниках, но правилам древнерусского языка не противоречащие). Некоторых таких слов без этого памятника мы бы не узнали, например название боевого ножа «засапожник», раннего утра «зарание» или сильного ветра «ветрило». Автор испытывает пристрастие к приставочным глаголам: например, в других памятниках есть глаголы «волочити», «мчати», «поити», но только в «Слове» «поволочити», «помчати», «попоити».

Мир автора «Слова» красочен; знаменитый филолог Борис Ярхо подсчитал, что по плотности цветowych эпитетов на единицу текста «Слово» – самый многоцветный европейский средневековый эпос. На страницах «Слова» появляются багряные столпы, белая хоругвь, «бусые» (серые) ворон и волк, зелёная паполома (погребальное покрывало), кровавые зори, серебряные седина и струи, серый волк, сизый («шизый») орёл, синее вино и молнии, червлёный стяг, чёрные ворон, земля, тучи.

В «Слове» есть редкие или уникальные иноязычные заимствования, смысл которых часто неясен: например, часто повторяющийся эпитет оружия «харалужный» (по одной из версий – «происходящее из державы Каролингов»), название некоей одежды или украшения «орьтьма», какого-то метательного орудия «шерешира» или титулы тюркских богатырей на службе черниговского князя («съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ ревугы, и съ ольберы»). Наличие редких или уникальных тюркизмов и других ориентализмов приводило некоторых авторов-любителей (например, казахского поэта Олжаса Сулейменова) к фантастическим теориям, согласно которым всё «Слово» написано на смешанном тюркско-славянском языке – но это, конечно, преувеличение. Хотя нет сомнения, что автор «Слова» был неплохо знаком с Половецкой степью, а может быть, знал и язык.

Лексику и фразеологию «Слова» плохо понимали уже переписчик XV–XVI веков и живший в конце XIV или в XV веке автор «Задонщины» – не говоря об издателях 1800 года. Некоторые места «Слова», по-видимому, искажены так, что у них нет однозначной трактовки, – это знаменитые «тёмные места»: например, «дебрь кيسانю», «стрикусы» или «въстазби». А автор или переписчик «Задонщины» не понял выражение «за шеломянем» («за холмом», «за высоким берегом реки») и вместо «о Русская земле, уже за шеломянем еси!» написал «Руская земля, топервое [т. е. «теперь»] еси как за царем за Соломоном побывала». Что бы это ни значило.

С кем и с чем сравнивает автор героев и события?

В «Слове» мощный образный план: сравнения и метафоры пронизывают текст. Телеги сравниваются с лебедями, Боян – сизый орёл, его пальцы – соколы, струны – лебеди. Половцы – вороны и пардусы (гепарды; в Средние века прирученных гепардов использовали для королевских и княжеских охот в разных регионах Европы, есть они и на фресках в Софии Киевской), их хан Гзак – волк, княгиня Ярославна превращается в зегзицу (обычно это слово понимают как «кукушка», но есть и другие трактовки). Наиболее разработаны два развёрнутых образа князей-оборотней: Всеслав предстаёт как волк и «лютый зверь», а Игорь во время своего бегства последовательно превращается в утку-гоголя, горностая, волка и сокола. Вообще князья сравниваются с соколами неоднократно, а брат Игоря Всеволод получает постоянный эпитет «буй (храбрый) тур». При этом князья предстают ещё и как солнца, месяцы, лучники, далеко шлющие свои стрелы. Битва осмысливается как гроза, кровавый пир или же страшная картина посева (земля сеется костями, поливается кровью, растёт усобицами), а затем и уборки урожая («на Немизѣ снопы стелють головами, молотять чепи харалужными, на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла»). Глубокий мифологический смысл имеют зловещий символический сон Святослава, сцены гибели молодых князей (их губят реки, они ложатся на зелёное покрывало или роняют «жемчужную душу через золотое ожерелье»), тройной плач Ярославны, обращённый к трём стихиям.

При помощи гиперболических картин человек вписывается в мифологический ландшафт: пленный Кобяк, «вырванный» из Лукоморья, летит в Киев и падает, Всеслав опирается на колдовство, как на волшебный шест, и «прыгает» от Полоцка до того же Киева, Ярослав Осмомысл подпирает горы, Игорь мыслью мерит поля.

Кто правит миром «Слова»: Бог или боги?

Пантеон «Слова» необычен для славянского средневекового текста. Автор вводит целый ряд языческих божеств, выстраивая связанные с ними генеалогии и функции: народ – «внук Дажьбога»¹⁰, певец Боян – «внук Велеса»¹¹, ветры «внуки Стрибога»¹², оборотень состязается в беге с богом Хорсом¹³, Див (то есть древнейшее индоевропейское божество) угрожает Степи; возможно, сюда же относятся такие не совсем ясные фигуры, как Троян, Карна или Желя. Имена божеств упоминаются без какого-либо осуждения, свойственного христианской назидательной литературе; стоит ли за ними какое-то реальное «двоеверие», или это чисто культурные знаки, пришедшие из фольклора и предшествующей традиции (как в позднеантичной и ренессансной культуре), – не вполне ясно. Сторонники версии о поддельности «Слова» обращают внимание на то, что такая языческая образность отвечала вкусам XVIII века, стремившегося реконструировать «славянский пантеон» и использовать его в аллегорических целях, подобно тому как европейские писатели Возрождения и Нового времени упоминали Юпитера и Марса. Однако в «Слове» нет никаких «кабинетных» псевдобожеств, придуманных учёными-мифологами в XVIII веке, вроде бога любви Леля или богини весны Зимцерлы, и весь пантеон лингвистически и исторически достоверен. Например, Див; такого имени в древнерусских источниках нет, но зато оно точно этимологически соответствует латинскому *deus* и индоиранским названиям божеств, так что просто выдумать его до открытия исторического языкознания не получилось бы. Что весь этот ряд снят в «Задонщине», неудивительно: её автор Софоний был, скорее всего, священником. И в то же время в финале «Слова» Игорю кажется путь из плена Бог – не Дажьбог и не Стрибог, а христианский Бог; князь едет (очевидно, для благодарственной молитвы) к церкви Богородицы Пирогощей в Киеве, после чего автор хвалит князя и дружину за то, что они боролись за христиан с армиями язычников. Несомненно, этот переход – осознанный художественный приём (до этого непосредственно из христианской образности в «Слове» выступает только «суд Божий» в цитате из «песнотворца» Бояна, если не считать постоянного именованья половцев «погаными», то есть язычниками, и упоминания Киевского и Полоцкого Софийских соборов). Едва ли надо предполагать, что финал «Слова» принадлежит другому автору, иначе настроенному идеологически.

---

¹⁰ Бог солнца в древнерусской языческой мифологии.

¹¹ «Скотий бог», божество в древнерусском языческом пантеоне. В «Житии Владимира» говорится, что «Волос идол» был повержен во время крещения Руси в 988 году.

¹² Бог ветра в древнерусском языческом пантеоне.

¹³ Бог солнца в древнерусской языческой мифологии.

Аввакум Петров. «Житие протопопа Аввакума»

О чём эта книга?

Это автобиография Аввакума Петрова, главной фигуры русского старообрядчества, диссидента и вдохновителя церковного раскола XVII века. Протопоп необычайно живо и

подробно по меркам своего времени рассказывает о своей жизни, о гонениях за веру, перенесённых им самим и его сподвижниками, о чудесах, которые совершал сам и которым был свидетелем, бранит патриарха Никона, его церковную реформу и исправленные им по греческому образцу церковные книги, отстаивает двуперстное крестное знамение и другие важные догматы старого обряда. Аввакум пишет свою книгу в продолжение религиозно-политической полемики – и попутно открывает для русской литературы жанр автобиографии, прокладывая дорогу психологизму, юмору и бытописательству.

Когда она написана?

Протопоп Аввакум, лишённый сана и преданный анафеме за раскол, последние 15 лет жизни, вплоть до своей казни 14 апреля 1682 года, провёл в земляной тюрьме в заполярном городе Пустозерске вместе с тремя другими важными деятелями раскола. Всё это время протопоп продолжал бороться литературными средствами с церковной реформой патриарха Никона и укреплять дух староверов. В годы заключения он создал своё «Житие» и свыше шестидесяти других сочинений: слов¹⁴, толкований, поучений, челобитных, писем, посланий, бесед, – где обличал «никонианскую ересь» и наставлял в вере своих духовных чад. Написать «Житие» Аввакума «понутил» его духовный отец и союзник по пустозерскому заключению – инок Епифаний, который вносил в рукопись редакторские правки, а через несколько лет после Аввакума написал и своё, гораздо более традиционное по форме житие. «Житие протопопа Аввакума» известно в трёх основных редакциях: первая редакция была написана в 1672–1673 годах, последняя – не позднее 1676 года, вторая – когда-то в промежутке.

---

¹⁴ Жанр древнерусской литературы. Слово предназначалось для произнесения вслух на торжественных собраниях или в церкви во время службы – из него потом развился жанр церковной проповеди. Известные образцы – «Слово о законе и благодати» Илариона и «Слово о погибели Русской земли».

Священномученик протопоп Аввакум. Конец XVII – начало XVIII века¹⁵

¹⁵ Священномученик протопоп Аввакум. Конец XVII – начало XVIII века. Государственный исторический музей.

Как она написана?

«Житие», написанное нарочито грубым «природным русским языком», нарушает все мыслимые литературные нормы эпохи. Протопоп перемежает церковнославянские цитаты ругательствами, откровенно описывает физиологические отправления, причудливо сочетает разные стилистические пласты: «само царство небесное валится в рот». Необычен и жанр книги: традиционная структура жития предполагала сперва связный и последовательный рассказ о юности святого, затем отдельные эпизоды биографии, по большей части трафаретные (рассказы о чудесах и видениях), иллюстрирующие святость героя и перемежающиеся с поучениями или молитвами, – Аввакум берёт эту структуру за основу, но наполняет её реальными историческими фактами и бытовыми подробностями. Например, обычные для агиографии эпизоды изгнания бесов снабжены подробным описанием «лечебных процедур»: «Я, по обычаю, сам постился и им не давал есть, молебствовал, и маслом мазал»; а ангел, явившийся в тюрьме голодающему протопопу, не просто подкрепляет его силы, а кормит «очень вкусными» щами. Местами автобиография превращается в историю первых лет раскола вообще. А главное, и собственный портрет, и изображения других людей, и окружающий биографический пейзаж у Аввакума приобретают психологический объём и достоверность, необычные для литературы его времени.

Как она была опубликована?

«Житие» активно распространялось в списках и при жизни Аввакума, и после его казни, как и другие его сочинения и письма с наставлениями в жизни и вере, которые он писал из заключения своим духовным детям, но все эти тексты были известны только в среде старообрядцев. Первое печатное издание «Жития» вышло в 1861 году в типографии издателя Дмитрия Кожанчикова в Санкт-Петербурге, подготовил и осуществил его филолог, историк древнерусской «отреченной» (то есть запрещённой церковью) литературы Николай Тихонравов, впоследствии – ректор Московского университета. С тех пор разыскания продолжались. Например, в 1912 году историк Василий Дружинин нашёл в доме одного старообрядца автограф аввакумовской рукописи (за который, по преданию, московская старообрядческая община предлагала учёному 30 000 рублей золотом, но тот не взял, сохранив драгоценную рукопись для науки). Как это часто бывает с допечатными источниками, новые найденные списки порождали новые исследования и принципиально новые публикации. Так, в 1926 году в Париже, в ситуации дефицита русских изданий, Алексей Ремизов отвёл более 70 страниц в журнале «Вёрсты» под публикацию «парижского списка» «Жития», составленного им на основании трёх ранее известных редакций.

Как её приняли?

Почти два столетия после смерти Аввакума его «Житие» распространялось только среди старообрядцев как священный текст. Однако в области светской культуры творчество Аввакума долго оставалась неизвестным, о нём не упоминают ни Тредиаковский, ни Сумароков, ни Ломоносов, ни Пушкин.

Первая публикация «Жития» в середине XIX века была встречена с огромным интересом. Достоевский в «Дневнике писателя» приводит язык Аввакума в пример того «многообразного, богатого, всестороннего и всеобъемлющего» русского материала, который напрасно презирают, считая «грубым подкопытным языком, на котором неприлично выразить великосветское чувство или великосветскую мысль». Лесков вдохновлялся образом Аввакума, работая над «Соборями», в черновиках протопоп является его герою в видениях, но в окончательном варианте романа Аввакум уже не упоминается, потому что Лесков разочаровался в старообрядчестве. Тургенев не расставался с «Житием» в зарубежных поездках, восхищался: «Вот она, живая речь московская!» При этом он, как и многие образованные люди того времени, воспринимал Аввакума как человека невежественного: «Груб и глуп был Аввакум, порол дичь, воображая себя великим богословом, будучи невеждой, а между тем писал таким языком, что каждому писателю следует изучать его». Это не соответствовало действительности: Аввакум был с юности очень начитан, и этим, в частности, объяснялось его необычно раннее рукоположение – уже в 23 года. Справедливее к нему отнёсся позднее Лев Толстой, назвавший Аввакума «превосходным стилистом».

Что было дальше?

Аввакума ценили писатели Серебряного века: о нём писали в стихах и прозе Дмитрий Мережковский, Максимилиан Волошин, Алексей Ремизов. Отдельная, общественно-политическая, линия восприятия фигуры протопopa как олицетворения силы народной пошла ещё от народолюбцев. Сочувственно отзывался о нём Чернышевский: «Вспомните протопopa Аввакума, что скуфьёй крыс пугал в подземелье, человек был, не кисель с размазнёй...» В качестве народного бунтаря Аввакум был позднее «канонизирован» советским литературоведением. Николай Клюев в оде «Ленин» представляет большевистского вождя его последователем, от него ведёт генеалогию русского бунта Максим Горький в «Жизни Климa Самгина».

Позднее Аввакум стал важной символической фигурой для Варлаама Шаламова, который писал в стихотворении «Аввакум в Пустозерске»: «Ведь суть не в обрядах, / Не в этом – вражда. / Для Божьего взгляда / Обряд – ерунда». Реальный Аввакум, готовый умереть «за каждый аз», то есть букву старой обрядности, так, конечно, сказать не мог, и попович Шаламов об этом знал. Филолог Юрий Розанов замечает: «...Шаламов пишет об Аввакуме так, как он мог бы писать о себе, конечно, с определённой поправкой на время и подразумевая под «старым обрядом» коммунистическое учение в его первоначальной чистоте»¹⁶ – это был Аввакум не из старообрядческих, не из литературных, а из революционных святцев. В позднесоветские годы фигура Аввакума остаётся для писателей одним из ранних образов революционера (можно, например, вспомнить повесть Юрия Нагибина «Огненный протопop»). В 1990-е годы Аввакума подняли на щит сторонники евразийства и консервативной революции: идеолог евразийского движения¹⁷ Александр Дугин назвал Аввакума «последним человеком Святой Руси».

---

¹⁶ Розанов Ю. Протопop Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова и В. Т. Шаламова // К столетию со дня рождения Варлаама Шаламова. Материалы конф. – М., 2007. С. 301–315.

¹⁷ Философско-политическая концепция, согласно которой Россия не часть Запада, а наследница Орды. У русских особый путь и свои ценности – жертвенность и героизм, противостоящие западной прагматичности. Евразийство зародилось в 1920-е годы в среде русских эмигрантов, среди его основателей – лингвист Николай Трубецкой и географ Пётр Савицкий, сходные идеи развивал впоследствии Лев Гумилёв. С середины 90-х главным идеологом евразийства становится философ Александр Дугин, сочетающий идеи «особого пути» с концепцией «консервативной революции» и геополитическими изысканиями.

Почему Аввакум так грубо нарушает литературные нормы?

«Природный русский язык», то есть просторечие, – важнейший стилистический принцип Аввакума, в своей прозе смешивающего церковнославянизмы и русизмы. Некоторые исследователи полагают, что Аввакум просто не умел писать по-церковнославянски и естественным образом срывался на живую речь. Но, поскольку протопоп учился по церковным книгам и должен был владеть слогом, вероятнее, что это стилистическое решение сознательно и объясняется прагматикой «Жития». Ведь до того, как заключение вынудило его перейти на письменную форму общения с духовными чадами, Аввакум возрождал жанр проповеди, с амвона обращался с увещанием к толпе на понятном ей языке. Потеряв такую возможность, он продолжил делать то же самое на письме.

Икона «Богородские староверы» (священномученик протопоп Аввакум, священномученик Павел епископ Коломенский, священномученик диакон Феодор, преподобномученик инок Епифаний и священномученик иерей Лазарь). XIX век¹⁸

Кроме того, отстаивая «природный русский язык», Аввакум тем самым отстаивал национальную культуру и древнее русское благочестие перед лицом западных культурных влияний – от нового силлабического стихотворства до барочной проповеди, которые в XVII веке

¹⁸ Икона «Богородские староверы». XIX век. Покровский собор, Москва.

всё активнее стали просачиваться на Русь. Аввакум понимал, что просто осудить их недостаточно: нужно предложить альтернативу. Борясь с обаянием новой литературы, он стал новатором сам и в пику новым заимствованным жанрам обновил старый, канонический.

Хронология

1654

Начало Русско-польской войны.

1654

В Москве проходит собор об исправлении церковных книг. 2 августа происходит полное солнечное затмение, в Москве страшная эпидемия чумы, которые воспринимаются как дурные знамения. Бунт против Никона, начало раскола.

1666

2 СЕНТЯБРЯ

Исаак Ньютон получает спектр солнечного света при помощи оптической призмы. Роберт Гук изобретает спиртовой уровень и винтовые зубчатые колёса.

1666

Арестованы виднейшие старообрядцы. Московский собор утверждает реформы Никона и анафемствует старообрядцев. Никон низведён с патриаршества. Расстрижение Аввакума.

1668

Ахенский мир: к Франции присоединена Фландрия. Испания признала независимость Португалии. Союз Англии, Голландии и Швеции.

1668

Начало Соловецкого сидения — осады Соловецкого монастыря, чьи насельники не принимают реформы и очень успешно обороняются.

1681

Убита последняя птица додо.

1681

В день Богоявления, во время крещенского водосвятия, в присутствии царя Феодора Алексеевича старообрядцы бросают в толпу свитки с карикатурами и хулой на царя и церковных иерархов, мажут дёгтем соборные церкви Кремля.

1682

Ассамблея французского духовенства принимает декларацию о полной независимости французской церкви от Рима и подчинении её королю.

1682

В Пустозерске ведётся сыск по поводу распространения Аввакумом из земляной тюрьмы «злопакостных» и «злохульных» писаний, направленных против царя и высшего духовенства. 14 апреля Аввакум и его соузники сожжены на костре.

Насколько правдиво в «Житии» изображены исторические события?

Общая канва событий изложена верно, хотя протопоп не указывает точных дат (однако исследователям, например Пьеру Паскалю, удалось восстановить хронологию его жизни очень подробно). С частностями дело, конечно, обстоит сложнее. Если его дару исцелять бесноватых можно найти рациональное объяснение с точки зрения современной психологии (скажем, по аналогии с широко распространённой в XIX веке и практически исчезнувшей в наши дни истерией, которую Жан Мартен Шарко лечил гипнозом), то многочисленные чудеса, которые протопоп творил сам и которым был свидетелем, каждому читателю остаётся трактовать на своё усмотрение. Иногда он сам оставляет читателю место для сомнения. Скажем, когда патриарх Никон в первый раз за послушание посадил его у себя на дворе на цепь, а затем бросил на три дня в тёмную каморку в Андроньевском монастыре без хлеба и воды, куда никто к нему не приходил («токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно»), на третий день оголодавшему протопопу явился «не вем – человек, не вем – ангел», который сотворил молитву и дал узнику хлеба и щей (очень вкусных, как свидетельствует автор «Жития»), а после исчез, хотя двери не отворялись. Как это возможно, если это был человек, – дивится протопоп; а если ангел – тогда, конечно, ничего странного: ему «езде не загорожено».

Спасо-Андроников монастырь. Фотография 1882 года.
Место первого заточения протопopa¹⁹

---

¹⁹ Спасо-Андроников монастырь. Фотография 1882 года. Из книги: Найденов Н. А. Москва. Соборы, монастыри и церкви. В 4 ч. Ч. IV. Местность за Земляным городом. – М.: Типолит. И. Н. Кушнерева и Ко, 1882–1883.

Многие рассказы Аввакума проверяются свидетельствами очевидцев: например, воспоминания Аввакума о том, как его мучил в Даурской земле воевода Пашков (72 удара кнутом, пощёчины, вырывание волос, кандалы), почти во всём, кроме оценки, совпадают с официальным донесением этого самого воеводы, где тот просит избавить его от неудобного ссыльного, который мутит стрельцов. Помимо «Жития», Аввакум написал своим духовным чадам множество писем, которые также позволяют установить последовательность событий.

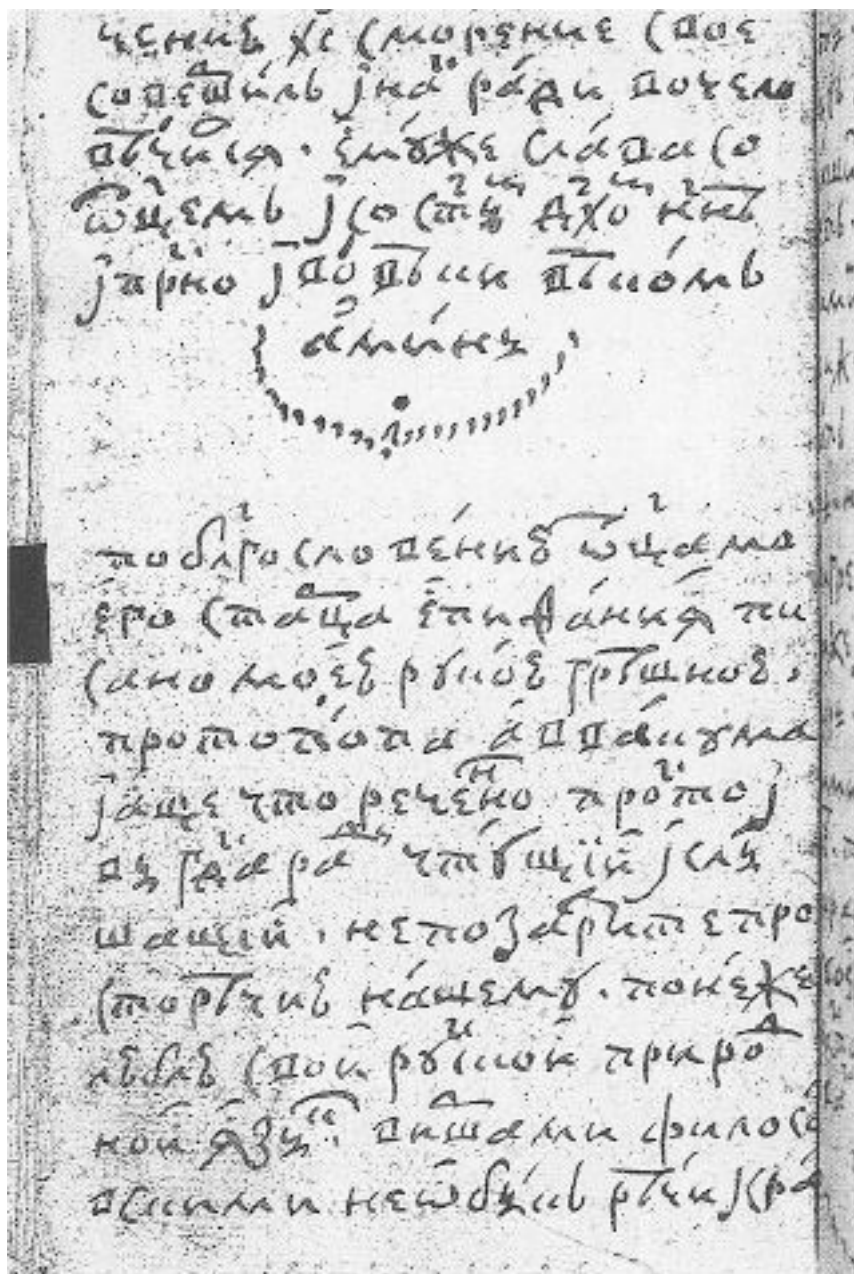
В чём вообще была суть конфликта между староверами и никонианами?

Патриарх Никон затеял церковную реформу, чтобы объединиться с единоверцами – восточными православными церквями – перед лицом католической угрозы. Реформа, однако, расколола Русскую православную церковь.

Русские священные книги и обряды пришли из греческой церкви ещё в пору принятия Русью христианства, и с тех пор русская церковь существовала обособленно, причём с течением веков возникло множество разночтений в текстах в результате ошибок переписчиков. Кроме того, русские епархии были разобщены между собой. После объединения Московского государства возникла необходимость унифицировать церковную жизнь. Стоглавый собор 1551 года закрепил сложившуюся на Руси церковную практику.

Тем временем в греческой церкви тексты и обряды претерпели значительные изменения. На Руси они усвоены не были – среди прочего потому, что греческая церковь со времени падения Константинополя (1453) находилась под государственной властью магометан и была тем самым скомпрометирована. Но в середине XVII века Россия оказывается перед необходимостью сближения с остальным православным миром, чтобы противостоять католической церкви и вообще западноевропейскому влиянию. В 1654 году с Россией воссоединилась Левобережная Украина, чья церковь, находившаяся под властью константинопольского патриарха, к тому времени уже провела реформу: она вслед за греческой церковью сменила двоеперстие на троеперстие, а написание «Исус» на «Иисус». Были внесены и другие обрядовые изменения.

Взойдя на патриарший престол, Никон начал энергично внедрять новые порядки, чем вызвал возмущение многих священнослужителей, в том числе бывших своих товарищей по «Кружку ревнителей благочестия» – Ивана Неронова (настоятеля московской церкви Казанской Богородицы в Москве) и протопопа Аввакума. Реформа, начатая как кампания по обновлению духовной жизни и утверждению благочестия, приняла новый оборот. Из Киева были призваны учёные монахи, отрицавшие весь старорусский чин и обряд как невежественные – и тем самым посягавшие на авторитет русских святых. За образец взяли современные греческие богослужебные книги, отпечатанные в Венеции (католическом городе, что само по себе вызывало подозрения). Исправленные книги множили на Московском печатном дворе и рассылали по всем епархиям со строгим наказом служить впредь только по ним. Это вызывало протест не только потому, что обрядовые изменения воспринимались как ересь, но и потому, что малограмотным священникам было сложно переучиваться.

Автограф Аввакума (Пустозерский сборник). 1675 год²⁰

В 1666–1667 годах состоялся Большой Московский собор, на котором были преданы анафеме древние богослужебные чины и все их сторонники, получившие название старообрядцев, – так начался раскол Русской церкви. Апогеем сопротивления никонианской реформе стало так называемое Соловецкое сидение с 1668 по 1676 год, когда мятежный Соловецкий монастырь был наконец взят стрельцами. После этого протест со стороны старообрядцев выражался уже в форме мученичества – массовых самосожжений.

Хотя более рациональный подход к священным текстам, богослужению и самой вере был вызван конкуренцией с латинским миром, он парадоксальным образом означал движение в сторону секуляризации культуры, в сторону Запада. Всё это было неприемлемо для раскольников, веривших, что Московское государство призвано освободить Константинополь и стать Царством Божиим на земле (Москва – Третий Рим, «а четвёртому не бывать»). Хотя на Востоке

²⁰ Автограф Аввакума (Пустозерский сборник). 1675 год. Древлехранилище ИРЛИ.

было ещё четыре православных патриарха, они находились под властью магометан – православный царь был только в Москве. Именно царя всю жизнь пытается переубедить Аввакум, не оставляя этих попыток и в своём «Житии»: «Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не унижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах».

Как получилось, что Аввакума казнили по политическому обвинению?

После завершения «Жития» Аввакум провёл в заключении ещё шесть лет, всё это время не прекращая своей пасторской деятельности. В 1675 году уморили в тюрьме голодом сподвижницу Аввакума – боярыню Морозову, в 1676-м, когда было завершено «Житие», в результате долгой осады было окончательно подавлено Соловецкое восстание²¹, главная надежда раскола. К этому времени скончался главный заступник Аввакума – царь Алексей Михайлович, что староверы восприняли как воздаяние царю за грехи. Молодому царю Фёдору Алексеевичу Аввакум написал челобитную, призывая его не следовать примеру покойного отца (который, как прозрачно намекнул протопоп, горит в адском пламени за свои ошибки), а восстановить истинную веру. Это, конечно, вызвало у царя большое раздражение.

Тем временем сочинения Аввакума и его пустозерских сподвижников продолжали, несмотря на строгие запреты, переписываться и рассылаться «верным» – крамольные тексты можно было даже купить из-под полы в Москве в книжных рядах на Красной площади. А 6 января 1681 года, в праздник Богоявления Господня, пока царь и высшее духовенство совершали торжественный крестный ход из Кремля на Москву-реку, староверы устроили настоящий бунт: ритуально осквернили Успенский и Архангельский соборы, вымазали гробницу Алексея Михайловича дёгтем, как ворота гулящей девки, с колокольни Ивана Великого метали в толпу свитки с политическими карикатурами и «хульными надписями» на царя и церковные власти во главе с патриархом. Оригиналы изготовил на бересте сам протопоп Аввакум.

Это было уже прямо политическое дело. Собор 1682 года передал вопрос старообрядчества в руки светских властей. После непродолжительного расследования в отношении Аввакума и других пустозерских узников в Пустозерск был направлен приказ о казни бывшего протопопа Аввакума, монаха Епифания, бывшего священника Лазаря и бывшего дьякона Фёдора. В Страстную пятницу 14 апреля 1682 года Аввакума и его союзников сожгли на площади в срубе.

С тех самых пор Аввакум почитается в большинстве старообрядческих церквей и общин как священномученик и исповедник. Официально он был канонизирован старообрядцами Белокриницкого согласия²² на Освящённом соборе в 1917 году.

---

²¹ Или Соловецкое сидение – восстание монахов Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря, длившееся с 1668 по 1676 год. Монастырь отказался принять реформу патриарха Никона, власть расценила это как бунт и отправила на Соловки царские войска, которые почти десять лет осаждали хорошо защищённый монастырь. После того как стрельцам удалось взять Соловецкий монастырь, активные участники мятежа были казнены, остальные сосланы в остроги.

²² Православная старообрядческая церковь, которая ведёт начало от греческого митрополита Амвросия. Он перешёл в старообрядчество в 1848 году и основал свою иерархию. Белокриницкая иерархия получила название по селу Белая Криница, которое было одним из центров поселения староверов.

В чём жанровое новаторство «Жития»?

Жанр, названный словом «житие», по умолчанию подразумевает биографию святого, то есть человека, кроме всего прочего, уже умершего и канонизированного. Аввакум сделал вещь для своего времени невозможную, написав собственное «Житие», то есть, во-первых, фактически объявив себя святым и, во-вторых, положив начало жанру автобиографии (а возможно, и психологической прозе вообще) в русской литературе.

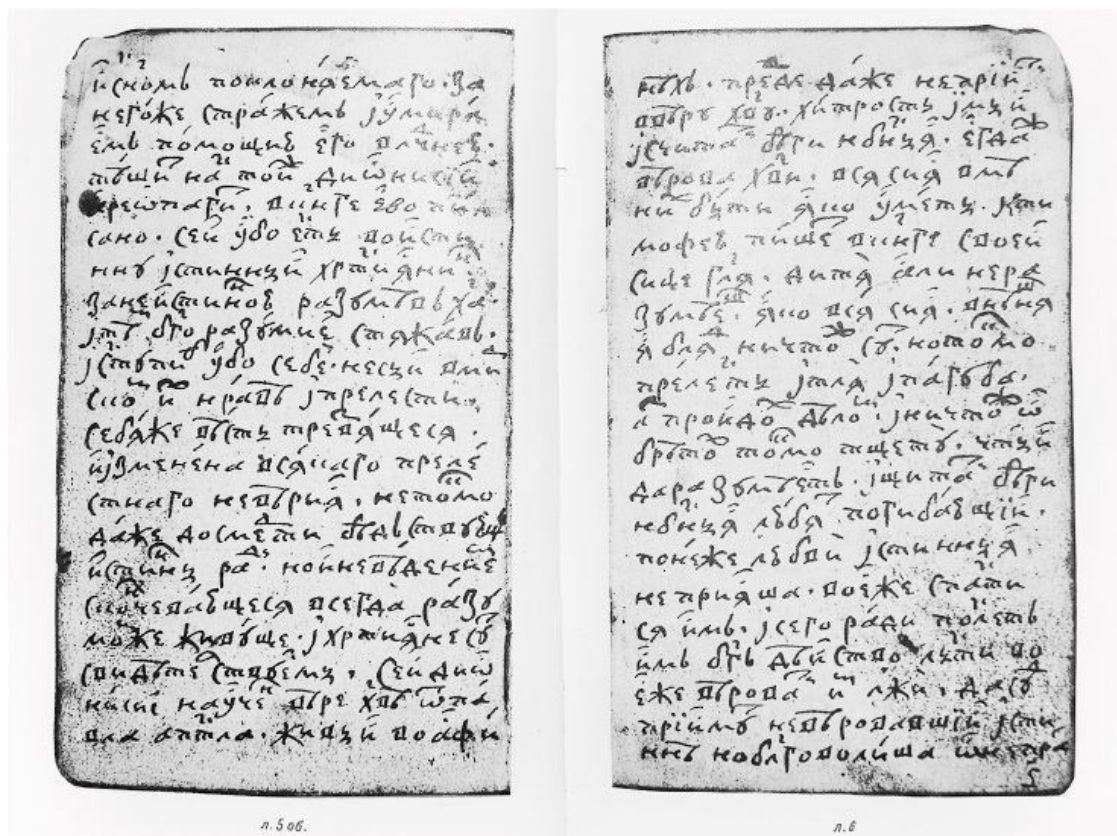
Нельзя сказать, что житийный канон был абсолютно неизменен: исследователи выделяют, например, такие разновидности, как жития-новеллы (которые группировались в патериках) и жития-повести. Тем не менее житие как жанр предполагает наличие определённых конструктивных элементов, и Аввакум имел их в виду, сочиняя собственное.

Его текст начинается с традиционного вступления, где обоснован сам факт создания жития. Этот канонический приём получил особенное значение в аввакумовской версии «жития мученика», которое, разумеется, не заканчивалось его смертью (хотя Аввакум действительно окончил жизнь в огне через несколько лет после завершения текста). Описание собственной жизни и вообще внимание к собственной персоне было глубоко нехарактерно для православного сознания того времени: это воспринималось как гордыня, греховное самовосхваление. Поэтому Аввакуму приходится оправдываться двояко: во-первых, текст продиктован необходимостью отстоять истинную веру, поведать о страданиях мучеников, во-вторых, за перо Аввакум взялся по побуждению своего духовника.

Традиционный для жития рассказ о юных годах Аввакума, о матери-молитвеннице, о чудесах, которые он совершал и которым был свидетелем, призван подтвердить его статус святого. Французский славист Пьер Паскаль отметил поразительный эгоцентризм аввакумовского жития и новый для русской литературы «психологизм», с которым Аввакум подробно и ярко описывает душевные переживания – и собственные, и чужие. Композиционно и стилистически внутренний монолог Аввакума восходит к молитве – каноническому элементу жития, но наполняется реальными переживаниями автора, благодаря чему возникает невиданный до тех пор в русской литературе самоанализ.

Чем необычен язык «Жития»?

Аввакум в первых же строках заявляет: «люблю свой природный русский язык» – и в тексте неоднократно характеризует свой слог как «просторечие», «выкание», «воркотню». На письме он передаёт строй устной речи, даже фонетически воспроизводя особенности своего нижегородского произношения. Протопоп был высокообразованным человеком, и просторечие – его сознательный, идеологический авторский выбор. В пику «книжникам и фарисеям», носителям ненавистной греческой учёности, протопоп прикидывается человеком невежественным («ни ритор, ни философ, дидаскалства и логофетства²³ неискусен»), зато искренним. Он остроумно оправдывает собственную позицию и право писать о себе, уподобляя себя как автора нищему, который собирает подаяние и кормит семью: «У богатова человека, царя Христа, из евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, и с полатей его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадских людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрав кошель, да и вам даю, жителям в дому Бога моего. Ну, ешьте на здоровье, питайтесь, не мрите с голоду! Я опять побреду збирать по окошкам...» Тем самым он придаёт своему повествованию убедительность: верьте не мне (я человек простой), верьте Отцам Церкви, которых я бесхитростно пересказываю, и Христу, который говорит через меня.

Житие протопопа Аввакума. Копия с рукописи XVII века²⁴

²³ Дидаскал – учитель, наставник, проповедник (с греч. διδάσκαλος – «учитель»). Логофет – высший чиновник в патриаршей канцелярии при византийском дворе (с греч. λογοθέτης – «постановляющий»). У Аввакума эти понятия синонимичны: выбирая греческие слова, он иронизирует над заумью и излишней учёностью.

²⁴ Житие протопопа Аввакума. Копия с рукописи XVII века. Древлехранилище ИРЛИ.

Характерно, что в тексте протопоп неоднократно прямо обращается к тому или иному читателю: к старцу Епифанию, к некоему «возлюбленному чаду», которому предназначался дошедший до нас автограф, а также к царю, к никонианам или к самому дьяволу. Это публицистическая полемика в реальном времени. Иногда текст превращается в настоящий диалог: Аввакум задаёт вопрос Епифанию и оставляет чистое место, куда его духовник и редактор вписывает свой ответ, после чего Аввакум продолжает прерванный рассказ.

Смешное житие – это вообще нормально?

Конечно же, нет, особенно если учитывать, что «Житие» повествует о гонениях на веру, наступлении царства Антихриста и объективно тяжёлых и трагических жизненных обстоятельствах. С одной стороны, в этом проявилась индивидуальность Аввакума, который был наделён живым чувством юмора. Однако юмор и в первую очередь самоирония в «Житии» имеют важную прагматику, которую описал Дмитрий Лихачёв: «Одним из главных грехов в русском православии считалась гордыня и в особенности сознание своей праведности, непогрешимости... Поэтому таким любимым чтением в Древней Руси были рассказы о «святых грешниках» в патериках и минеях – о грешниках, раскаявшихся и продолжавших осознавать себя грешниками, или о тех, кто совершал подвиги в полной тайне от других, казался другим и считал самого себя величайшим грешником; типичны в этом отношении житие Марии Египетской, житие Алексея Человека Божия и мн. др.»²⁵. К этой же традиции можно отнести, например, лесковского «Очарованного странника». Подвиг святого предполагал сознание собственной бесконечной греховности и даже презрение со стороны окружающих. Объявляя себя святым, Аввакум вынужден прибегать к постоянной самокритике, потому что, с одной стороны, его устами свидетельствует истинная вера, но с другой – как живой человек он должен компенсировать самовозвеличение постоянным самоуничтожением.

---

²⁵ Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984.

Богдан Салтанов. Икона «Кийский крест» (слева – святой равноапостольный царь Константин Великий, царь Алексей Михайлович, патриарх Никон; справа – святая равноапостольная царица Елена, царица Мария Ильинична). 1670-е годы²⁶

Поэтому он смеётся над собой и над своим подвигом, причём складывается парадоксальная ситуация, когда на одной странице он фактически уподобляет себя Христу или апостолу Павлу, а на другой называет себя «прямым говном». Как пишет Лихачёв, это типичный для Средневековья смех над самим собой – «очистительный, утверждавший бренность и ничтожество всего земного сравнительно с ценностями вечного».

Было у юмора в «Житии» и другое назначение. Ведь Аввакум писал его, чтобы убедить других в истинности старой веры и в том, что следует пострадать за неё. Поэтому «Житие» должно было не пугать, а указывать на ничтожность переносимых мук. Он балагурит, иногда переходя даже на раёшник: «Аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы», саркастически отмечая, что теперь, чтобы стяжать мученический венец, далеко в языческие земли ходить не

²⁶ Богдан Салтанов. Икона «Кийский крест». 1670-е годы. Государственный исторический музей.

надо: «Стань среди Москвы, прекрестися знамением Спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось!»

Смех, самоумаление, презрение людское тесно связаны с темой юродства. Хотя у Аввакума было другое амплуа, в одном эпизоде он описывает, как юродствовал на судившем его соборе: не отвечая на обличения патриархов, Аввакум отошёл к дверям и «набок повалился», чтобы показать своё презрение, а на упрёки и насмешки, что он вести себя не умеет, ответил цитатой из апостола Павла: «Мы уроды Христа ради! Вы славни, мы же безчестни! Вы силны, мы же немощни!»

Как отмечает Лихачёв, смех был для Аввакума формой сопротивления: раз человечество во власти дьявола и слуги Антихриста уничтожают верных христиан, подлинный мир – только мир вечный, а земной, «кромешный» мир достоин смеха и жалости.

Чем различаются авторские редакции «Жития» и почему важно, что их несколько?

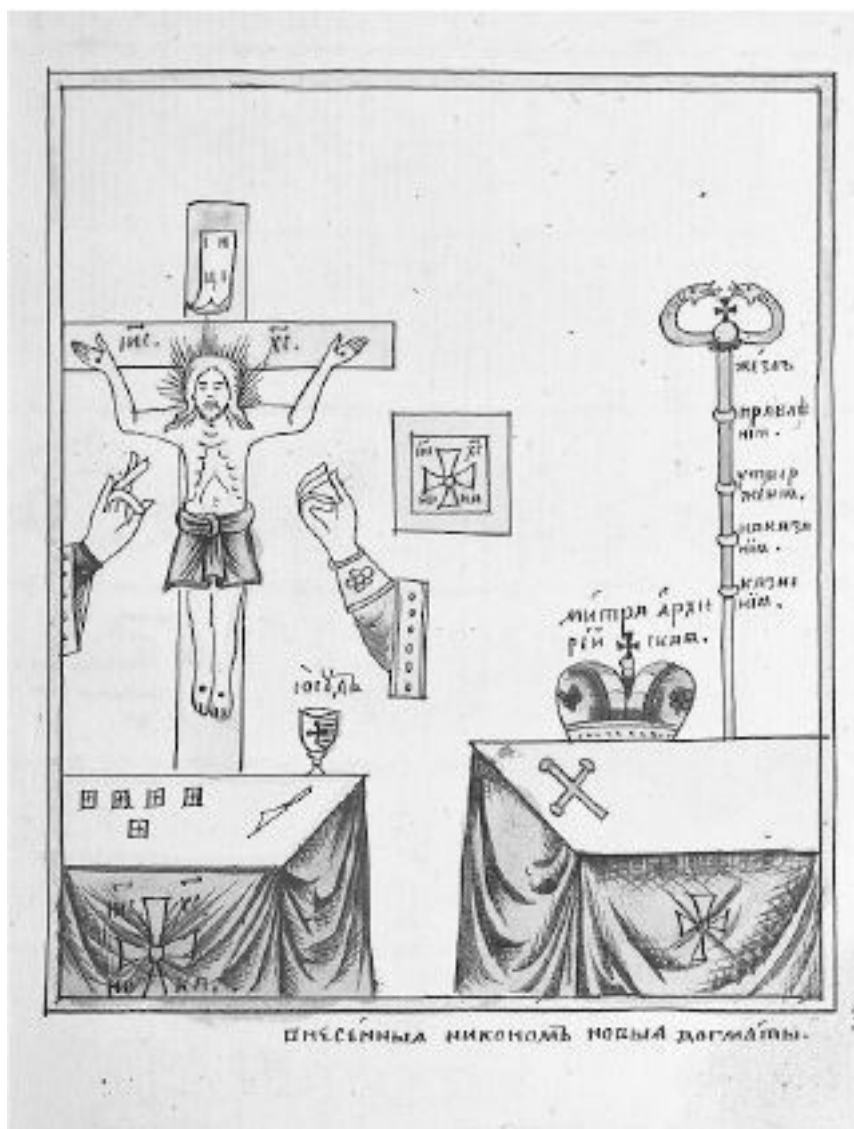
В случае древних текстов, как правило, существует проблема разночтений между разными списками, то есть рукописными экземплярами. Но в случае «Жития» принято выделять к тому же три редакции текста, созданные в разные годы самим Аввакумом (две из них дошли в автографах). Особняком стоит так называемый Прянишниковский список – поздняя (XVIII века) редакция ещё одного, не дошедшего до нас варианта «Жития». Этот вариант, возможно самый ранний, более откровенен и содержит ряд эпизодов из жизни протопопа, которые в других списках отсутствуют.

Есть мнение, что в случае «Жития» окончательный вариант текста не предполагался в принципе, поскольку Аввакум варьировал текст по мере рукописного «тиражирования», внося или убирая определённые биографические подробности, полемические выпады или лирические отступления, в зависимости от адресата конкретного экземпляра. Но убедительнее звучит версия, что автор с самого начала воспринимал «Житие» как законченное произведение: его сюжет доведён хронологически до момента, когда протопоп оказывается в Пустозерске, и не обновляется с учётом последующих событий. Скажем, боярыня Феодосия Морозова ещё упоминается как живая в третьей редакции «Жития», хотя к тому времени уже скончалась и была оплакана Аввакумом в другом тексте. Изменения в тексте «Жития» – не импровизация: судя по всему, Аввакум умышленно и последовательно приводит текст в соответствие с главным замыслом. В окончательном варианте усилена агиографическая стилизация (вставлены специальные богословские статьи, не имеющие отношения к сюжету, многочисленные цитаты из Священного Писания, дополнительные рассказы о чудесах), зато убраны эпизоды, не работавшие на тот образ, который хотел создать протопоп.

Один из таких эпизодов – встреча Аввакума по пути из Даурии в Москву с иноземцами, которые перед тем убили множество русских, но протопопа отпустили с миром. В последней редакции он выпустил упоминание о том, как «лицемерился» с язычниками, чтобы уцелеть, ограничившись скудным замечанием: «Варвары же Христа ради умягчились и никакого зла мне не сотворили, Бог так изволил». Нет там уже и упоминания о том, как Аввакум пал духом, усомнившись в целесообразности дальнейшего обличения никониан, и Настасья Марковна его отчитала. И только из Прянишниковского списка мы узнаём, например, что вскоре после рукоположения и рождения старших детей молодой протопоп чуть не запил по примеру своего отца или что он сам в 1652 году просил царя поставить Никона патриархом. Все эти сомнительные для жизни святого подробности в финальной редакции цензурированы. Параллельно за годы заключения усиливается гнев Аввакума на гонителей, поэтому в последней редакции он часто бранит их, а сцену пустозерской казни своих союзников описывает с таким натурализмом, что инок Епифаний позже заклеил этот фрагмент и заменил описанием чудесного забвения во время пытки. Последняя редакция «Жития» соответствует авторской воле о том, в каком виде это произведение должно дойти до читателя, но другие в чём-то полнее и непосредственнее; поэтому имеет смысл читать комментированное издание, где приведены все выпавшие фрагменты.

Почему прихожане протопопа Аввакума всё время его били?

Где бы ни служил Аввакум, это постоянно оборачивалось конфликтом с паствой. Сам он считал причиной этих конфликтов своё усердие в обличении блуда и насаждении нравственности. Но тут нужно учитывать два обстоятельства: во-первых, блуд и порок протопоп трактовал гораздо шире, чем его прихожане, во-вторых, по крайней мере в годы своего служения в городе Юрьевце-Повольском²⁷ он обладал неограниченным политическим ресурсом и не стеснялся прибегать к мерам физического воздействия. Несмотря на то что Аввакум в «Житии» с похвальной гуманностью упрекает патриарха Никона в жестокости и указывает, что Христос казнить не велел, сам он был наделён очень бурным темпераментом и пастырским наставлением не ограничивался: кого в алтаре порол, кого сажал на хлеб и воду в подвал до покаяния, а однажды бросил тело скоропостижно умершего воеводы-грешника на съедение псам.

²⁷ Современное название – город Юрьевец.

Новые догматы Никона. Из книги «Истории об отцах и страдальцах Соловецких». 1800 год²⁸

Всё это он мог делать благодаря поддержке царя Алексея Михайловича. Аввакум был членом «Кружка ревнителей благочестия», который в 1648–1651 годах сложился вокруг царского духовника, протопопа московского Благовещенского собора Стефана Вонифатьева; в этот кружок входил и Никон, будущий патриарх, и учитель Аввакума – Иван Неронов. Кружок ставил своей целью укрепление благочестия и искоренение пороков, суеверий и недозволенных удовольствий – а в этот разряд попадали, например, выступления скоморохов, рождественские коляды и другие праздники и обычаи языческого происхождения, азартные игры – кости, карты, шахматы и бабки, винное зелье, музыкальные инструменты, развлечения, искажающие облик человека (например, переодевания и маскарады). Все эти запреты существовали и раньше, но, как известно, в России «строгость законов компенсируется необязательностью исполнения таковых»; «ревнители» же стали требовать буквального исполнения всех церковных предписаний, а ослушников били батогами, ссылали, штрафовали, сажали их на цепь и отправляли на покаяние в монастырь – хорошая иллюстрация к современному выражению «православный талибан». Паства, не снеся аввакумовских строгостей, то и дело шла толпой бить протопопа при молчаливом попустительстве воеводы (чьи стрельцы нарочито медленно ехали на подмогу), раз бросила полумёртвого под угол дома, он с семьёй был вынужден бежать в Москву, под крыло Неронова.

Формальная строгость Аввакума проявлялась не только в вопросе обрядов. Скажем, борьба с блудом – дело для священнослужителя естественное. Но что Аввакум под этим понимал? В Тобольске, где оказался в ссылке протопоп, как и вообще во всей не до конца ещё покорённой Сибири, остро не хватало русских женщин, поэтому частыми были смешанные браки – формально они считались незаконными, но на это никто не смотрел. Аввакум такие семьи разводил. В его «Житии» приведена история о молодой калмычке, которая выросла пленницей в доме некоего Елеазара. Аввакум сделал её своей духовной дочерью, забрал к себе. Девушка, однако, сильно скучала по бывшему хозяину, из-за чувства вины перед Аввакумом с ней случались нервные припадки, которые Аввакум лечил экзорцистскими методами. После ссылки протопопа девушка всё-таки вышла за своего Елеазара, но, услышав, что духовный отец возвращается, от страха оставила мужа и стала монахиней. Из сегодняшнего дня поведение Аввакума часто кажется жестоким и непонятным – и таким же оно казалось многим его прихожанам, которые за полтора года служения Аввакума в Тобольске написали на него пять доносов.

---

²⁸ Новые догматы Никона. Из книги «Истории об отцах и страдальцах Соловецких». 1800 год.

Был ли протопоп Аввакум ретроградом, отвергавшим всё новое?

А вот и нет. Наоборот: первоначально Аввакум сам стремился реформировать религиозную и нравственную жизнь русских людей (не проводя различия между религией и нравственностью). Аввакум, выступивший против Никона по малозначительному, на поверхностный взгляд, вопросу об исправлении богослужебных книг и обрядов, незадолго перед тем сам энергично принялся исправлять церковную практику «многогласия» – согласно этому богослужебному русскому обычаю, разные песнопения службы пелись на нескольких клиросах одновременно, тем самым служба заканчивалась скорее. Аввакум велел петь всё по порядку, что было новшеством и за что в Юрьевце-Повольском и других местах, где служил Аввакум, его же прихожане не раз колотили его всем миром среди улицы – «долго-де поешь единогласно. Нам-де дома недосуг».

И выправлением «испорченных» церковных книг занимался поначалу именно Аввакум, вместе с Иваном Нероновым и Стефаном Вонифатьевым; с Никоном он только разошёлся в вопросе о первоисточниках. Кроме того, Аввакум воскресил давно забытый к тому времени на Руси обычай церковной проповеди – его обличения пороков воспринимались как неприятное нововведение и также затягивали службу.

Почему Аввакума называли «огнепальным протопопом»? Правда ли, что он призывал староверов к массовому самоубийству?

Скажем так: призывал, но не всех. Коллективное самосожжение (а также самоутопление, пост до голодной смерти и прочее) было широко распространённым старообрядческим способом обрести спасение души. Хотя раскольники подвергались гонениям, их пытались перевоспитать, сажали в тюрьму и казнили, но часто смерть в огне была их добровольной инициативой. Только с 1675 по 1695 год было зарегистрировано 37 «гарей», во время которых погибли не меньше 20 тысяч человек.

Аввакум к этой практике относился одобрительно. В беседе «Об иконном писании» он писал: «Всяк правоверный много не рассуждай, пойди в огонь. Бог благословит, и наше благословение да есть с тобою во веки!» Хотя в православии, как и в любой христианской конфессии, самоубийство – смертный грех, но в этом случае старообрядцы, и в частности Аввакум, рассматривали это как аналог первохристианских страданий за веру. Эсхатологические настроения были очень сильны, конца света ожидали сперва в 1666 году, а потом, когда он не наступил, со дня на день. Никонианская реформа явно свидетельствовала о наступлении царства Антихриста, и цепляться за жизнь в таких обстоятельствах казалось и бессмысленным, и недружественным. Однако признавая, что старообрядцы, «принявшие огненное крещение», поступили мудро, Аввакум колебался, отвечая на нетерпеливые вопросы своих духовных чад, пора ли следовать их примеру. В целом протопоп требовал от людей мученичества пропорционально любви и уважению к ним. Так, он упрекал сыновей, которые из страха отреклись от истинной веры и отделались тюрьмой, вместо того чтобы «урвать мученический венец», и не давал послаблений своей духовной дочери и близкому другу боярыне Морозовой, но когда к нему обратился юродивый старообрядец Фёдор с вопросом, носить ли ему обычное платье (юродивые зимой и летом ходили в одной рубашке, а то и нагишом и были, следовательно, очень заметны) или упорствовать и терпеть постоянные гонения, Аввакум ему посоветовал маскироваться. Не разделял протопоп и радикального аскетизма, согласно которому перед концом света вообще уже не следует жениться и размножаться, а только жить в молитве и воздержании. Похоже, отчасти это объясняется тем, что сам он очень любил свою семью и был человеком темпераментным, его борьба с плотскими соблазнами описана и в «Житии». Он наставительно цитирует послание апостола Павла, призвавшего жениться, чтобы не было греха. Аввакум был реалистом, не ждавшим от всех готовности к подвигу.

Каким был Аввакум в семейной жизни?

Протопоп был примерным семьянином. У Аввакума и его жены Настасьи Марковны было девять детей: двое из них умерли во младенчестве из-за лишений в ссылке, и протопоп их очень оплакивал; выросли четыре сына – Иван, Прокопий, Корнилий, Афанасий – и три дочери – Агриппина, Акулина и Аксинья. Аввакум много пишет о детях и жене, но важно понимать, что, несмотря на бытовые подробности и простой язык, образ протопопицы в «Житии» он выстраивает в соответствии с житийным каноном, как иллюстрацию святости самого Аввакума и всех его сподвижников. Настасья Марковна – бедная набожная сирота, четырнадцати лет от роду выбранная в жены Аввакуму его матерью, тоже женщиной набожной и благочестивой (в отличие от отца-пьяницы). Она безропотно сносит все лишения, следует за мужем в ссылку, ещё не оправившись от родов, теряет детей, терпит из-за него тюремное заключение. Наверное, самый знаменитый фрагмент «Жития» – диалог протопопа с женой во время пятидневного перехода по льду озера: «Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, – кользко гораздо! <...> ...на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино еще побредем». Это, наверное, единственный раз, когда Настасья Марковна дрогнула. В другой раз протопоп сам пал духом, видя, что ему не удаётся переубедить царя, что ересь никонианская побеждает и, если он будет упорствовать, пострадает его семья, – тут, наоборот, Настасья Марковна стыдит его, веля о детях не волноваться, а идти в церковь обличать Никона.

Аввакум очень ценит жену за силу духа – чуть ли не единственный раз он говорит о ней пренебрежительно именно потому, что она недосмотрела за детьми, которые малодушно отреклись от старой веры и уцелели, отделавшись тюремным заключением: «...Жила бы, не розвешав уши, а то баба, бывало, нищих кормит, сторонних научает, как слагать персты, и креститца, и творить молитву, а детей своих и забыла подкрепить, чтоб на висилицу пошли и з доброю дружиною умерли заодно Христа ради».

Поколотив как-то раз жену, протопоп кланяется ей в ноги и накладывает на себя епитимью: очевидно, несмотря на вспыльчивость, домашнее насилие он нормой не считал. Из детей он особенно выделял старшую дочку Агриппину: уже в конце жизни из земляной тюрьмы в Пустозерске он, сам живущий передачками с воли, посылает ей в Москву кусок холста и в письмах настойчиво интересуется, дошёл ли подарок.

Почему Аввакума постоянно щадили власти?

В то время как сподвижников строптивого протопопа вешали у него же на воротах, резали им языки и секли руки, сам он до самого своего сожжения отделялся сравнительно легко: его не калечили, из ссылки его возвращали, переубеждали всем двором, просили уже даже не принять реформу, а хотя бы помолчать и не мешать; уже во второй ссылке ему смягчили по его просьбе условия содержания – на пути в Пустозерск, где он впоследствии окончит свои дни, его с семьёй сперва оставили в Мезени. Объясняется это всё несколькими причинами. Во-первых, царь Алексей Михайлович Аввакума любил и уважал. И ещё больше любили Аввакума царица Мария Ильинична и царевны: когда Аввакум был расстрижен и предан анафеме, царица, по свидетельствам очевидцев, дома устроила царю основательную взбучку. Царевна Ирина послала Аввакуму в Сибирь богатое облачение, которое спасло ему жизнь: в голод он выменял его у воеводы на еду. Аввакум не раз пишет в «Житии» о знаках внимания со стороны Алексея Михайловича, который в церкви после пасхальной службы стоял и дожидался, пока разыщут малолетнего Аввакумова сына, чтобы погладить его по головке и одарить крашеным яичком. Накануне отправки Аввакума в последнюю ссылку царь ходит вокруг его темницы и вздыхает, а вдогонку ему шлёт письмо, обещая заступничество перед патриархом и прося молитв.

Во-вторых, и царь, и воеводы, под чьим началом оказывался ссыльный Аввакум, и вообще все его гонители или просто люди, с которыми сталкивала его судьба, хотя подчас сажали протопопа на цепь и пороли кнутом, но тайне подозревали, что Аввакум действительно святой, или по крайней мере не поручились бы, что это не так. Судя по всему, он был крайне убедительным полемистом, а ещё убедительнее действовал его личный пример: его готовность умереть за свои убеждения, личная нравственность и аскетизм не вызывали никаких сомнений. А если он вдруг святой, то сильно ему навредить – значит попасть в ад, и такой риск никто на себя брать не хотел. В-третьих, были и политические мотивы. Религиозная жизнь в XVII веке была неотделима от жизни общественно-политической. Никонианская реформа расколола не только верующих, но и общество в целом, это была важная и рискованная политическая история, и власти не хотели делать из Аввакума показательного мученика. Ко времени, когда его всё-таки сожгли (причём формально – по политическому обвинению: за хулу на царский дом), Алексей Михайлович умер, а раскол уже был повержен.

Можно ли назвать Аввакума диссидентом?

Вполне. Когда советские диссиденты требовали от властей «соблюдать собственную конституцию»²⁹, они в каком-то смысле следовали примеру Аввакума, требовавшего, чтобы царь и патриарх следовали решениям Стоглавого собора, и так же были готовы пострадать за свои убеждения. Многие позднейшие диссидентские практики у Аввакума и его пустозерских союзников – страдальцев за веру – были уже в ходу. Так, например, послания и другие сочинения на волю (в Москву, в Боровск, на Дон, в Сибирь и так далее) передавались из тюрьмы, спрятанные в разные предметы, например в кедровые кресты, которые мастерил старец Епифаний, а в самом удивительном случае Аввакум «стрельцу у бердыша в топорище велел ящичек сделать... и заклеил своима бедныма рукама то посланейце в бердыш... и поклонился ему низко, да отнесет, богом храним, до рук сына моего, света; а ящичек стрелцу делал старец Епифаний». Передавать письма на волю через лагерную охрану советские диссиденты, конечно, не могли, но специальные предметы с тайниками для нелегальной корреспонденции были широко распространены и у них (только этой цели служили уже не кресты, а, например, курительный мундштук, который нужно было нагреть на свечке, чтобы развинтить и найти записку на папиросной бумаге).

Параллель можно усмотреть и в «показательных процессах» XVII века: священники и церковные иерархи, сперва протестовавшие против реформы, но впоследствии не выдержавшие гонений и отрёкшиеся от старой веры, были вынуждены многократно приносить публичное покаяние в целях назидания паствы – так же, как обвиняемые по политическим делам в сталинское время.

Сподвижник Аввакума дьякон Фёдор просил Бога открыть ему, не было ли в старой вере какой-нибудь ошибки и не была ли новая вера правой. В продолжение трёх суток он не ел, не пил и не спал и получил указание умереть за истинную веру и не принимать никаких новшеств. Но он очень беспокоился о своей семье и хотел вызвать духовника (которого в этих условиях можно назвать аналогом советского адвоката), чтобы передать через него весточку родным; первым условием для этого было подчинение церкви и собору – и Фёдор подписался под документом, что «во всем повинуется святой восточной соборной и апостольской церкви и всем православным ея догматом»; он умолял царя освободить его из тюрьмы и возвратить к бедной жене и малым детям. Отказ в свиданиях и праве переписки впоследствии стал распространённым методом давления на советских диссидентов.

---

²⁹ Лозунг советских правозащитников. Им сопровождался митинг гласности, который прошёл на Пушкинской площади в Москве 5 декабря 1965 года, в День Конституции. Митинг считается первой оппозиционной демонстрацией со времён установления сталинской диктатуры. Конституция 1936 года провозглашала свободу слова, печати и собраний. На площадь вышло около 200 человек, буквально через пару минут их всех разогнали.

Александр Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»

Александр Радищев

ПУТЕШЕ- СТВИЕ ИЗ ПЕТЕР- БУРГА В МОСКВУ

1789

*Первое русское публицистическое
произведение — книга крупного
чиновника, который проехал
600 вёрст и стал диссидентом.
Каталог российского бесправия и укор
высшей власти, за который Радищев
отправился в Сибирь.*

КОММЕНТАРИИ: ВАРВАРА БАБИЦКАЯ

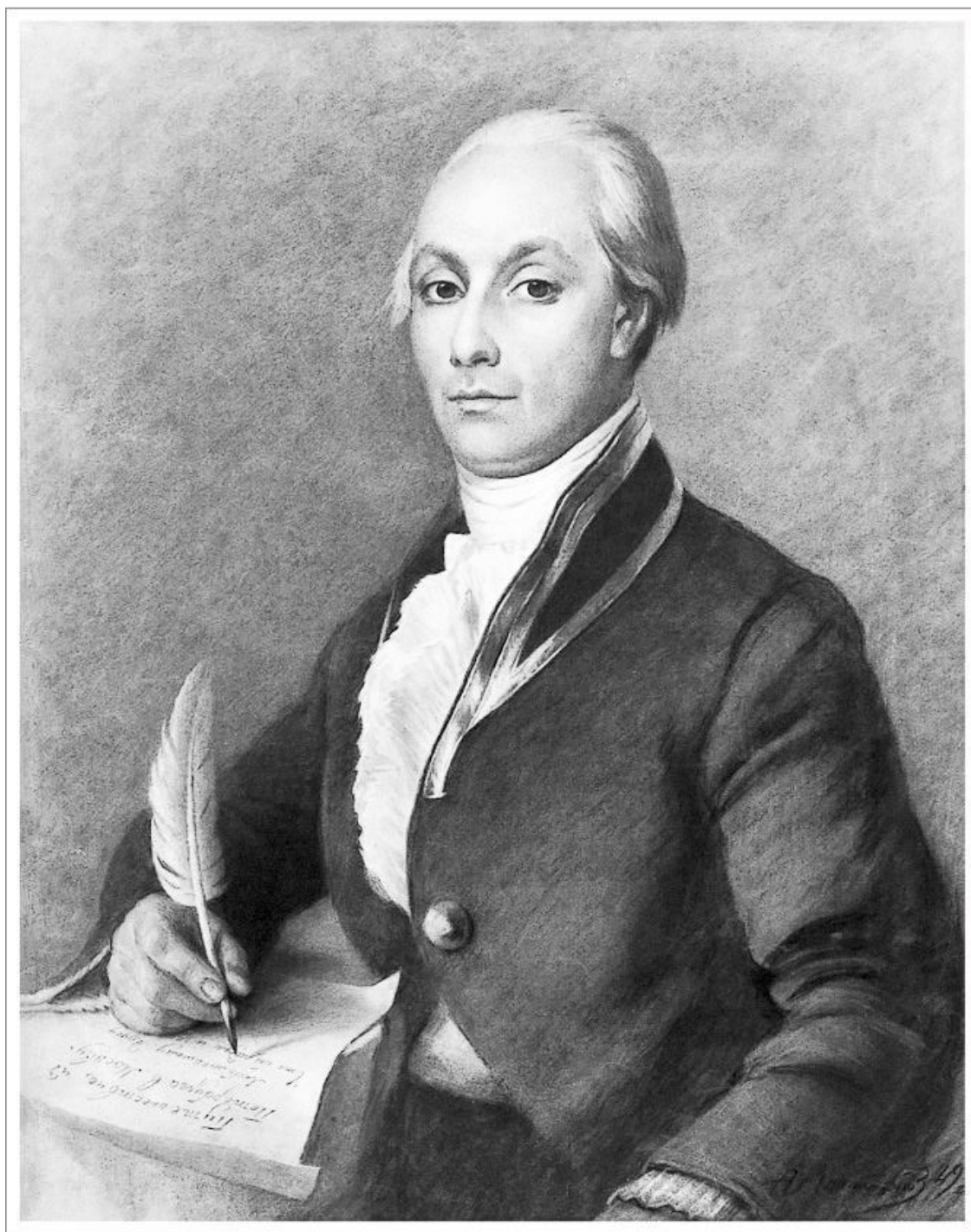
О чём эта книга?

Рассказчик, чувствительный русский дворянин с европейским образованием и либеральными воззрениями, едет на перекладных из Петербурга в Москву, по пути наблюдая неприглядную жизнь Российской империи: бесчеловечность крепостного права, коррупцию чиновников, воровские махинации купцов и слепоту монархии, которой его записки должны раскрыть глаза. Первое художественное произведение в истории русской литературы, за которое автор был сослан в Сибирь.

Когда она написана?

Радищев начинал свою главную книгу постепенно – с отдельных очерков, которые позже войдут в состав «Путешествия». Большая её часть создана во второй половине 1780-х годов. Наиболее радикальные главы – «Медное» (о продаже крепостных с публичного торга), «Торжок» (о цензуре) и др. – были написаны в 1785–1786 годы. В том же 1786 году появляется очерк о безразличном «начальнике», которого подчинённые в минуту крайней необходимости боятся разбудить, подвергая тем самым путников смертельной опасности («Чудово»). «Слово о Ломоносове» писалось с 1780 по 1788 год.

Радищев утверждал, что рукопись «Путешествия» была полностью готова к концу 1788 года. Но это, очевидно, не так, поскольку в «Кратком повествовании о происхождении цензуры» автор упоминает известие, полученное из революционной Франции: «...Мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступаая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания». Речь здесь идёт о памфлете, тайно изданном Маратом в 1790 году. Известно, что писатель дополнял свою книгу уже после прохождения цензуры, перед печатью, в 1790 году. Важно, однако, что, создавая «Путешествие» в годы, предшествовавшие Великой французской революции, которая сильно изменила российский политический климат, автор, вероятно, не предвидел остроты реакции со стороны Екатерины II.

Александр Лактионов. Портрет Александра Радищева. 1949 год³⁰

---

³⁰ Александр Лактионов. Портрет Александра Радищева. 1949 год. Саратовский художественный музей имени А. Н. Радищева.

Шарль Тевенен. Взятие Бастилии. 1793 год³¹

Радищев в эти годы служил чиновником, а затем и директором Петербургской таможни. Он пользовался доверием и дружбой своего начальника графа Александра Воронцова, президента Коммерц-коллегии³², и мог достичь высоких степеней, но публикация «Путешествия», повлёкшая за собой десятилетнюю сибирскую ссылку, положила конец его карьере.

---

³¹ Шарль Тевенен. Взятие Бастилии. 1793 год. Метрополитен-музей.

³² Правительственное учреждение, занимавшееся вопросами торговли. Было основано Петром I, упразднено в 20-х годах XIX века вместе с преобразованием министерств.

Как она написана?

«Путешествие» разбито на главы, названные по почтовым станциям, где рассказчик меняет лошадей. Единого сюжета в книге нет: структура, позаимствованная из сверхпопулярного «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна, позволяет рассказчику делать экскурсии в историю, нравы и обычаи проезжаемых мест, а по дороге предаваться философским размышлениям об устройстве государства, законе и нравственности, на которые наводят его всё новые впечатления и встречи. Часть таких рассуждений передана другим персонажам. Друзья и незнакомцы, которых встречает рассказчик, изливают ему свои мысли и печали и прямо-таки сорят важными бумагами, которые образуют чисто публицистические вставки в ткани художественного повествования. Ритуальные шутки о смене лошадей завершают многие главы, играя роль связок между разнородными кусками.

Характерный приём – постоянные обращения к читателю и шутки с ним («Если, читатель, ты нескучлив, то читай, что перед тобою лежит. Если же бы случилось, что ты сам принадлежишь к ценсурному комитету, то загни лист и скачи мимо»), а также, например, фразы, оборванные на полуслове.

Как отмечают³³ Пётр Вайль и Александр Генис, такой приём взят у Стерна, чья книга заканчивается словами: «Так что, когда я протянул руку, я схватил горничную за...» Похожим образом Радищев заканчивает главу «Едрово»: «Всяк пляшет, да не как скоморох, – повторил я, наклоняясь и, подняв, развёртывая...» Конечно, радищевский герой горничных ни за какие части не хватает (напротив, сексуальное насилие над крестьянками и горничными гневно осуждает). Вместо фривольностей за оборванной фразой следует пространный проект уничтожения рабства в России, найденный в грязи у почтовой избы. Радищев одновременно заимствует у Стерна комический приём и иронизирует над ним – лёгкую, развлекательную форму путевых заметок сам он наполняет серьёзным политическим содержанием.

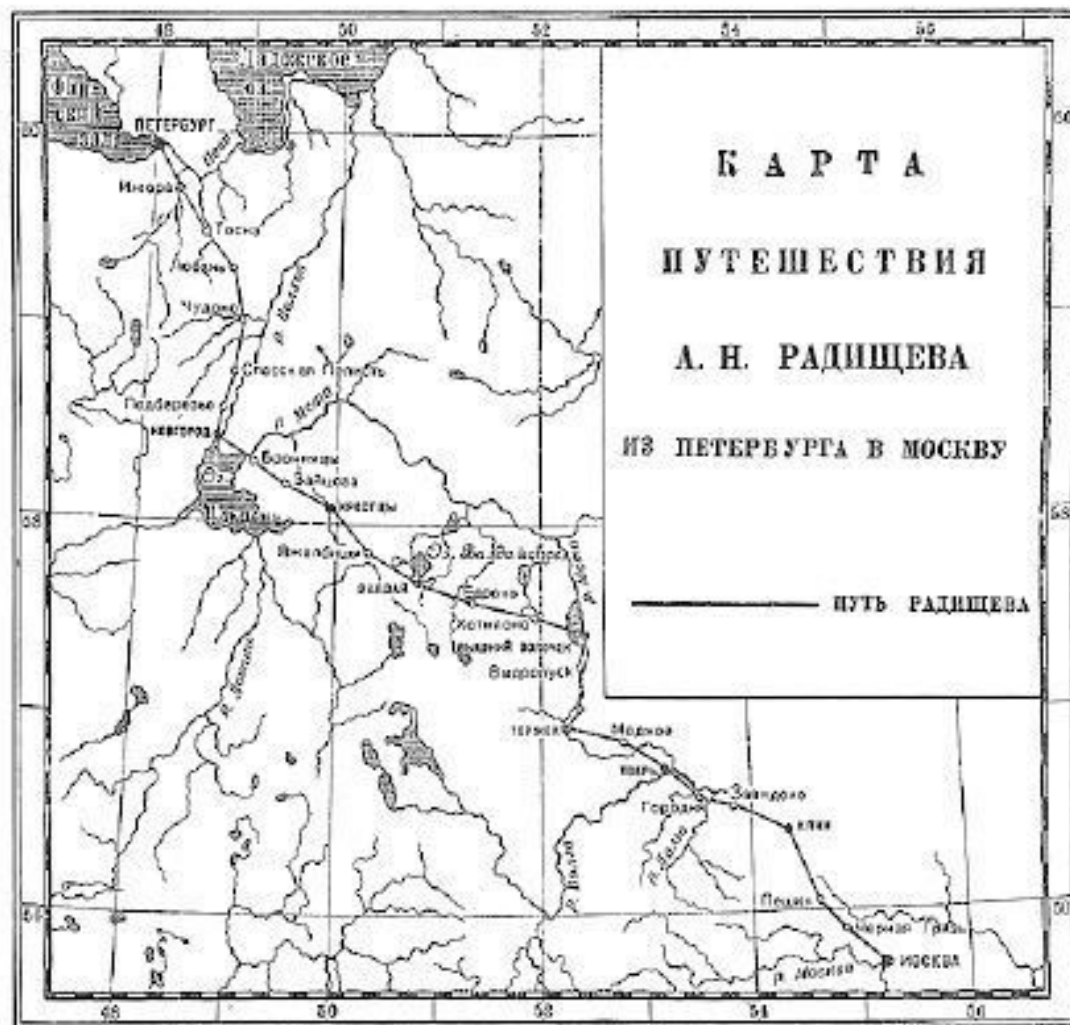
Этот литературный гибрид порождает особый стиль: обыденная разговорная речь разных сословий в бытовых зарисовках и диалогах сменяется тяжеловесным, архаическим, наполненным старославянизмами слогом публицистических кусков. Исследовательница Ольга Елисеева предположила, что этот неудобочитаемый язык – результат сознательного эксперимента над русской словесностью³⁴:

---

³³ Вайль П. Л., Генис А. А. Родная речь. – М.: КоЛибри, 2008.

³⁴ Елисеева О. Радищев. – М.: Молодая гвардия. 2015.

Карта путешествия Радищева из Петербурга в Москву³⁵

Мучительностью и корявостью языка писатель старался передать материальную грубость мира, тяжесть окружающей его жизни, где нет места ничему лёгкому и простому. Радищев добивался плотной осязаемости своих слов. Он пытался посредством невообразимо трудного стиля задеть, поцарапать читателя, обратить его внимание на смысл написанного. <...> Его интересовали необычные, неудобные языковые формы, длиннейшие предложения и обороты. Он пожертвовал внятным разговорным и письменным русским ради создания особого стиля. Намеренная архаизация стала барьером для понимания текстов Радищева.

Читатели в большинстве своём эксперимента не оценили.

³⁵ Карта путешествия Радищева из Петербурга в Москву. Из книги: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Фотолитографическое воспроизведение «Путешествия» (репринт) издания 1790 г. Материалы к изучению «Путешествия». В 2 т. Т. 1–2. – М.; Л.: Academia, 1935.

Что на неё повлияло?

Первый и главный свой источник Радищев указал на следствии: «Первая мысль написать книгу в сей форме пришла мне, читая путешествие Йорика³⁶; я так её и начал. Продолжая её, на мысль мне пришли многия случаи, о которых я слыхивал, и, дабы не много рыться, я вознамерился их поместить в книгу сию».

С содержательной стороны главный источник влияния – французские просветители. Екатерина Великая сразу отметила, что автор «заражён французским заблуждением», Пушкин позднее отметил: «...В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидро³⁷ и Реналь³⁸; но всё в нескладном, искажённом виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале».

На тему своей вторичности Радищев иронизирует в «Путешествии»: «Признаюсь, я на руку нечист; где что немного похожее на рассудительное увижу, то тотчас стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо». Но на самом деле в воровстве его не обвинишь – в своей книге Радищев щедро и добросовестно ссылается на источники, как истинный энциклопедист. Рассуждая, скажем, о российской судебной системе, он упоминает авторов, знание которых судейскими могло бы её значительно улучшить: «Если бы привести примеры из размышлений и разглагольствований судей наших о делах! Что бы сказали Гроций³⁹, Монтескью⁴⁰, Блекстон⁴¹!» Говоря о свободе слова, он приводит пространную цитату из диссертации Иоганна Готфрида Гердера «О влиянии правительства на науки и наук на правительство» (1778). Важный предшественник Радищева в его осуждении рабства – Гийом Рейналь, автор «Истории обеих Индий». Его взгляды на свободу личности и разумные основания нравственности сложились под большим влиянием философа-материалиста Гельвеция. Наконец, Жан-Жак Руссо Радищев обязан идеями социального равенства и близости к природе.

Кроме того, Радищев вдохновляется трагедией британца Аддисона «Катон», где описана борьба римлян-республиканцев против диктатуры Юлия Цезаря, а заглавный герой становится для него важной ролевой моделью.

---

³⁶ Имеется в виду «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна.

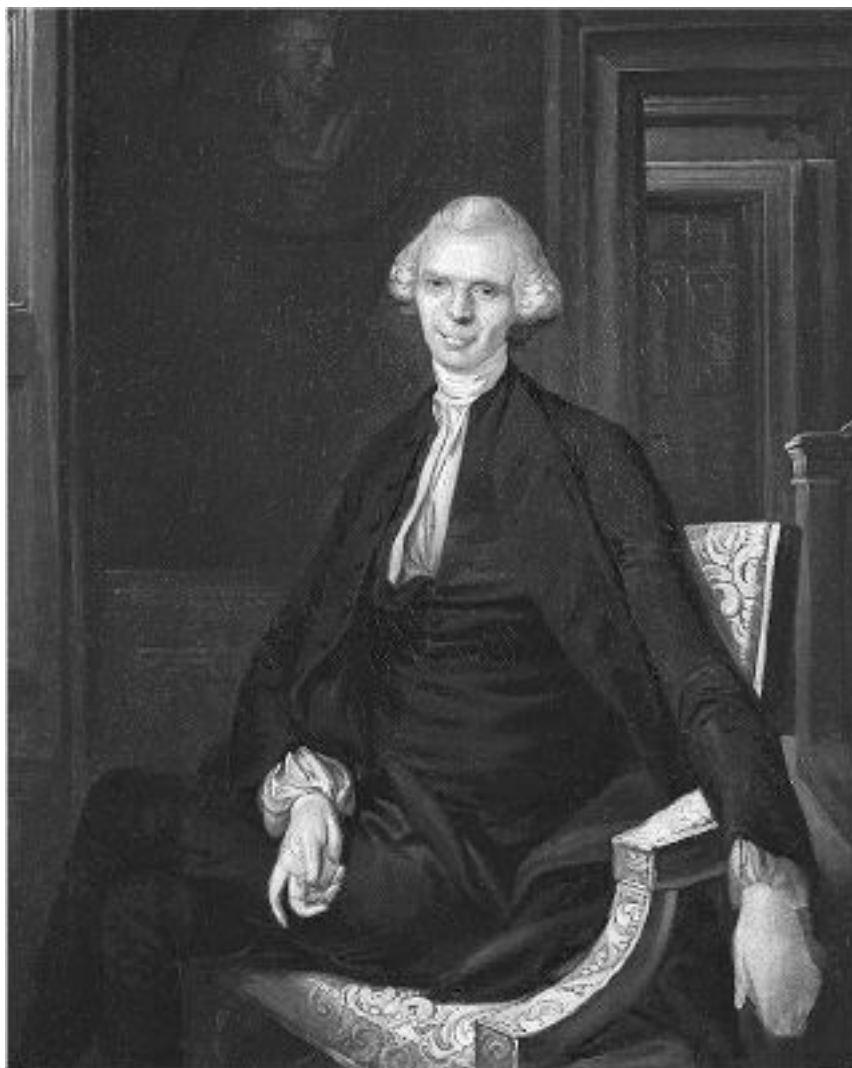
³⁷ То есть Дени Дидро.

³⁸ То есть Гийом Тома Рейналь.

³⁹ Гуго Гроций (1583–1645) – голландский юрист, государственный деятель, драматург и поэт.

⁴⁰ То есть Шарль де Монтескьё.

⁴¹ Уильям Блэкстон (1723–1780) – британский юрист, философ и адвокат.

Неизвестный художник. Лоренс Стерн.

Структура повести позаимствована из «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна⁴²

Античные авторы имели для Радищева большое значение – подробнее он отзывается о них в автобиографическом произведении «Житие Фёдора Васильевича Ушакова», где, отвергая Вергилия («льстец Августов») и Горация («лизорук Меценатов»), отдаёт предпочтение республиканцу Цицерону, «гремящему против Катилины», и «колкому сатирику, не щадящему Нерона» – то есть, предположительно, Петронию, в чьём «Сатириконе» император был выведен в образе разгульного вольноотпущенника Трималхиона.

Что до чувствительности – ей Радищевского героя научил Гёте, на что автор прямо указывает: «Сколь сладко неязвительное чувство скорби! Колико сердце оно обновляет и оно чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слёзы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером...»

Источником сведений об устройстве разных областей жизни и экономики, в том числе теневой, стала для писателя служба: в молодости как протоколист в первом департаменте Сената он составлял экстракты всех разбиравшихся дел, читал рапорты губернаторов об урожаях, торговле, побегах крестьян, бунтах, болезнях и смертности населения; челобитные давали ему представление о разных злоупотреблениях и преступлениях чиновников, судей,

---

⁴² Неизвестный художник. Лоренс Стерн. Национальная портретная галерея, Лондон.

помещиков: «Российская империя раскрылась для него не с парадного, но с чёрного хода»⁴³. Перейдя в мае 1773 года на должность обер-аудитора (юриста) в штаб командующего Финляндской дивизией генерал-аншефа Якова Брюса, Радищев имел возможность познакомиться с жизнью армии; в 1777 году будущий писатель поступил на должность в Коммерц-коллегию, решавшую все вопросы торговли, а затем в Петербургскую таможенную. Отсюда его познания в вексельном праве, в уловках, позволявших дворянам продавать крестьян незаконно, и проч.

---

⁴³ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. – М.: ГИХЛ, 1956.

Как она была опубликована?

Сперва Радищев попытался опубликовать книгу в Москве. Однако «Путешествие» не пропустил цензор, более того – типографщик, которому он хотел отдать рукопись, отказался печатать крамолу. Тогда Радищев решил завести свою типографию. Такую возможность давал ему указ 1783 года, дозволявший создание «вольных» типографий. Радищев купил типографский станок и напечатал книгу у себя дома с помощью служащих Петербургской таможни и крепостных своего отца. Однако книге ещё предстояло пройти цензуру в петербургской Управе благочиния, и на сей раз Радищев, на удивление, не встретил препятствий.

22 июля 1789 года обер-полицмейстер Никита Рылеев (известный, по отзыву одного мемуариста, «превыспреннейшей глупостью своею») пропустил книгу, просто её не прочитав.

В сентябре того же года Радищев представил в Управу рукопись «Слова похвального Ломоносову», которое сперва предполагал издать отдельно, но затем включил в состав «Путешествия». Вообще, состав книги менялся уже и после цензуры, что особенно ставила в вину писателю Екатерина II, воспринявшая это как лживый поступок.

В мае 1790 года книга была отправлена книготорговцу Зотову. Тираж составлял «не более как шестьсот сорок или пятьдесят экземпляров». Судьба этого тиража была печальна: около 600 экземпляров «не сдвинулось с места», то есть были уничтожены автором в ожидании обыска и ареста. Всего 26 экземпляров поступило в продажу, а несколько Радищев разослал знакомым. В настоящее время известно лишь 13 типографских экземпляров первого издания «Путешествия».

Второго пришествия радищевской книге пришлось ждать полвека. 15 апреля 1858 года в Лондоне в 13-м номере газеты «Колокол» (русском «тамиздатовском» печатном органе Герцена и Огарёва) появилось объявление о готовящемся издании: «Печатается Князь М. М. Щербатов и А. Радищев (из Екатерининского века). Издание Трюбнера с предисловием Искандера»⁴⁴. Как отмечает⁴⁵ Натан Эйдельман, показательно, что Александр Николаевич Радищев обозначен в этом объявлении только одним инициалом: по всей видимости, Герцен и Огарёв не знали его отчества, а для читателя сочли необходимым пояснить: «Из Екатерининского века». «О повреждении нравов в России» князя М. М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева» вышли вскоре под одной обложкой.

---

⁴⁴ Псевдоним Александра Герцена.

⁴⁵ Эйдельман Н. «Вослед Радищеву...» // Факел. Историко-революционный альманах. – М.: Политиздат, 1989.

Печатный станок. Россия. 1711 год⁴⁶

Первую попытку переиздать Радищева в России предпринял в 1868 году петербургский книгопродавец Шигин. Книга «Радищев и его книга «Путешествие из Петербурга в Москву» включала фрагменты собственно «Путешествия», но в таком покалеченном виде, что их даже цензура пропустила. Эту публикацию заметил только Герцен, посвятивший событию приветственную статью «Наши великие покойники начинают возвращаться», но главное – она стала поводом к формальной отмене запрещения, о чём высочайшим повелением был извещён Петербургский цензурный комитет – с указанием, чтоб «новые издания сего сочинения подлежали общим правилам действующих узаконений о печати». Обрадованный библиограф, издатель и литературовед Пётр Ефремов в 1872 году издал двухтомное собрание сочинений Радищева, включая текст «Путешествия» с документальными приложениями. Но на это издание немедленно был наложен арест, не помогли даже определённые смягчения и купюры, сделанные Ефремовым; цензор отметил: «Так как некоторые из принципов, порицаемых автором, ещё и ныне составляют основу нашего государственного и социального быта, то я полагаю

---

⁴⁶ Печатный станок. Россия. 1711 год. Государственный исторический музей.

неудобным допустить эту книгу к обращению в публичке в настоящем её виде частью потому, что она может возбуждать к своему содержанию сочувствие в легкомысленных людях, частью – служить удобным прецедентом для горячих и неблагонамеренных публицистов, которые не затруднятся провозгласить Радищева мучеником за его гуманные утопии, жертвою произвола и попытаются подражать ему»⁴⁷.

Наконец в 1888 году издатель Алексей Суворин благодаря личным связям добился позволения издать «Путешествие из Петербурга в Москву» – правда, исключительно «для знатоков и любителей», тиражом всего в 100 экземпляров, которые было предписано продавать за 25 рублей (то есть по цене, запретительной для широкого читателя). Суворин нашёл первое издание и воспроизвёл текст 1790 года «из строки в строку, из буквы в букву, приблизительно с таким же шрифтом, со всеми опечатками подлинника»⁴⁸.

Лишь в 1905 году появилось первое научное и полное издание «Путешествия» под редакцией Николая Павлова-Сильванского и Павла Щёголева. Годом позже появилось сразу пять изданий «Путешествия», и ещё три – в 1907 году.

---

⁴⁷ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Материалы к изучению. Т. 2. – М.; Л., 1935. С. 337–338.

⁴⁸ Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. – М.: Книга, 1977.

Как её приняли?

Поскольку почти весь тираж «Путешествия» был в ожидании ареста уничтожен Радищевым или конфискован, широкой реакции на книгу не последовало. Редкие её первые читатели восприняли «Путешествие» именно и только как политический манифест. Можно привести типичную реакцию графа Безбородко, писавшего в частном письме:

...Здесь по уголовной палате производится ныне примечания достойный суд. Радищев, советник таможенный, несмотря, что у него и так было дел много, которые он, правду сказать, и правил изрядно и бескорыстно, вздумал лишние часы посвятить на мудрования: заразившись, как видно, Франциею, выдал книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненную защитой крестьян, зарезавших помещиков, проповедью равенства и почти бунта противу помещиков, неуважения к начальникам, внёс много язвительного и, наконец, неистовым образом впутал оду, где излился на царей и хвалил Кромвеля... Всего смешнее, что шалун Никита Рылеев цензировал сию книгу, не читав, и, удовольствовавшись титулом, подписал своё благословение. Книга сия начала входить в моду у многих шали, по счастью, скоро её узнали...

«Узнали» – то есть власти узнали о существовании книги и изъяли её из оборота. Мнение «шали», то есть людей, действительно передававших «Путешествие» из рук в руки и делавших списки, осталось по большей части неизвестным. Публику больше занимала судьба автора, которую, надо сказать, оплакивали все, от вельмож до купцов на Бирже, считая приговор несправедливым и жестоким. Примечательна, однако, реакция Гаврилы Державина – одного из тех людей, которому Радищев послал «Путешествие». Державину приписывается следующая эпиграмма:

Езда твоя в Москву со истинною сходна,
Некстати лишь смела, дерзка и сумасбродна,
Я слышу: «На коней, – кричит ямщик. – Вирь, вирь».
Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь.

Как писал с горечью сын писателя Павел Радищев, «это писал человек, хвалившийся, что он «горяч, в правде чёрт».

Что было дальше?

Вскоре после выхода «Путешествия» экземпляр попал в руки Екатерине II, которая прочитала его с большим вниманием, возмутилась и распорядилась начать следствие. Хотя книгу Радищев напечатал анонимно, авторство его раскрылось почти сразу. Уже в своих комментариях к «Путешествию» императрица указывает: «... Упоминает о знании: что я имел случай по щастию моему узнать. Кажется сие знание в Лейпциг получано, и доводит до подозрения на господ Радищева и Щелищева: паче же буде у них заведено типография в доме, как сказывают». Она, очевидно, узнала склад мыслей и круг источников, поскольку знала Радищева и Петра Челищева («Щелищева»), бывших некогда её пажами, а затем отправленных ею за образованием в Лейпциг (людей с европейским образованием было в Петербурге совсем немного); но очевидно, что и слухи уже ходили по городу.

Радищев был посажен в Петропавловскую крепость, допрошен следователем Степаном Шешковским (начальником Тайной экспедиции, который в своё время вёл дело Пугачёва) и после суда приговорён к смертной казни Государственным советом. По случаю заключения мира в войне со Швецией Екатерина отменила смертный приговор, заменив его ссылкой в сибирский Илимск. Павел I, взойдя на престол, вернул ссыльного писателя с предписанием жить в его селе Немцове, а амнистировал его только Александр I.

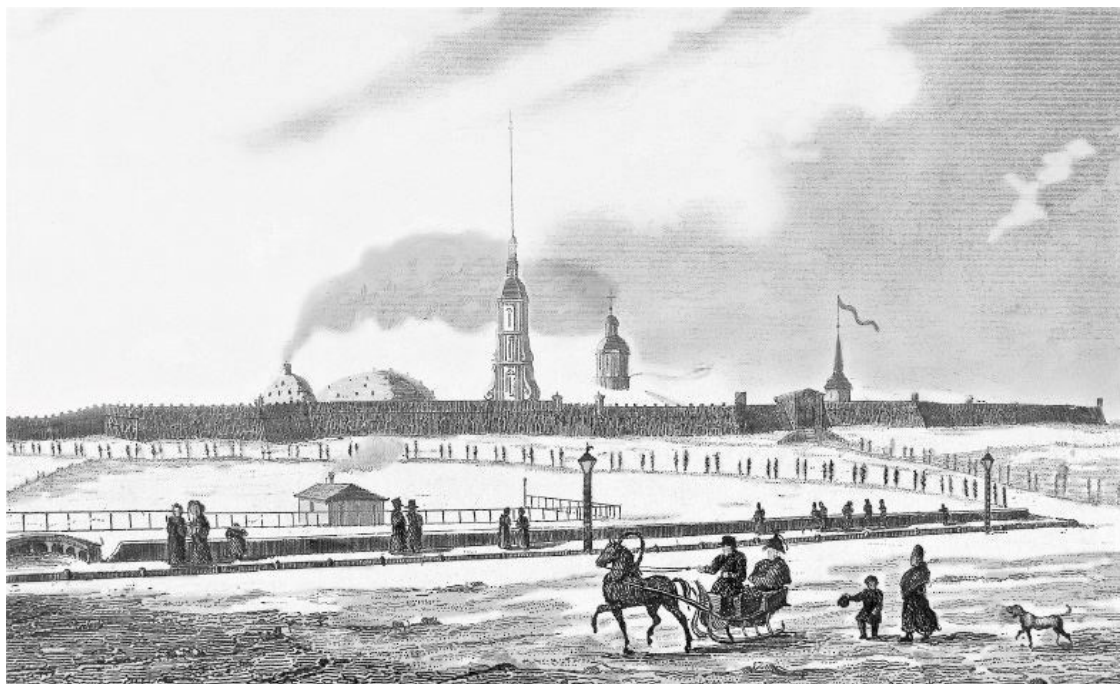
«Путешествие из Петербурга в Москву» осталось почти неизвестным и сделалось библиографической редкостью, хотя и ходило в списках. В 1836 году вернуть имя Радищева русской литературе решил Александр Пушкин, который за 200 рублей приобрёл экземпляр, хранившийся в Тайной канцелярии, и написал о Радищеве статью для своего журнала «Современник»; несмотря на её резко критический характер, в печать она пропущена не была.

Демократическая критика середины XIX века упоминает Радищева скупо – Добролюбов в статье «Русская сатира в век Екатерины» (1859) отметил: «Книга Радищева составляла едва ли не единственное исключение в ряду литературных явлений того времени, и именно потому, что она стояла совершенно одиноко, против неё и можно было употребить столь сильные меры. Впрочем, если бы этих мер и не было, всё-таки «Путешествие из Петербурга в Москву» осталось бы явлением исключительным и за автором его последовали бы, до конечных его результатов, разве весьма немногие»⁴⁹. Николай Чернышевский в 10-м номере «Современника» за 1860 год замечает, что в XVIII веке «Новиков⁵⁰, Радищев, ещё, быть может, несколько человек одни только имели... то, что называется ныне убеждением или образом мыслей».

---

⁴⁹ Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. – М.; Л.: ГИХЛ, 1934–1941. С. 149.

⁵⁰ Николай Иванович Новиков (1744–1818) – журналист, издатель. Издавал сатирические журналы «Трутенъ», «Живописец», «Кошелёк» – все они были закрыты по распоряжению власти. Основал в Москве свою «Типографическую компанию», публиковал старинные летописи и исторические памятники в серии «Древняя Российская Вивлиофика». В 1792 году Новикова арестовали и заключили в Шлиссельбургскую крепость, через четыре года он был освобождён Павлом I.

Петропавловская крепость. Гравюра XIX века⁵¹

Ещё и в 1907 году Евгений Соловьёв, автор «Очерков из истории русской литературы XIX века», писал: «Книга Радищева... не сыграла и не могла сыграть непосредственно роли в истории нашего умственного развития, потому что публика не знала и ещё до сих пор (т. е. через 100 лет после смерти автора и 110 по выходе книги) не знает её». В 1914 году в статье «О национальной гордости великороссов» Ленин упомянул Радищева как родоначальника русского освободительного движения – ему наследовали в этом ряду декабристы, затем разночинцы 1870-х годов, а затем рабочий класс и, наконец, крестьяне. Впоследствии фигура Радищева как «первого революционера» прочно утвердилась в советском литературоведении и школе. К тому времени, когда «Путешествие из Петербурга в Москву» нашло читателей, язык его безнадежно устарел – книгу можно и сегодня считать толком не прочитанной широкой публикой. Однако сама структура литературного путешествия, наполненного размышлениями о страдании народном, оказалась живучей – можно вспомнить и поэму Венедикта Ерофеева [«Москва – Петушки»](#), и документальный фильм Андрея Лошака «Путешествие из Петербурга в Москву», где режиссёр буквально повторил маршрут Радищева, чтобы посмотреть, как изменилась жизнь между столицами за истекшие два столетия.

---

⁵¹ Петропавловская крепость. Гравюра XIX века. Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств.

На что обиделась Екатерина?

Писатель, протоиерей Михаил Ардов вспоминал⁵², что Лев Гумилёв рассказал ему об экземпляре «Путешествия из Петербурга в Москву» с неопубликованными в то время пометками Екатерины II:

– Радищев описывает такую историю, – говорил Лев Николаевич. – Некий помещик стал приставать к молодой бабе, своей крепостной. Прибежал её муж и стал бить барина. На шум поспешили братья помещика и принялись избивать мужика. Тут прибежали ещё крепостные и убили всех троих бар. Был суд, и убийцы были сосланы в каторжные работы. Радищев, разумеется, приговором возмущается, а мужикам сочувствует. Так вот Екатерина по сему поводу сделала такое замечание: «Лапать девок и баб в Российской империи не возбраняется, а убийство карается по закону».

Возможно, это апокриф, – среди опубликованных теперь комментариев императрицы такого нет, – но суть её несогласия с Радищевым он передаёт верно.

---

⁵² Ардов М. Легендарная Ордынка // Новый мир. 1994. № 5.

Иоганн Лампи. Портрет Екатерины II. 1790 год⁵³

Радищев – автор сентиментальной школы, и культ разума непротиворечиво сочетается в нём с чувствительностью сердца. Устами одного из положительных персонажей – старого крестницкого дворянина – он прямо соглашается с Екатериной: «Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества». Но на деле невинность доведённых до крайности убийц для него «математическая ясность».

Писатель рисует идеал, к которому правитель должен стремиться. Так, в главе «Спасская Полесь» рассказчику снится, что он – великий государь, окружённый льстецами, превозносящими мир, тишину и изобилие его правления; к нему в образе странницы является сама Истина. Она снимает с его глаз «бельма» и показывает ему реальность: коррупцию, несправедливость и жестокость его приближённых, извращающих его указы и угнетающих народ. В

---

⁵³ Иоганн Лампи. Портрет Екатерины II. 1790 год. Музей имени М. А. Врубеля.

этой прозрачной аллегории Екатерина сразу узнала себя и отмела упрёк: «Не знаю какова негa власти в других владетели, во мне не велика».

Императрица, решающая государственные проблемы на практике, возмущена несправедливым отношением к своим усилиям: хорошо писателю вздыхать о судьбе доведённых до отчаяния крестьян, но нельзя же возвести снисходительность к убийцам в принцип – эдак ведь крестьяне начнут резать дворян, и Радищеву это прекрасно известно, чего же он от неё хочет? Когда автор проповедует пацифизм, называя царей виновниками «убийства, войною называемого», Екатерина возражает: «Чево же оне желают, чтоб без обороны попасца в плен туркам, татарам, либо пакарится шведам». Практических рекомендаций у Истины, очевидно, нет.

Радищев обвиняет императрицу в лицемерии, в измене той философии, которую сама она насаждала в молодости, – упрёк был основателен и оттого чувствителен. Ханжество Екатерины стало общим местом – Пушкин писал⁵⁴:

Екатерина уничтожила звание (справедливее – название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку – а тайная канцелярия процветала под её патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешёл из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой её смерти. Радищев был сослан в Сибирь. Княжнин умер под розгами – и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если бы не чрезвычайная его известность.

Венценосную читательницу автор «Путешествия» имел в виду, обращаясь к ней прямо: «Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнёшься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается». Читай: на воре шапка горит. И Екатерина возмущённо возражает: «Птенцы учат матку. Злость в злобном, во мне её нет».

При этом она дискутирует с автором всерьёз, отмечая несоответствия или, наоборот, жизненность его наблюдений, например описание сластолюбца-дворянина, который в своей деревне «омерзил 60 девиц, лишив их непорочности», комментирует: «Едва ли не гисторія Александра Васильевича Солтыкова». Но, с её точки зрения, это, так сказать, не политика партии, а перегибы на местах. Радищев оскорбляет её правление, возводя отдельные недостатки в ранг закономерности.

У Екатерины были основания назвать Радищева «птенцом». Пажом он служил во дворце – по свидетельству Пушкина, имевшего доступ к документам Тайной канцелярии, «государыня знала его лично». В числе шести пажей, отличившихся в науках, он был отправлен учиться в Лейпцигский университет. Монархи отправляли молодых дворян учиться за границу за государственный счёт со времён Петра I – с прагматической целью получить сведущих чиновников. И действительно, по возвращении в Россию молодой Радищев был определён на службу в канцелярию императрицы. Сын писателя вспоминал, что уже в бытность Радищева служащим Петербургской таможни государыня, уверенная в его честности и бескорыстии, «удостоила его важными поручениями: при начале шведской войны ему велено арестовать и описать шведские корабли». После смерти его начальника Радищев был назначен директором таможни, причём Екатерина отказала всем прочим претендентам на это место, говоря, что у неё уже есть достойный человек. При этом назначении Радищев получил из рук Екатерины орден Святого Владимира 4-й степени.

---

⁵⁴ Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. – Л.: Наука, 1977–1979. С. 125.

Наверное, ещё и поэтому императрица восприняла нападки Радищева близко к сердцу: он не просто единомышленник, но и всем своим мировоззрением обязан ей. Её комментарии к книге были инструкцией следователю Шешковскому, как вести допрос, в конце же Екатерина пишет: «Скажите сочинителю, что я читала его книгу от доски до доски, и прочтя усумнилась, не сделано ли ему мною какая обида? ибо судить его не хочу, дондеже не выслушен, хотя он судит царей, не выслушивая их оправдание». Шешковский выполнил поручение и получил ответ, что «никогда и никакой не только обиды не чувствовал, но всегда носил в себе её милости».

Когда по завершении следствия дело было передано в Палату уголовного суда, статс-секретарь Безбородко, инструктируя о порядке разбирательства Санкт-Петербургского Главного командующего графа Брюса, особо указал не предоставлять суду протоколов допроса, поскольку «многие вопросы, особливо же: «Не имеет ли он какого недовольствия или обиды на Ея Величество» отнюдь непристойно выводить пред судом». Это было слишком личное.

Был ли Радищев революционером?

«Первым революционером» назвал Радищева Ленин, и в таком качестве писатель был канонизирован советским литературоведением. Предвосхитила такую оценку вождя мирового пролетариата сама Екатерина, назвавшая Радищева «бунтовщиком хуже Пугачёва».

«Радищев был последовательным революционным демократом конца XVIII столетия. Это был пропагандист, республиканец, который в этот острый период начавшейся в Европе буржуазной революции осторожно начал сколачивать кадры единомышленников»⁵⁵, – утверждает, например, видный деятель антирелигиозной кампании Емельян Ярославский в газете «Правда». Для какой же цели писатель сколачивал кадры? Филолог Григорий Гуковский, автор предисловия к полному собранию сочинений Радищева, предлагает замечательную версию: параллельно с работой над книгой писатель буквально готовил революцию! «В том же 1789 году Радищев предпринял шаги к тому, чтобы расширить свою деятельность, установив связь с Городской Думой, а затем попытался перейти от пропагандистской работы к организации вооружённой силы»⁵⁶. Таким образом исследователь трактовал действия Радищева, который в мае 1790 года, во время войны со Швецией, организовал вооружённое ополчение для защиты Петербурга. Сделано это было постановлением Городской думы, в ополчение среди прочих принимали и беглых крестьян. После ареста Радищева Екатерина распорядилась «беглых помещичьих людей» из думского ополчения отдать помещикам, а остальных сделать обычными солдатами. «В какой связи стоит распоряжение Екатерины с делом Радищева – не ясно», – признаёт Гуковский, однако он уверен: не иначе как Екатерина узнала в ходе следствия о куда большей угрозе, чем представляла собой его книга.

Над подобными теориями иронизировал в «Беседах о русской культуре» Юрий Лотман, заметивший, что даже попытки возвести к «Путешествию» официальную генеалогию русской революционной мысли недобросовестны: декабристы, к примеру, от Радищева отреклись, Пушкин назвал его книгу «преступлением, ничем не извиняемым». Один из литературоведов, стремившихся изобразить добросовестного чиновника, семьянина и писателя-идеалиста «чуть ли не руководителем революционного кружка в Петербурге конца 1780-х – начала 1790-х годов», Георгий Шторм, в своей книге «Потаённый Радищев» выдвинул концепцию, которую Лотман излагает так: «...Собрав обширный материал (здесь нельзя не отдать должного изобретательности и трудолюбию Г. Шторма), автор книги возводит всех близких и далёких родственников и знакомых Радищева в его общественно-политических единомышленников. Создаётся впечатление, что Радищев был окружён разветвлённой политической группой, состоящей в основном из его родственников»⁵⁷.

В действительности, как показывает Лотман, Радищев не был и не мог быть революционером-заговорщиком, потому что для просветителя XVIII века этот путь в принципе представлялся ложным:

Привычки, обычаи, традиции для просветителя – именно те силы, которые противостоят разуму и свободе. Для борьбы с ними необходим «зритель без очков» (так называл Радищева А. Воронцов), то есть тот, что смотрит на мир свежим взором философа. Свобода начинается словом философа. Услышав его, люди осознают неестественность своего положения.

---

⁵⁵ Ярославский Е. К 150-летию выхода в свет «Путешествия» // Правда. 1940. № 143. 24 мая.

⁵⁶ Гуковский Г. А. Предисловие к полному собранию сочинений А. Н. Радищева // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. III–XIX.

⁵⁷ Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство – СПб, 1994.

А следовательно, переход от рабства к свободе не предполагает кровопролития. Писатель-просветитель не скрывается – он «истину царям с улыбкой говорит», как писал Державин, чьим примером Радищев, видимо, вдохновлялся.

Но, может быть, Радищев, сам не планируя вооружённого восстания, тем не менее призывал к нему народ? В подтверждение этой версии обычно приводилось заключение главы «Медное», где автор не допускает, что помещики отпустят крестьян себе в убыток, и видит источник свободы не в их доброй воле, а в «самой тяжести порабощения». Такое мнение первой высказала Екатерина, приписавшая в этом месте: «То есть надежду полагает на бунт от мужиков». Писатель на это убедительно возразил: «Если кто скажет, что я, писав сию книгу, хотел сделать возмущение, тому скажу, что ошибается, первое и потому, что народ наш книг не читает, что писана она слоном, для простого народа не внятным...» Радищевский слог был и для образованного читателя непросто, вряд ли «Путешествие» можно рассматривать как средство массовой пропаганды среди неграмотных крестьян – к тому же, говорит писатель, и тираж мал.

Можно вспомнить к тому же, что «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» Радищев знал не понаслышке: во время восстания Пугачёва родители его едва не погибли, но были спасены собственными крестьянами, которые «их не выдали, но спрятали между собою, нарочно измазав сажей и грязью»⁵⁸. В главе «Едрово» рассказчик осуждает крестьян, тащивших барина-наильника Пугачёву на расправу: «Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! Но почто не поведали вы сего законным судиям вашим? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны остались».

На замечание Екатерины, что «французская революция ево решила себя определить в России первым подвизателем», Радищев указал: «Францию ж в пример он не брал, хотя и сам признаётся, что сие похоже на то обстоятельство; ибо сие писал он прежде, нежели во Франции было возмущение». Когда же он обращается к французским событиям в главе «Торжок», написанной позднее, то с тревогой отмечает: «необузданность и безначалие дошли до края возможного», между тем настоящей вольности так и нет – цензура не упразднена, а народное собрание ведёт себя «так же самодержавно, как доселе их государь».

Уверенность в неизбежности революции – не то же самое, что призыв к ней. Радищев с ужасом ждёт революции при сложившемся порядке вещей и призывает изменить этот порядок, пока не поздно.

---

⁵⁸ Эйдельман Н. Из потаённой истории России XVIII–XIX веков. – М.: Высшая школа, 1993. С. 50–81.

«Какую цель имел Радищев? чего именно желал он?»

Таким вопросом задался в своей знаменитой статье «Александр Радищев» Пушкин, который назвал «действием сумасшедшего» решение Радищева печатать такую крамолу.

Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединённые силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников.

Отдавая должное силе радищевского духа, его удивительной самоотверженности и «какой-то рыцарской совестливости», Пушкин тем не менее называет «Путешествие» «преступлением, ничем не извиняемым», а также «книгой весьма посредственной». Эта двойственная претензия – стилистическая и политическая – была запрограммирована самим «Путешествием», его новаторской концепцией, и в нём же обсуждается.

Пушкинскую характеристику «варварский слог» следует понимать буквально, как слог некультурный: в русской прозе Радищев «не имел образца». Радищев понимал, что идёт непроторённой дорогой, и в самой книге размышлял о необходимости новой формы для нового содержания на материале русской поэзии. Рассуждение об этом вложено в уста безымянного поэта, встреченного в Твери, которому автор подарил свою оду «Вольность», приведённую в «Путешествии» отрывками: «В Москве не хотели её напечатать по двум причинам: первая, что смысл в стихах неясен и много стихов топорной работы, другая, что предмет стихов несвойствен нашей земле. Я еду теперь в Петербург просить о издании её в свет» (тем самым в книге изложена история её же публикации).

Непроходным стало уже само название – «Вольность». «Но я очень помню, – комментирует путник, – что в Наказе о сочинении нового уложения, говоря о вольности, сказано: «Вольностию называть должно то, что все одинаковым повинуются законам». Следственно, о вольности у нас говорить вместно». Тут Радищев не в первый и не в последний раз колет Екатерине глаза её не воплощённым в жизнь «наказом», но аргумент его формалистичен до абсурда – он прекрасно понимает, что понятие «вольность» они с императрицей трактуют по-разному. Далее цензуру смутили слова «Да смятутся от гласа твоего цари», которые якобы предполагают пожелание зла царю. Придирка нарочито издевательская – ведь в соседних строках автор прямо предрекает революцию («Меч остр, я зрю, везде сверкает; / В различных видах смерть летает, / Над гордою главой паря») и поминает цареубийц – Брута, Вильгельма Телля и Кромвеля. Причём последнего осуждает – но не за казнь короля, а за то, что, свергнув тирана, Кромвель сделался тираном сам, не дав людям свободы (что справедливо отметила и Екатерина: «Ода совершенно ясно бунтовская, где царям грозит плахой. Кромвелев пример приведён с похвалой»). Такие же претензии были у Радищева и к деятелям Французской революции.

С литературной точки зрения цензора смутил стих «Во свет рабства тьму претвори». У поэта есть любопытное соображение: стих этот «очень туг и труден на изречение» из-за частого повторения буквы Т и стоящих рядом согласных («бства тьму претв»), однако «иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия» – то есть поэт фонетически изображает препятствия к отмене крепостного права.

В этом свете кажется убедительным предположение Петра Вайля и Александра Гениса, что Радищевым двигало именно литературное честолюбие, а вовсе не революционный задор. Обращаясь к императрице с нравоучениями, Радищев, возможно, держал в уме вдохновляю-

щий пример Державина, который, выпустив в свет свою неортодоксальную «Фелицу», лёг спать ни жив ни мёртв, не представляя, какую реакцию вызовет его ода, снижающая образ богоравной императрицы. Характерно, что Державину одному из первых Радищев успел прислать своё свежееотпечатанное произведение. Но Державин в своё время угадал, польстил и проснулся первым русским поэтом. Ко времени же появления «Путешествия» пожилая и напуганная европейскими революционными событиями Екатерина не была уже расположена к литературным новшествам и авторскую интенцию поняла совсем не так: «Намерение сей книги на каждом листе видно; сочинитель оной наполнен и заражён французским заблуждением, ищет всячески и выискивает всё возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства».

Сам писатель на следствии утверждал, что им двигали именно литературные амбиции. Первые его литературные труды не вызвали реакции – ни в художественном, ни в политическом смысле, хотя также содержали вольнолюбивые выпады. Например, сквозь пальцы посмотрела Екатерина на радищевские комментарии к сочинению французского философа Габриэля Бонно де Мабли «Размышление о греческой истории» (1773 год), содержавшие фразу: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске», «Житие Фёдора Васильевича Ушакова» остались незамеченными. На следствии Радищев показывал:

Описывая состояние помещичьих крестьян, думал, что устыжу тем тех, которые с ними поступают жестокосердо. Шуточные поместил для того, чтобы не скучно было длинное, серьезное сочинение. Дерзновенныя выражения и неприличной смелости почерпнул я, читая разных писателей, и ни с каким другим намерением, как чтобы прослыть хорошим писателем. Да и самое издание книги ни к чему другому стремилось, как быть известну между авторами, и из продажи книги приобрести себе прибыль.

Конечно, измученный и испуганный писатель, отрекшаяся от политического обвинения, говорил то, что могло смягчить его участь. Однако и решение издавать книгу анонимно он объяснял желанием увидеть реакцию публики и в случае успеха объявить своё имя. Есть и такое мнение, что Радищев хотел писать тонкую, остроумную, изящную прозу, но его «душил обличительский и реформаторский пафос», который испортил его книгу в художественном отношении и дорого обошёлся в политическом.

Что ещё вызывает негодование Радищева, помимо крепостного права?

Радищев, совершая путешествие по России, успевает фиксировать множество общественных пороков, которые он, как олицетворенная Истина, должен изобличить. По свидетельству его сына, сам он говорил, что если бы он издал своё «Путешествие» за 10 или за 15 лет до Французской революции, то «он вместо ссылки скорее был бы награждён на том основании, что в его книге есть очень полезные указания на многие злоупотребления, неизвестные правительству». Тут и чинопочитание, и судопроизводство, стоящее на пытках и взятках, и телесные наказания, и воровство и мошенничества во всех сословиях, и рекрутчина, и вексельное право. Из проблем, не связанных прямо с положением крестьян, наибольшее его возмущение вызывает цензура.

В Торжке рассказчик встречает человека, который едет в Петербург хлопотать о заведении свободного книгопечатания в своём родном городе. Герой с обычным своим простодушием указывает ему, что в прошениях нет необходимости: заводить книгопечатни частным лицам было позволено ещё указом 1783 года (о чём Радищев, напечатавший таким образом своё «Путешествие», знал не понаслышке). Однако напечатать книгу – полдела: «Теперь свободно иметь всякому орудия печатания, но то, что печатать можно, состоит под опекою. Цензура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного». Мысль, которую цензура водит на помочах, не может свободно развиваться и остаётся ущербной. Многие сочинения не дойдут до читателя хотя бы по невежеству цензора: Радищев язвительно приводит в пример чиновника, который зарезал роман, где любовь названа «лукавым богом», поскольку усмотрел в этой аллегории богохульство; другой цензор не пропускает никаких критических упоминаний о князьях и графах, «ибо у нас есть князья и графы между знатными особами». При всей нелепости этого примера он был исключительно жизненным: так, Гоголю пришлось выкинуть «весь генералитет» из своей [«Повести о капитане Копейкине»](#), Александр Сухово-Кобылин, пытаясь провести на сцену пьесу [«Дело»](#), был вынужден понизить в чине всех действующих лиц.

Проповедуя, едва ли не первым в России, свободу слова («Пускай печатают всё, кому что на ум ни взойдёт»), Радищев ссылается на «Наказ о новом уложении» (1767) – изданный Екатериной при восшествии на престол манифест просвещённого абсолютизма, который был впоследствии положен под сукно. Там среди прочего сказано: «Слова не всегда суть деяния, размышления же не преступления»; «Слова не вменяются никогда во преступление, разве оныя приуготовляют, или соединяются, или последуют действию беззаконному. Всё превращает и опровергает, кто делает из слов преступление смертной казни достойное». Понятно, что эти формулировки оставляют широкий простор для толкования: не осуждая автора за его сочинение как таковое, легко можно усмотреть в этом сочинении улику, указывающую на реальное преступление. Радищев же свободу слова понимает буквально, при всей своей строгой морали не делая исключения даже для порнографии, причём запрет развратных книг сравнивает с запретом проституции:

Скитающиеся любовницы, отдающие сердца свои с публичного торга наддателю, тысячу юношей заразят язвою и всё будущее потомство тысячи сея? но книга не давала ещё болезни. И так цензура да останется на торговых девок, до произведений же развратного хотя разума ей дела нет.

Из более специальных проблем Радищева занимает вексельное право, ведущее к разорению должников, ограничивающее торговлю и открывающее большой простор для жульничества. В главе «Новгород», скажем, описана мошенническая схема обогащения купца Карпа

Дементьича: забрав вперёд 30 тысяч рублей по контракту на поставку льна, купец строит дом на имя жены. На следующий год на лён неурожай, и купец, не будучи в состоянии исполнить свои обязательства по контракту, объявляет себя банкротом – отдаёт кредиторам всё своё имение, оставив их в большом убытке: за каждый вложенный рубль они получают только по 15 копеек. Женин дом остаётся в неприкосновенности: он формально не составляет часть имения Карпа Дементьича. Разорившийся купец торговать больше не может – но и на это есть уловка: «С тех пор как я пришёл в несостояние, парень мой торгует. Нынешним летом, слава богу, поставил льну на двадцать тысяч». Рассказчик подхватывает: «На будущее, конечно, законтрактует на пятьдесят, возьмёт половину денег вперёд и молодой жене построит дом...»

Екатерина в этом месте отмечает: автор «...знание имеет подробностей купецских обманов, чего у таможи лехко приглядется можно» – компетентность Радищева, директора таможи, стала в этом случае одной из улик против него.

Как соотносятся у Радищева любовь семейная, правительство и сифилис?

Как свидетельствует сын Радищева, «Александр Николаевич полагал, что самый счастливый человек в мире тот, кто имеет хорошую жену». И писателю в этом повезло дважды. С первой женой, Анной Васильевной Рубановской, он прожил в большой любви восемь лет, нажил четверых детей и горько оплакивал её кончину. Памятник ей с собственноручно написанной эпитафией, где писатель выражает надежду на загробную встречу, он поставил у себя в саду.

Второй женой писателя стала его свояченица Елизавета Васильевна Рубановская, которая после смерти сестры взяла на себя воспитание его детей, а после ссылки Радищева последовала за ним в Сибирь, проложив дорогу жёнам декабристов. Лотман пишет: «Как это случается с девушками, она была втайне влюблена в мужа своей сестры, но скрывала свои чувства. В страшную минуту ареста Радищева она проявила не только мужество и верность, но и ум и находчивость. Собрав все драгоценности дома, она отправилась через бушующую Неву на лодке (мосты не работали) в Петропавловскую крепость. Там она передала их палачу Шешковскому, который был не только «кнутобойца» (выражение Г. Потёмкина), но и взяточник. Этим Радищев был избавлен от пыток».

В Сибири Рубановская стала женой Радищева. По тем временам такой брак был скандальным и даже незаконным, поскольку приравнивался к кровосмешению. Детей от этого брака, рождённых в Сибири, Радищев узаконил с позволения Александра I (сама Елизавета Васильевна обратной дорогой умерла). Но, когда по возвращении из ссылки писатель представил их своему отцу, Николаю Афанасьевичу, старик пришёл в ярость: «Или ты татарин, – вскричал он, – чтоб жениться на свояченице? Женись ты на крестьянской девке, я б её принял как свою дочь». Очевидно, демократизм и принципиальность писатель унаследовал от отца, только принципы у них были разные. Радищев склонен был пренебрегать установлениями закона и религии ради того, что он считал естественным и разумным.

Идеал естественной семьи был воспринят им от Руссо. Своих детей Радищев в Илимске сам учил ежедневно истории, географии, немецкому и французскому: «Дети приучены были вставать и одеваться, не требуя никакой прислуги. Он обходился с ними просто и никогда не наказывал»⁵⁹ (а также сам привил им оспу). Конечно, в условиях ссылки и тесное семейное общение, и самостоятельность детей в быту были вынужденными мерами, но они отвечали радищевским принципам, подробно изложенным в главе «Крестьяны».

Старый дворянин, встреченный там рассказчиком, даёт наставление детям, попутно вспоминая историю их воспитания. Мать сама кормила их грудью, отец учил наукам и физическому труду. Старик призывает молодых людей не смущаться в столичном обществе простоты своей одежды, внешности и незнания светских манер: «Не опечальтесь, что вы скакать не умеете как скоморохи»; зато они быстро бегают, хорошо плавают, умеют «водить соху, вскопать гряды», владеют «косою и топором, стругом и долотом». Человек правильного воспитания должен, по Радищеву, уметь подоить корову и сварить щи (никаких гендерных предрассудков!), а также знать науки и иностранные языки, но прежде всего свой собственный (редкая добродетель по радищевским временам).

---

⁵⁹ Радищев П. А. Биография А. Н. Радищева // Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Симптомы сифилиса.

Из труда Марка Аврелия Северина «*De recondita abscessuum natura libri VII*». 1632 год⁶⁰

В главе «Едрово» этому добродетельному сельскому семейству противопоставлен пример горожан с их развращённостью и противоестественными привычками, такими как ношение корсетов («трёхчетвертной стан» городской красавицы не приспособлен для беременности и родов) и чистка зубов. На этот обычай рассказчик обрушивается с неожиданным негодованием, ставя в пример петербургским и московским боярынькам сельских красавиц: «... Посмотрите на их зубы, учитесь у них, как их содержать в чистоте. Зубного врача у них нет. Не сдирают они каждый день лоску с зубов своих ни щётками, ни порошками». В чём же состоит гигиена ротовой полости по Радищеву? Конечно, в добродетели.

---

⁶⁰ Симптомы сифилиса. Из труда Марка Аврелия Северина «*De recondita abscessuum natura libri VII*». 1632 год. Wellcome Collection.

Дыхание городских красавиц зловонно вследствие разврата: мужья таскаются по девкам, жёны меняют любовников как перчатки, пятнадцатилетнюю девушку мать торопится выдать за старика-генерала, «для того только, чтобы не сделать... визита воспитательному дому» (то есть не дожидаться, пока дочь принесёт в подоле), а та и рада – мужа-старика легко обманывать, приписывая ему прижитых с любовниками детей. Следствием всего этого непотребства становится дурная болезнь – при чтении «Путешествия» может сложиться впечатление, что в России XVIII века ею были заражены сплошь все сословия из поколения в поколение.

На станции Яжелбицы, к примеру, некий отец, хороня сына, объявляет себя его невольным убийцей: «Я смерть его уготовал до рождения его, дав жизнь ему отравленную». Тут рассказчик цепенеет, поскольку и сам он в дни распутной юности от «мздоимной участницы любовных утех» получил «смердную болезнь» (вероятно, сифилис) и передал её своим детям, тем самым подорвав их здоровье. Екатерина II ехидно комментирует это место: «...Описывают следствия дурной болезни, которую сочинитель имел; вины ею же оной приписывает... правительству».

Тут она попала не в бровь, а в глаз. Тема венерических заболеваний была для Радищева крайне чувствительной – в его изображении сифилис становится практически метафорой всех общественных язв вообще (в этом случае правительство виновато, видимо, в недостаточно суровом преследовании проституции: «Оно, дозволяя распутство мздоимное, отверзает не токмо путь ко многим порокам, но отравляет жизнь граждан»).

После возвращения из Сибири, живя в своём имении, Радищев попытался бороться с упадком нравов на практике. Он запретил среди своих крестьян незаконный, но повсеместно практикуемый обычай женить малолетних мальчиков на взрослых девках, чтобы заполучить в дом работницу (в результате с молодой нередко сожительствовал свёкр – это обыкновение, называвшееся снохачеством, описано в главе «Едрово»). Более того, писатель собирался даже учредить среди своих крестьян «награду для той женщины, замужней или девки, которая в течение года отличит себя хорошим поведением или каким-либо подвигом добродетели. Эту мысль ему внушила замеченная им испорченность нравов в простом народе»⁶¹. Увенчалось ли предприятие успехом – биограф не сообщает.

---

⁶¹ Там же.

Кто положительные герои «Путешествия»?

Как справедливо отмечал Радищев на следствии, «Путешествие из Петербурга в Москву» не было адресовано крестьянам, поскольку крестьяне неграмотны. Его адресат – если и не сама императрица, то, во всяком случае, его брат-дворянин. Именно от дворян писатель ждёт положительных изменений: просветившись, они должны дать крестьянам волю. Идеализм такого предположения был очевиден («Уговаривает помещиков освободить крестьян, да никто не послушает», как справедливо отметила Екатерина), и Радищев фактически это признаёт: его новый человек – он сам и несколько ближайших его товарищей.

Выводя условных единомышленников в лице новгородского семинариста с «примазан-ными квасом волосами», который идёт в Петербург за знаниями, как Ломоносов (похвальным словом которому заканчивается «Путешествие»), или безымянного дворянина, разорённого тяжбами, Радищев подразумевает и реальных своих друзей.

Первый из них – Алексей Кутузов, однокашник по Лейпцигскому университету, которому посвящено и «Путешествие», и перед тем «Житие Фёдора Васильевича Ушакова».

Второй – другой университетский товарищ, Пётр Челищев, обозначенный в главе «Чудово» как «приятель мой Ч.»: он рассказывает, как во время морской прогулки в Петергофе чуть не погиб из-за небрежения местного начальника (это происшествие случилось с Челищевым на самом деле). Читая «Путешествие», Екатерина подозревала в Челищеве возможного автора книги или, во всяком случае, сообщника Радищева, но следствием он был оправдан.

В книге Ч. заканчивает свой рассказ сентенцией совершенно в духе Чацкого:

Теперь я прощусь с городом навеки. Не въеду николи в сие жилище тигров. Единое их веселие – грызть друг друга; отрада их томить слабого до издыхания и раболепствовать власти. И ты хотел, чтоб я поселился в городе.

Любопытно, что в этом случае рассказчик передоверяет приятелю радикальные мысли, сам занимая примирительную позицию: он уговаривает Ч. возвратиться в Петербург, доказывая, что «малые и частные неурядицы в обществе связи его не разрушат, как дробинка, падая в пространство моря, не может возмутить поверхности воды».

Челищев питал к товарищу юности глубокое уважение и симпатию. А через десять месяцев после суда над писателем он действительно бежал из города, отправившись в поездку по Сибири, как будто выполняя данную им Радищевым программу, и написал собственные путевые записки – «Путешествие по Северу России в 1791 году», где между прочим описывает нравы чиновников, у которых «нет привычки помогать против им данного предписания проезжающим»⁶².

Ещё один (на сей раз не имеющий реальных прототипов) сочувственный собеседник героя – некто Крестьянкин, встреченный на станции Зайцево. Этот добродетельный чиновник уголовной палаты оказывается бессилён перед жестокой и несправедливой буквой закона и, чтобы не оказаться соучастником неправосудной (с его точки зрения) казни, вынужден выйти в отставку.

Описанная Крестьянкиным сцена вызвала особый гнев Екатерины. Некий дворянин, начинавший придворным истопником, но выслужившийся до коллежского асессора, выйдя в отставку, купил деревню; со своими крепостными он обращался как со скотом.

...он... отнял у них всю землю, – рассказывал Крестьянкин, – скотину всю у них купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю

---

⁶² Путешествие по Северу России в 1791 году: Дневник П. И. Челищева / Изд. под наблюдением [и с предисл.] Л. Н. Майкова. – СПб.: Тип. В. С. Балашёва, 1886.

на себя, а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе, и то по одному разу в день... Если который казался ему ленив, то сёк розгами, плетью, батожем или кошками... <...> Сожительница его полную власть имела над бабами. Помощницами в исполнении её велений были её сыновья и дочери... <...> Плетью или кошками секли крестьян сами сыновья. По щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери.

В конце концов крестьяне после очередного зверства убили и асессора, и его сыновей. Этих-то «невинных убийц» и считал нужным оправдать Крестьянкин, чего закон бы, конечно, не допустил. Прототипом жестокого помещика был реальный сосед Радищева Василий Николаевич Зубов, который отнял у своих мужиков «весь хлеб, скотину, лошадей», кормил их на своём дворе щами из корыта, нещадно сёк и держал на цепи. Радищев, по свидетельству сына, с этим человеком никогда не здоровался.

Помимо прочего, история эта содержит шпильку в адрес высоких степеней и чинов, которыми русские императоры осыпали своих фаворитов, часто не по заслугам, – таков, очевидно, истопник-ассессор, как будто мстящий вчерашним собратьям за собственное низкое происхождение. Известен, например, анекдот о полководце Александре Суворове, который, идя по Зимнему дворцу вместе с графом Кутайсовым (бывшим камердинером Павла I), увидел истопника и стал кланяться ему в пояс, а на недоумение Кутайсова отвечал: «Ты граф, я князь; при милости царской не узнаешь, что это будет за вельможа, то надобно его задобрить вперёд»⁶³.

---

⁶³ Рассказы, заметки и анекдоты из записок Елисаветы Николаевны Львовой // Русская старина. 1880. Т. 28. С. 347.

В чём Радищев опередил своё время?

Прежде всего, он был литературным новатором. Радищев изобрёл жанр политической публицистики, вплетённой в художественное повествование. Язык такого рода высказывания выработан до него не был. Однако при этом писатель следовал ломоносовской теории трёх штилей, сочетая просторечие и «высокий» архаический слог, в первую очередь славянизмы. Традиционно они использовались в русском литературном языке для разговора о вещах возвышенных, и именно в таком качестве их использует Радищев, наполняя, однако, совсем не традиционным содержанием: в его случае возвышенным предметом становится не религия, не искусство и не деяния царей и полководцев, а проповедь свободы.

Радищев первым в России в литературной форме осудил не просто злоупотребления крепостного права, но порабощение человека человеком в принципе, сравнив русских крепостных крестьян с американскими чернокожими невольниками. Сравнение это ещё не было в ходу: и русские, и американцы, взаимно осуждая институт рабства друг у друга, оправдывали его у себя. Этот парадокс отмечал, например, ещё и в конце 1830-х годов посетивший Россию американец Генри Уикоф: «...Громкие протесты раздавались по поводу наших порабощённых чёрных, но здесь миллионы людей белой расы находились в неволе на протяжении веков, и никто в Европе не замечал этого. Что за странный мир!»⁶⁴

В Вышнем Волочке, любуясь картиной изобилия, которую представлял собой «канал, наполненный барками, хлебом и другим товаром», рассказчик тут же с печалью задумывается о цене этого изобилия, добытого подневольным трудом: «Удовольствие моё пременилось в равное негодование с тем, какое ощущаю, ходя в летнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящие к нам избытки Америки и драгие её произращения, как-то сахар, кофе, краски и другие, не осушившиеся ещё от пота, слёз и крови, их омывших при их возделании». В своё время чувствительный рассказчик расплескал кофе, когда друг указал ему, что и кофе этот, и сахар произведены рабами. В «Путешествии», впрочем, он кофе пьёт с удовольствием по пяти чашек и потчует случайных собеседников, но к отечественной продукции относится строже. Столичным жителям Радищев предлагает задуматься, поднеся ко рту кусок хлеба, а затем есть его или не есть в зависимости от происхождения: хорошо, если хлеб этот вырос на казённом поле (государственным крестьянам жилось лучше), и даже если он выращен крестьянином, сидящим на оброке, – это тоже ещё ничего, есть можно. Но хлеб, лежавший в «дворянской житнице», отравлен горькой слезой, такого есть нельзя. Таким образом, Радищев фактически проповедует в XVIII веке осознанное потребление и прозрачность производственной цепи – концепции, которые и в наши дни в России ещё не привились повсеместно.

---

⁶⁴ Цит. по: Курилла И. Рабство, крепостное право и взаимные образы России и США // Новое литературное обозрение. 2016. № 6.

Почему Радищев покончил с собой?

На этот счёт есть несколько версий.

Первая в общем сводится к тому, что писатель со времени ссылки страдал от душевной болезни. Сын его и биограф Павел Радищев смерть писателя описывает так: «11 сентября 1802 года, в 9 или 10 часов утра, Радищев, приняв лекарство, вдруг схватывает большой стакан с крепкой водкой⁶⁵, приготовленной для вытравления мишуры поношенных эполет старшего его сына, и выпивает разом. В ту же минуту берёт бритву и хочет зарезаться»⁶⁶. Вслед за этим, как пишет биограф, у писателя вырвали бритву, тот потребовал священника и исповедовался «как истинный христианин». К постели умирающего прибывает Виллие, императорский лейб-медик, присланный Александром I (такой же чести из русских писателей удостоивались после только Пушкин и Карамзин). Помочь умирающему он не может, ответ на свой вопрос: «Что могло побудить писателя лишить себя жизни?» – получает «продолжительный, несвязный» и уезжает, заметив: «Видно, что этот человек был очень несчастлив».

Пушкин полагает, что Радищев испугался тягот и унижения новой ссылки: привлечённый Александром I к работе в законодательной комиссии, писатель, «увлечённый предметом, некогда близким к его умозрительным занятиям, вспомнил старину и в проекте, представленном начальству, предался своим прежним мечтаниям. Граф З. удивился молодости его седины и сказал ему с дружеским упреком: «Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить по-прежнему! или мало тебе было Сибири?» В этих словах Радищев увидел угрозу». Реальных оснований бояться не было: реплика подразумеваемого здесь графа Завадовского носила явно шуточный характер, а положение Радищева в это время чрезвычайно прочно. Комиссию по составлению законов возглавлял давний друг и покровитель Радищева – государственный канцлер граф Александр Воронцов, поэтому угроза графа Петра Завадовского, подчинённого Воронцову, не могла иметь никакого веса, даже если предположить, что Завадовский не шутил.

Григорий Чхартишвили объясняет⁶⁷ поступок Радищева «лагерным синдромом» – этим термином в XX веке обозначили реакцию бывших узников концлагерей, чья психическая травма от пережитых страданий, унижений и нравственных компромиссов часто приводила их к суициду:

Обычно жертвами лагерного синдрома становятся люди думающие, тонко чувствующие, с высоко развитым чувством собственного достоинства. Эта мина замедленного действия может взорваться в любой момент под воздействием обстоятельств, хотя бы частично воссоздающих обстановку перенесённого кошмара. Когда травмированному лагерным синдромом человеку кажется, что всё это может повториться вновь, смерть – и та выглядит предпочтительней.

Радищеву, по мысли Чхартишвили, достаточно было простого напоминания о прошлом, чтобы мина взорвалась.

Сумасшествием объяснял гибель писателя и его сын и биограф Павел Радищев – но тут нужно учесть, что самоубийство в христианстве – смертный грех, так что преданный сын мог пытаться просто спасти таким образом память отца. Официальное заключение гласило, что Радищев умер от чахотки, и похоронили его по православному обряду, в чём самоубийцам отказано.

---

⁶⁵ Судя по всему, имеется в виду смесь азотной и серной кислоты.

⁶⁶ Радищев П. А. Указ. соч.

⁶⁷ Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. – М.: Новое литературное обозрение, 1999.

Но есть и другая версия: самоубийство было осознанным, идеологическим выбором писателя. Деятели Просвещения, вслед за героями Античности, рассматривали самоубийство как допустимый, а иногда и желательный выход из неразрешимой ситуации. Монтень писал: «Лучше всего добровольная смерть. Жизнь зависит от воли других, смерть же зависит только от нас». Право на смерть воспринималось в этом контексте как одно из естественных и неотъемлемых прав всякого человека – таких же, как жизнь и свобода. Павел Радищев соглашается и с этим: «Он допускал самоубийство: *Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir*», то есть «Коль всё потеряно, когда надежды нет» – цитата из трагедии Вольтера «Меропа».

В своё время на Радищева произвела огромное впечатление смерть его старшего товарища по Пажескому корпусу и однокашника по Лейпцигскому университету Фёдора Ушакова. Тот, уже находясь при смерти, уговаривал друзей дать ему яду, чтобы прервать его мучения. Друзья отказались осуществить эту, как мы сказали бы теперь, эвтаназию, но впоследствии Радищев считал такую меру оправданной. Обращаясь к Кутузову, Радищев напоминает ему этот болезненный эпизод из их общего прошлого, на который теперь он смотрит иначе: «Вспомня сию картину и скажи, что делалось тогда в душе твоей. Пиющий Сократ отраву пред друзьями своими наилучшее преподавал им учение, какого во всём житии своём не возмог».

Теория оправдания суицида подробно изложена в главе «Крестьяны», где добродетельный отец, отправляющий сыновей на службу, наставляет их в их самостоятельной жизни и между прочим советует и даже требует умереть, «если, доведённый до крайности, не будет тебе покрова от угнетения». Тут он ссылается на слова умирающего Катона – а конкретнее, героя одноимённой трагедии Джозефа Аддисона (1713). Катон Младший был философом-стоиком, общепризнанным примером высокой нравственности, претором Римской республики и лидером сенатской оппозиции Юлию Цезарю. После сокрушительного поражения сил республиканцев Катон бросился на меч, не пожелав, как пишет Плутарх, «чтобы тиран, творя беззаконие, ещё и связал бы [его] благодарностью» и прокомментировав решение о самоубийстве следующим образом: «Ну, теперь я сам себе хозяин». Катон был важной ролевой моделью для Радищева (ту же трагедию Аддисона он цитирует и в другой главе – «Бронницы»). Юрий Лотман полагает, что самоубийство Радищева было исполнено именно по этому образцу как «акт утверждения свободы и автономности личности»⁶⁸.

В предисловии к лондонскому изданию «Путешествия» Александр Герцен в каком-то смысле объединил две теории – Радищев покончил с собой из-за депрессии, вызванной крушением его гражданских идеалов: «Вызванный самим Александром I на работу, он надеялся провести несколько своих мыслей и пуще всего – мысль об освобождении крестьян, в законодательство, и когда, пятидесятилетний мечтатель, он убедился, что нечего думать об этом, тогда он принял яду и умер!»⁶⁹ Действительно, можно увидеть здесь отголоски «вертеровского поветрия»: сентиментализм воспитал в русских дворянах европейскую чувствительность, несовместимую с грубой российской реальностью. Чхартишвили приводит выразительный пример 17-летнего помещика Михаила Сушкова, автора повести «Российский Вертер», который «отпустил на волю своих крепостных, написал пространное философское письмо в стиле излиятий гётевского героя и застрелился» в 1792 году.

---

⁶⁸ Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Труды по знаковым системам, 8. – Тарту, 1977.

⁶⁹ Герцен А. И. Предисловие к книге «Кн. Щербатов. «О повреждении нравов в России» и А. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву» // Полное собр. соч. Т. 9. С. 270–271.

Николай Карамзин. «Бедная Лиза»

О чём эта книга?

Молодой богатый дворянин Эраст влюбляется в бедную крестьянку Лизу, соблазняет её, но, разорившись, женится на богатой вдове. Лиза, не в силах пережить потерю возлюбленного,

топится в пруду. Сегодня этот сюжет может показаться наивным, а описание глубоких чувств крестьянской девушки – шаблонным, но в молодой русской литературе «Бедная Лиза» произвела революцию. Вчитаться в главную повесть Карамзина стоит, чтобы ощутить свежесть, невинность – и дерзость, с которой он начинает русскую прозу.

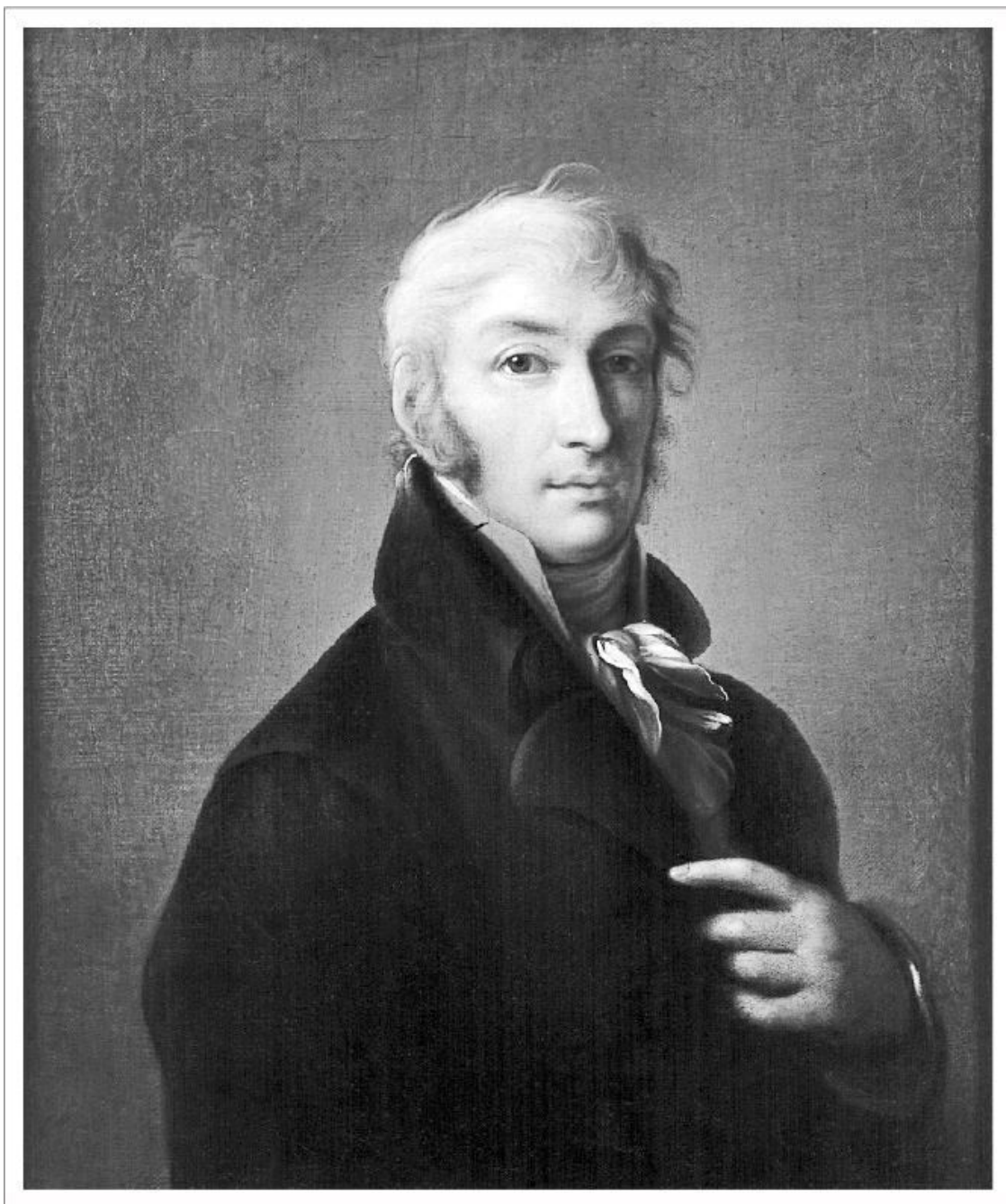
Когда она написана?

Карамзин пишет «Бедную Лизу» в 1792 году, вскоре после возвращения из долгой заграничной поездки, которой посвящены «Письма русского путешественника» – над ними он работает в это же время, начиная с 1791-го. Вернувшись из Европы, Карамзин твёрдо решает стать литератором и, по формулировке Юрия Лотмана, «испытывать своё сердце, воспитывать себя, учить читателей, воспитывать в них добрые чувства и плакать над бедствиями человечества». Эта программа, одновременно просветительская и сентименталистская, не в полной мере, но исполняется в «Бедной Лизе». В 1792-м Карамзин уже не дебютант в литературе, но «Бедная Лиза» приносит ему славу.

Как она написана?

Карамзин начинает повесть с обширной экспозиции, показывая сцену действия и выстраивая целый космос (деревня и монастырь против города). Рассказчик в «Бедной Лизе» представляется знакомым Эраста и, глубоко сочувствуя героям, отказывается судить их. Он – не бог произведения, а такой же человек, его роль – как бы роль летописца: «Для чего пишу не роман, а печальную быль?» Для простого летописца он, однако, слишком часто вторгается в текст, в том числе прямо посреди любовных сцен; последние слова повести – предположение о том, что за гробом Эраст и Лиза помирились, – тоже сугубо «авторские». Предлагая героям своё понимание и сочувствие, Карамзин подталкивает к тому же читателей, предлагает смотреть на Эраста и Лизу как на живых людей. Они – не аллегории классицистической литературы и не социальные «типы» литературы натуралистической. Повествователь даже уважает их право на тайну: «Но я не могу описать всего, что они при сём случае говорили».

Ж.-Б. Дамон-Ортолани, 1805 год. Портрет Н. М. Карамзина⁷⁰

Разумеется, это не означает, что «Бедная Лиза» – реалистический текст: в нём масса условностей, а многочисленные приметы «чувствительности» – вздохи, восторги, слёзы, обильно источаемые героями и повествователем, наконец, особая поэтичность, вплоть до ритмической имитации «народного» повествования, – не позволяют забыть, что перед нами произведение XVIII века.

---

⁷⁰ Ж.-Б. Дамон-Ортолани, 1805 год. Портрет Н. М. Карамзина. Ульяновский областной художественный музей.

Что на неё повлияло?

В основе «Бедной Лизы» лежит сюжет о разлучённых влюблённых, известный с Античности. Среди выдающихся его литературных образцов – «Дафнис и Хлоя» Лонга⁷¹, «История моих бедствий» Абеляра, «Ромео и Джульетта» Шекспира. Но два важнейших источника влияния на «Бедную Лизу» внутри этой традиции – «Юлия, или Новая Элоиза» Руссо и «Страдания юного Вертера» Гёте. Рассуждая в «Письмах русского путешественника» о связи этих двух произведений, Карамзин как бы бросает нить к будущей повести. Героиня «Новой Элоизы» Юлия д'Этанж, как и Лиза, переживает «падение» в объятьях любимого человека, затем она вынуждена выйти замуж за его благородного соперника, а в конце романа спасает из реки собственного сына и вскоре умирает от жестокой простуды. Герой романа Гёте, молодой художник Вертер, одержим любовью к девушке Шарлотте и в финале романа кончает с собой, застрелившись из пистолета своего соперника и друга Альберта; где-то в середине романа Вертер рассказывает Альберту историю о девушке, утопившейся после расставания с возлюбленным.

Эти сюжетные ходы так или иначе реализуются в «Бедной Лизе», но ещё важнее для Карамзина идеи его предшественников о ценности человеческих чувств, о том, что человеческие слабости и страсти могут быть прекрасны и по крайней мере достойны сочувствия. В написанной до «Бедной Лизы» (но опубликованной после) повести Павла Львова «Софья» соблазнённая героиня точно так же, как Лиза, топится в пруду, но Львов трактует это во вполне классицистическом духе: «в отличие от Лизы Софья становится жертвой сластолюбивого негодяя, князя Ветролёта, которого она предпочитает благородному и чувствительному Менандру, а судьба, постигшая её, преподносится автором как жестокое, но в известном смысле справедливое возмездие»⁷². Разумеется, трактовка Карамзина – шаг вперёд. Его Лиза – не в сословном, а в духовном смысле – самая благородная из персонажей повести, и в признании того, что крестьянка может быть «в нравственном отношении гораздо выше... дворянина»⁷³, Карамзин, скорее всего, следует за Радищевым и его «Путешествием из Петербурга в Москву»⁷⁴.

---

⁷¹ Роман, ставший каноническим произведением древнегреческой литературы. Написан во II веке, о его авторе Лонге не сохранилось никаких сведений. Принято считать, что от «Дафниса и Хлои» пошла традиция пасторального романа: все его события разворачиваются на фоне природы, Лонг много внимания уделяет описанию пейзажей, поэтизирует пастушескую жизнь.

⁷² Зорин А. Л., Немзер А. С. Парадоксы чувствительности: «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина // «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели. – М.: Книга, 1989. С. 7–54.

⁷³ Клейн И. Русская литература в XVIII веке. – М.: Индрик, 2010. С. 386.

⁷⁴ Пиксанов Н. К. «Бедная Аня» Радищева и «Бедная Лиза» Карамзина: К борьбе реализма с сентиментализмом // XVIII век. Сб. 3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 309–325.

Как она была опубликована?

Повесть вышла в шестой книжке «Московского журнала» за 1792 год. «Московский журнал» издавал сам Карамзин – здесь он, кроме «Бедной Лизы», опубликовал «Письма русского путешественника», «Наталью, боярскую дочь» и другие свои произведения и переводы; в том же году журнал закрылся, но в 1801–1803 годах Карамзин переиздал все его номера. (Можно отметить, что параллельно с новой русской литературой Карамзин создавал и среду для неё.) В 1794-м Карамзин перепечатывает «Лизу» в сборнике «Мои безделки»; в 1796 году повесть вышла отдельным изданием. Последнее прижизненное издание «Бедной Лизы» вышло в 1820 году. От издания к изданию Карамзин вносил в повесть небольшие исправления, «модернизирующие» текст⁷⁵: например, чёрные глаза Лизы в конце концов сделались более «романтическими» голубыми.

---

⁷⁵ Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. – М.: РГГУ, 1995. С. 376.

Как её приняли?

«Бедная Лиза» произвела фурор, не сравнимый ни с чем до неё. Повесть Карамзина была «первым образцом русской беллетристики», то есть книгой, которая «может заинтересовать не специального читателя из круга знакомых автора, а человека из определённой социальной группы»⁷⁶. Эта социальная группа была немногочисленной по нынешним временам, но уже появилось поколение дворян, взявших привычку читать по-русски. Можно сказать, что Карамзин, обеспечив для «Бедной Лизы» журнальный контекст, сам же и создал эту группу, «новую и под новым знаком объединившуюся читательскую аудиторию»⁷⁷.

Эффект новизны в трагическом финале «Бедной Лизы» получился невероятным. Сегодня нам трудно это представить. «Бедная Лиза», которую сравнивали с гётевскими «Страданиями юного Вертера», породила свой «эффект Вертера»: есть сведения о волне подражательных самоубийств юных девушек. Потрясённые читатели сделали монастырь и пруд, в котором утопилась героиня, местом паломничества: по словам современника Карамзина, писателя Николая Иванчина-Писарева, «все тогдашние светские люди пошли искать Лизиной могилы». На деревьях вокруг пруда появлялись надписи – наподобие тех, что сегодня украшают подъезд дома на Садовой, где расположена [булгаковская](#) «нехорошая квартира». Преимущественно надписи были сентиментального свойства – пример приводится на фронтисписе первого книжного издания «Бедной Лизы»:

В струях сих бедная скончала Лиза дни;
Коль ты чувствителен, прохожий! воздохни.

Но попадались и ехидные эпиграммы – одну, встречавшуюся в разных вариациях, история сохранила до наших дней:

Здесь бросилась в пруд Эрастава невеста.
Топитесь, девушки: в пруду довольно места!

Существовало, кстати, предание, что этот пруд выкопал Сергей Радонежский⁷⁸, так что почитание юной самоубийцы было здесь не очень-то уместно.

---

⁷⁶ Кобрин К. Р. Разговор в комнатах. Карамзин, Чаадаев, Герцен и начало современной России. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 24–25.

⁷⁷ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 7.

⁷⁸ Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 174.

Пруд у Симонова монастыря. 1893 год. Фотограф П. Остроумов⁷⁹

---

⁷⁹ Пруд у Симонова монастыря. 1893 год. Фотограф П. Остроумов. Из открытых источников.

Фрэнсис Данби. Разочарованная в любви. 1821 год⁸⁰

Профессиональная литературная критика, тогда ещё только нарождавшаяся, приняла «Бедную Лизу» с немалым восторгом. В 1797 году вышла статья Петра Шаликова «К праху бедной Лизы». Автор писал, что повесть Карамзина изменила само восприятие мира – хотя бы того пейзажа, на фоне которого разворачивается действие: «Может быть, прежде... на сию самую картину, на сии самые предметы смотрел бы я равнодушно и не ощущал бы того, что теперь ощущаю». Слезливость Шаликова у следующего поколения литераторов стала притчей во языцех⁸¹, но его отношение к «Бедной Лизе» характерно: «Одно нежное, чувствительное сердце делает тысячу других таковыми». Позднее Василий Жуковский, признававший, что появление карамзинского «Московского журнала» и проза Карамзина «произвели полный переворот в русском языке», писал, что его ранние повести, «отмеченные печатью вкуса, носят ещё характерные черты молодости». Подлинный расцвет Карамзина-прозаика критики связывали с «Историей государства Российского».

---

⁸⁰ Фрэнсис Данби. Разочарованная в любви. 1821 год. Музей Виктории и Альберта, Лондон.

⁸¹ Пётр Иванович Шаликов (1767–1852) – писатель, издатель нескольких журналов. Пушкин и Баратынский в 1827 году сочинили такую эпиграмму на Шаликова: «Князь Шаликов, газетчик наш печальный, / Элегию семье своей читал, / А казачок огарок свечки сальной / В руках со трепетом держал. / Вдруг мальчик наш заплакал, запищал. / – Вот, вот с кого пример берите, дуры! / Он дочерям в восторге закричал. – / Откройся мне, о милый сын природы, / Ах! что слезой твой осребрило взор? / А тот ему в ответ: "Мне хочется на двор"».

Что было дальше?

Как пишет [Кирилл Кобрин](#), повесть Карамзина «стала сенсацией, нашла – по меркам тех времён, конечно, – массового читателя, после чего довольно быстро превратилась в литературный анахронизм»⁸². Он же, впрочем, замечает: «Бедная Лиза» – точка отсчёта в истории новой русской беллетристики, без неё не было бы ни «Станционного смотрителя», ни «Бедных людей», ничего. Но это точка невозврата сегодняшнего читательского понимания». Чувствительный, слёзный стиль раннего Карамзина довольно скоро станет уделом эпигонов, с которыми и будет ассоциироваться. Среди этих эпигонов – Александр Измайлов, выпустивший в 1801 году повесть «Бедная Маша» (заглавная героиня не кончает с собой, а умирает от тоски, зато кончают с собой её соперница и муж-двоеженец), и анонимный автор повести «Несчастливая Лиза», опубликованной в журнале Петра Шаликова «Аглая» в 1810 году. Вообще же после «Бедной Лизы» и других повестей Карамзина жанр входит в моду: за двадцать лет после выхода «Лизы» в российских журналах было напечатано более ста повестей⁸³.

Уже в 1830-е над «Бедной Лизой» было принято подшучивать. Бестужев-Марлинский⁸⁴ называл её неудачным подражанием Стерну и иронизировал над восторгами современников: «Все завздыхали до обморока, все кинулись ронять алмазные слёзы на ландыши, над горшком палевого молока, топиться в луже». Лет через десять так же будут смеяться над пышными романтическими повестями самого Марлинского, а Карамзин останется в памяти потомков в первую очередь как великий историограф, открывший русским самих себя.

Сюжет «Бедной Лизы» был, несмотря на всю иронию, воспринят романтической литературой: его отголоски можно встретить в «Эде» Баратынского и «Повестях Белкина» Пушкина. Позднейшие исследователи «Бедной Лизы» сходятся во мнении, что с неё начинается новая русская проза. Пётр Вайль и [Александр Генис](#), несколько утрируя, заявляют, что «милая Лиза с её добродетельной матушкой породила бесконечную череду литературных крестьян», вплоть до персонажей советских «деревенщиков», а из раскаяния Эраста «выросла заботливо лелеемая вина интеллигента перед народом»⁸⁵.

---

⁸² Кобрин К. Р. Указ. соч. С. 28.

⁸³ Клейн И. Указ. соч. С. 381.

⁸⁴ Александр Александрович Бестужев (1797–1837) – писатель, литературный критик. С 1823 по 1825 год вместе с Кондратием Рылеевым издавал журнал «Полярная звезда», в котором публиковал свои литературные обозрения. За участие в декабристском восстании Бестужева, находящегося в чине штабс-капитана, сослали в Якутск, затем разжаловали в солдаты и отправили воевать на Кавказ. С 1830 года в печати начали появляться повести и рассказы Бестужева под псевдонимом Марлинский: «Фрегат «Надежда», «Аммалат-бек», «Мулла-Нур», «Страшное гадание» и другие.

⁸⁵ Вайль П. Л., Генис А. А. Родная речь. – М.: Колибри, 2008. С. 18.

Орест Кипренский. Бедная Лиза. 1827 год⁸⁶

Портрет карамзинской героини в 1827 году напишет Кипренский. Наконец, ещё одна деталь: будто бы держа в памяти повесть Карамзина, русские классики будут из раза в раз называть своих несчастных героинь Лизами.

---

⁸⁶ Орест Кипренский. Бедная Лиза. 1827 год. Государственная Третьяковская галерея.

Почему «Бедная Лиза» произвела такой фурор?

Дело и в новаторском языке Карамзина («Он первый стал писать гладко. В его сочинениях... слова сплетались таким правильным, ритмическим образом, что у читателя оставалось впечатление риторической музыки. Гладкое плетение словес оказывало гипнотическое воздействие»⁸⁷), и в рассчитанной с лихвой дозе «чувствительности» (недоброжелатели называли Карамзина Ахалкиным), и в том, что сюжет, характерный для европейской литературы, перенесён на русскую, московскую почву. Наконец, дело в небывалом подходе к идее любви: как указывает Юрий Лотман, «Карамзин (следуя за Руссо и предромантической литературой) широко вводил в свои произведения тематику «заблуждений сердца»⁸⁸. Героиня «Бедной Лизы» – девушка, презревшая моральные предписания своего времени, но заслуживает она не порицания, а глубокого сочувствия. Карамзин не осуждает даже её самоубийство: он указывает, что Лизу похоронили пусть и не на кладбище, но под деревянным крестом, выражает надежду на встречу со своей «прекрасной душой и телом» героиней за гробом – «Когда мы там, в новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!» – и предполагает, что там же, в этой новой жизни, Лиза примирилась с Эрастом. Уже само смещение акцента на героиню, вынесение её в заглавие – знак новизны и одновременно фирменный знак Карамзина (вспомним его же повести «Наталья, боярская дочь», «Марфа-посадница» и другие).

Говоря о «заблуждениях сердца», Карамзин обращал на свою сторону читателей, которым эти заблуждения тоже не были чужды. Русская читающая публика в 1792 году довольно немногочисленна. Тираж «Московского журнала», в котором опубликована «Бедная Лиза», – чуть меньше 300 экземпляров, но, конечно, у повести было гораздо больше читателей, и читатели эти были воспитаны на классицистской переводной литературе, во многом моралистической, далёкой от ежедневных, скрытых переживаний, которые, как показывает Карамзин, могли быть общими и у просвещённых дворян, и у неграмотных крестьянок. «Бедной Лизой» Карамзин вводит в русскую литературу трагическую сюжетную новацию, отчасти навеянную Гёте. Он отказывается от благополучного разрешения конфликта, а сам конфликт развивает на русской почве – то есть ведёт себя не как подражатель, а как истинно европейский писатель. Всё это в начале 1790-х вызывает изумление и даже шок.

---

⁸⁷ Там же. С. 16

⁸⁸ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 207.

Когда и где происходит действие «Бедной Лизы»?

Действие происходит в самом начале 1760-х годов в Москве, судя по всему, с мая (если датировать начало действия по продаваемым Лизой ландышам) по август – сентябрь. Повесть открывается обширным описанием современного Карамзину города. Повествователь говорит о себе как о знатоке Москвы, но эти знания он приобретает как фланёр, вольный исследователь: «Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели – куда глаза глядят – по лугам и рощам, по холмам и равнинам». У современного читателя «луга и рощи» могут вызвать недоумение, но в XVIII веке место действия повести – окрестности Симонова монастыря⁸⁹ с «мрачными, готическими башнями» – не входило в черту города. Карамзин действительно хорошо знал эти места, любил бродить там; «ездит под Симонов монастырь и прочее обычное творит» – так описывал времяпрепровождение Карамзина его друг, переводчик Александр Петров⁹⁰. В «Бедной Лизе» эти окрестности описаны с топографической точностью⁹¹.

Высокий берег, на котором стоит монастырь и рядом с которым стоит заброшенная хижина Лизы и её матери, – та точка, с которой можно окинуть взглядом город, то есть сцену, где развернётся драма:

Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо когда светит на неё солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зелёные цветущие луга, а за ними, по жёлтым пескам, течёт светлая река, волнуемая лёгкими вёслами рыбацких лодок или шумящая под рулём грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом. На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные.

Здесь уже заложено естественное для сентименталиста противопоставление города и пасторальной природы: слово «ужасная» относится к размерам города, но подсознательно воспринимается и как качественная характеристика. «У меня всегда сердце бывает не на своём месте, когда ты ходишь в город», – говорит Лизе её мать.

Стоит отметить, что Симонов монастырь в 1760-е – ещё действующий, но в 1771 году он будет закрыт по приказу Екатерины II, в нём будут размещать чумных больных. Обитель снова появится в этих стенах только в 1795 году. В 1792-м, когда пишется повесть, монастырь всё ещё находится в изрядно обветшалом состоянии: «Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокой травой...» Пользуясь случаем, повествователь свободно входит в кельи, представляя себе то «седого старца, преклонившего колена перед распятием», то плачущего и вянувшего «юного монаха – с бледным лицом, с томным взором». Словом, такое место как нельзя лучше подходит для воспалённых фантазий и меланхоличного

---

⁸⁹ Мужской монастырь, основанный в XIV веке. Находится в Даниловском районе Москвы.

⁹⁰ Зорин А. Л. Указ. соч. С. 171.

⁹¹ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 112–113.

созерцания – сентименталисты первыми начинают культивировать почтение к руинам, которое впоследствии переймут у них романтики.

Заброшенная хижина Лизы составляет ансамбль с заброшенным монастырём – зато, как и он, находится на возвышении по отношению к губительному городу. В 1930-е почти все монастырские постройки будут снесены, Лизин пруд засыпан.

Как развивается любовь Эраста и Лизы?

Уже увлечённая Эрастом, Лиза мечтает о том, чтобы исчезла преграда, разделяющая её с любимым:

Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои, рождён был простым крестьянином, пастухом, – и если бы он теперь мимо меня гнал стадо своё: ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: «Здравствуй, любезный пастушок! Куда гонишь ты стадо своё? И здесь растёт зелёная трава для овец твоих, и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей». Он взглянул бы на меня с видом ласковым – взял бы, может быть, руку мою... Мечта!

В этот самый момент появляется Эраст – и буквально повторяет Лизину мечту: «...он *взглянул на неё с видом ласковым, взял её за руку...*» (эта буквальность вдобавок выделена всегда значимым у Карамзина курсивом).

Такие совпадения мыслей и реальности, которые известны, вероятно, каждому влюблённому, Карамзин описывает впервые; впоследствии их описание станет отдельным приёмом, например у Толстого. Несмотря на сладостное исполнение мечтаний, проблема социального неравенства никуда не девается, а в отношения Эраста с Лизой, пока ещё более-менее невинные, сразу вкрадывается обман: Эраст просит Лизу ничего не говорить матери о новых отношениях с ним. «Его ложная чувствительность и книжность мышления, усиленные нарциссической самовлюблённостью, превратили «мнимого пастушка» в соблазнителя, без труда идентифицируемого с тем безымянным «каким-нибудь дурным человеком», от общения с которым предостерегала Лизу её мать», – замечает современная исследовательница⁹². Подобная проверка чувства доверием к родителям – не новый в литературе мотив: Карамзин мог знать, например, «Зимнюю сказку» Шекспира, в которой принц Флоризель, желая взять в жёны прелестную пастушку Пердиту (на самом деле – принцессу, о чём никто до поры до времени не знает), боится рассказать о своём намерении отцу, чем вызывает его гнев.

Поначалу платонические чувства Эраста («Я буду жить с Лизой, как брат с сестрою, – думал он, – не употреблю во зло любви её и буду всегда счастлив!») вскоре утрачивают бесплотность – что предрекает вмешивающийся в мысли Эраста повествователь: «Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты своё сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?» Здесь нет осуждения Эраста – Карамзин вообще воздерживается от морализаторства. Следом за Руссо он полагает, что всё происходящее с влюблёнными естественно, так что повествование закономерно движется к кульминации. Рассмотрим сцену «падения» Лизы:

Она бросилась в его объятия – и в сей час надлежало погибнуть непорочности! – Эраст чувствовал необыкновенное волнение в крови своей – никогда Лиза не казалась ему столь прелестною – никогда ласки её не трогали его так сильно – никогда её поцелуи не были столь пламенны – она ничего не знала, ничего не подозревала, ничего не боялась – мрак вечера питал желания – ни одной звёздочки не сияло на небе – никакой луч не мог осветить заблуждения. – Эраст чувствует в себе трепет – Лиза также, не зная отчего –

---

⁹² Салова С. А. Пасторальная версия фабулы о разлучённых влюблённых и её трансформация в повестях Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь» // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: Жанр, автор, текст. Материалы XXI Междунар. науч. конф. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 214.

не зная, что с нею делается... Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где – твоя невинность?

«В самом рискованном месте – одна пунктуация: тире, многоточия, восклицательные знаки», – замечают Вайль и Генис, предлагая отсчитывать отсюда русскую традицию избегания прямых описаний секса⁹³. Между тем этот фрагмент – один прозрачный намёк: карамзинские тире и короткие предложения резко выделяются на фоне остального гладкого текста, разрывают его, напоминают движения и дыхание любовников.

После этой сцены отношения Эраста и Лизы меняются и неумолимо движутся к завершению: срочно возникает война, на которую Эрасту непременно нужно ехать (если мы относим действие к началу 1760-х, то речь идёт о завершающейся Семилетней войне⁹⁴); сцена расставания пронзена такими же тире, напрямую передающими психологическое состояние влюблённых: «Лиза рыдала – Эраст плакал – оставил её – она упала – стала на колени, подняла руки к небу и смотрела на Эраста, который удалялся – далее – далее – и, наконец, скрылся – воссияло солнце, и Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти».

Затем выясняется, что Эраст проигрался в карты, в армию не поехал и вынужден был жениться на богатой вдове, на прощание лишь «посвятив искренний вздох Лизе своей». Нидерландский исследователь Иоахим Клейн предполагает, что Карамзин подчёркивает поверхностность чувств Эраста, вводя в повесть «лейтмотив денег» – от первого рубля, за который он хочет купить у Лизы цветы (стоящие в 20 раз дешевле), до ста рублей, которыми он затем пытается откупиться от бывшей возлюбленной⁹⁵. Лиза ведёт себя прямо противоположным образом, отказываясь от замужества с сыном богатого крестьянина, и погибает не из-за своего позора, а из-за обмана Эраста, из-за расставания с ним. Она, впрочем, берёт у Эраста деньги (что позволяет Александру Архангельскому сказать, что Лиза «оказывается отчасти заражена духом неискренности») но делает это машинально, неосознанно: «Город её погубил, но сельская чистота не исчезла»⁹⁶. Важно при этом, что и Эраст «много перенимает» у Лизы: «Он до конца жизни останется чувствительным, не сможет утешиться – и то, что именно он рассказывает повествователю эту историю, говорит о том, что сюжет для него со смертью Лизы не развязался»⁹⁷.

---

⁹³ Вайль П. Л., Генис А. А. Указ. соч. С. 20.

⁹⁴ Один из крупнейших военных конфликтов Нового времени, в ней приняли участие все европейские державы. Основное противостояние происходило между Австрией и Пруссией. Длится война с 1756 по 1763 год, завершилась из-за полного истощения воюющих сторон.

⁹⁵ Клейн И. Указ. соч. С. 385–386.

⁹⁶ Архангельский А. Н. Герои классики: продлёнка для взрослых. – М.: АСТ, 2018. С. 13–14.

⁹⁷ Там же. С. 18.

Мог ли Эраст жениться на Лизе?

Многие исследователи отмечают, что и дворянское происхождение, и образованность Эраста предстают в невыгодном свете по сравнению с наивностью и силой чувств крестьянки Лизы. Эраста можно считать проторомантиком: «Он вёл рассеянную жизнь, думал только о своём удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою»; к любовной жизни он подготавливает себя чтением сентименталистских романов. Пётр Вайль и Александр Генис вообще называют Эраста первым из «лишних людей» русской литературы, которые губят других, в частности влюблённых в них женщин, и сами остаются несчастными. Конечно, не стоит искать в характере Эраста глубины [Онегина](#) и [Печорина](#), но нельзя считать его и карикатурой на развращённого городского молодого человека.

Мысль о женитьбе на Лизе в голову Эрасту не приходит – но, конечно, не оттого, что он (подобно, например, Печорину) не приемлет брак как таковой. Женитьба дворянина на крестьянке не возбранялась законами Российской империи, но в конце XVIII – начале XIX века была невероятным эксцессом; самый скандальный такой случай – свадьба графа Николая Шереметева с его крепостной (которой он перед этим дал вольную) – актрисой Прасковьей Жемчуговой в 1801 году. Это бракосочетание проходило почти тайно, Шереметев сочинил легенду о происхождении своей невесты из польского шляхетского рода. Но что дозволено Юпитеру, не дозволено быку: Эраст – не граф Шереметев, и женитьба на крестьянке для него немыслима. Лиза прекрасно это понимает – тем возвышеннее в глазах повествователя её самопожертвование и готовность жить ради возлюбленного. Эраст будто бы оскорблён сообщениями Лизы («Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» – сказала Лиза с тихим вздохом. – «Почему же?» – «Я крестьянка». – «Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная, невинная душа, – и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу»), но, конечно, не делает ей предложения, а вместо этого лишает невинности.

Кстати, не исключено, что после «Бедной Лизы» Карамзин решил слегка реабилитировать Эраста: то же имя носит один из главных героев его повести «Чувствительный и холодный» (1803) – «чувствительный» Эраст, также по-руссоистски живущий порывом, но ведущий себя с исключительным благородством. А в повести «Юлия» (1796) Эрастом зовут уже маленького сына заглавной героини, которая на короткое время отступает от добродетели, – но, в отличие от «Бедной Лизы», здесь всё заканчивается хорошо.

Крестьянка Лиза живет вне города, зарабатывает своим трудом. Разве она не крепостная?

Современные исследовательницы Вера Шумина и Наталья Свитенко отмечают, что фабула «Бедной Лизы» укладывается в типично сентименталистскую схему: «представитель высших классов соблазняет и губит девушку низкого сословия», но при этом «подлинная социальная среда, где происходит конфликт, затуманена; Лиза и её мать с успехом могли бы быть поняты читателем как горожанки, как бедные дворянки»⁹⁸. Это, положим, попросту неверно: противопоставление города и деревни в «Бедной Лизе» слишком отчётливо, а робость Лизы в городе и недоверие к городу её матери показаны прямо. Но Шумина и Свитенко верно замечают, что «крепостная эпоха никак не угадывается в повести: Лиза – это типичный для сентиментализма «естественный человек». Крестьянская жизнь для Карамзина – идиллическая условность. Известный советский филолог Николай Пиксанов пишет о «Бедной Лизе» с некоторым классовым недовольством, противопоставляя её правдивым картинам из прозы Радищева⁹⁹:

Автор неохотно касается бытовой, трудовой жизни героинь. Правда, вначале он сообщает читателям скороговоркой, что Лиза, «не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь – ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды и всё сие продавала в Москве». Но в ходе повествования крестьянский труд не показан; автор словно забывает о нём. Так, Лиза поутру пропадает целых два часа на свидании с Эрастом – и мать этого не замечает. О самой матери Карамзин рассказывает: «Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала», – и только; кроме наслаждения природой, ни о чём другом не упомянуто.

Скорее всего, входить в тонкости сословного положения Лизы Карамзин просто не собирался. Для его задачи было вполне достаточно указать на непреодолимое социальное неравенство героев: Лиза – крестьянка, Эраст – дворянин, и на этом всё. Это не единственная условность «Бедной Лизы» – не считая скандального оправдания греха и самоубийства, которое как раз входит в авторскую задачу, это, например, необычная разница в возрасте матери и дочери: Лизе семнадцать лет, её матери – под шестьдесят. Если в семье и были другие дети, нам об этом ничего не известно, но для крестьянки XVIII века возраст за сорок – прямо-таки экстремальный для первых родов.

---

⁹⁸ Шумина В. Е., Свитенко Н. В. Искусство психологического анализа в повести «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина // Актуальные вопросы современной филологии: Теория, практика, перспективы развития. Материалы I Междунар. науч. – практ. конф. молодых учёных. – Краснодар: ИД «Юг», 2016. С. 170.

⁹⁹ Пиксанов Н. К. Указ. соч. С. 309–325.

Алексей Венецианов. Крестьянка с васильками. 1820-е годы¹⁰⁰

---

¹⁰⁰ Алексей Венецианов. Крестьянка с васильками. 1820-е годы. Государственная Третьяковская галерея.

«И крестьянки любить умеют». А раньше это было непонятно?

Афоризм «И крестьянки любить умеют» Карамзин относит не к Лизе, а к её матери, и здесь это не «незаконная» любовь к обольстителю, а праведная тоска по умершему мужу и надежда свидеться с ним на том свете: «Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего». Мать Лизы охотно рассказывает о своей любви Эрасту, которого эти рассказы и умиляют, и, вероятно, настраивают на возвышенно-пасторальный лад в его собственных отношениях с Лизой:

Она любила говорить с ним о покойном муже и рассказывать ему о днях своей молодости, о том, как она в первый раз встретилась с милым своим Иваном, как он полюбил её и в какой любви, в каком согласии жил с нею. «Ах! Мы никогда не могли друг на друга наглядеться – до самого того часа, как лютая смерть подкосила ноги его. Он умер на руках моих!» – Эраст слушал её с непритворным удовольствием.

Итак, и крестьянки любить умеют – но они умеют любить крестьян. Мезальянс, подобный Лизину, в крестьянскую систему представлений совсем не входит; отношения между «барином» и крестьянкой могут быть только отношениями с любовницей, наложницей. Между тем всё, что мы знаем о повседневной жизни русских крестьян XVIII века, не указывает на распространённость у них «сентименталистской» / «романтической» любви в понимании Карамзина и его младших современников. Любовным отношениям из романов, знакомых Эрасту, сильно вредил бы тяжелейший крестьянский быт, о котором, как мы помним, в «Бедной Лизе» мало что говорится. Нормальные «крестьянские» любовные отношения появляются в повести, когда к Лизе сватается сосед, сын богатого крестьянина, принадлежащий к тому же миру, в котором выросла Лиза. Но полюбить его так же, как Лизина мать полюбила её отца, крестьянка Лиза не сумела бы. Что касается просвещённых читателей «Московского журнала», для них возможность крестьянской любви была действительно открытием – ровно потому, что в этих категориях о крестьянах не думали.

Зачем в «Бедной Лизе» такие подробные описания пейзажей?

Дубовая роща на той стороне реки, буколические пастухи, чью участь не суждено разделить Лизе, ветшающий Симонов монастырь, противостоящий роскошной панораме развратного города. Этот пейзаж волнующ и глубоко эмблематичен, но не стоит считать его действительно прямым описанием Москвы XVIII века. Карамзин смотрит на природу сквозь литературный фильтр: по его собственному признанию, отправляясь, например, «в рощу», он брал с собой том Джеймса Томсона¹⁰¹, как бы сопоставляя природу с её описанием (*life imitates art*¹⁰²). Андрей Зорин, сообщая, что для сентименталиста «все житейские впечатления» сводятся «к набору эмоциональных кодировок, воплощённых великими писателями», приводит в пример фразу из «Писем русского путешественника»: «Весна не была бы для меня столь прекрасна, если бы Томсон и Клейст¹⁰³ не описали мне всех красот её»¹⁰⁴.

По мнению Владимира Топорова, в «Бедной Лизе» «впервые в русской культуре художественная проза создала такой образ подлинной жизни, который воспринимался как более сильный, острый и убедительный, чем сама жизнь»¹⁰⁵. Пейзажи здесь играют далеко не вспомогательную роль. Они то вторят душевным состояниям героев, то составляют с ними контраст. Вот тоскующая и влюблённая Лиза «чужими глазами» смотрит на привычную картину: «До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светила в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу». Пейзажи, с одной стороны, объясняют чувства и поведение героев, с другой – их восприятие зависит от того, что происходит с Эрастом и Лизой. Перед нами нечто вроде гиперреализма XVIII века. Характерный пример – сцена прощания Лизы с Эрастом, уходящим на войну (утром, возможно после проведённой вместе ночи):

Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, разливалась по восточному небу. Эраст стоял под ветвями высокого дуба, держа в объятиях свою бледную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь с ним, прощалась с душою своею. Вся натура пребывала в молчании. Лиза рыдала – Эраст плакал – оставил её – она упала – стала на колени, подняла руки к небу и смотрела на Эраста, который удалялся – далее – далее – и, наконец, скрылся – воссияло солнце, и Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти.

Горестное прощание происходит на эффектном утреннем фоне – его можно воспринимать как идиллический и прекрасный, но для расстающихся влюблённых алый цвет зари и тишина «натуры» могут казаться зловещими, тревожными. Ещё более разительный пример – описание пруда, в котором Лиза «свои скончала дни». Во время своего счастливого романа Эраст и Лиза встречаются «всею чаще под тению столетних дубов... осеняющих глу-

---

¹⁰¹ Джеймс Томсон (1700–1748) – шотландский поэт и драматург. Известен благодаря поэме «Времена года», которую публиковал с 1726 по 1730 год. Перевод этой поэмы на немецкий язык был использован в либретто оратории Гайдна «Времена года».

¹⁰² Жизнь подражает искусству (англ.).

¹⁰³ Генрих фон Клейст (1777–1811) – драматург, поэт, прозаик. Автор пьес «Разбитый кувшин», «Пентесилея», «Кетхен из Гейльбронна, или Испытание огнём». Считается одним из основоположников жанра рассказа. Страдал от депрессии, вместе со своей подругой совершил самоубийство. Перед смертью Клейст писал в своём дневнике: «Истина в том, что мне ничто не подходит на этой Земле».

¹⁰⁴ Зорин А. Л. Указ. соч. С. 166–167

¹⁰⁵ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 83.

бокий чистый пруд, ещё в древние времена ископанный». Глубина пруда может предсказывать Лизину гибель, чистота соответствовать главной черте её характера, но все эти соответствия мы воспринимаем лишь ретроспективно – при первом чтении Карамзин нас будто убаюкивает: «Там часто тихая луна, сквозь зелёные ветви, посребряла лучами своими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милого друга...» Зато, навсегда расставшись с Эрас-том, Лиза «вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями её восторгов». О чистоте пруда здесь уже не говорится; несколькими строками позже он вовсе лишится эпитета, а дуб станет «мрачным»: «Её погребли близ пруда, под мрачным дубом». «Бедная Лиза» переполнена эпитетами, для Карамзина они очень важны – их смена или отсутствие говорят о многом.

Можно ли по «Бедной Лизе» понять, что такое сентиментализм?

«Ах! Я люблю те предметы, которые трогают моё сердце и заставляют меня проливать слёзы нежной скорби!» – заявляет повествователь, перед тем как приступить к рассказу о бедной Лизе. Эта любовь – программная для писателя-сентименталиста: через два года после повести в статье «Что нужно автору?» Карамзин скажет, что писатель имеет право заниматься своим ремеслом («смело призывать богинь парнасских»), только если «всему горестному, всему угнетённому, всему слезящему открыт путь во чувствительную грудь» его.

Сентиментализм, каким его придумали европейские предшественники Карамзина – Джеймс Томсон, Жан-Жак Руссо, Гёте, в какой-то мере Ричардсон¹⁰⁶, переносил акцент с рациональности – иногда язвительной, часто механистичной – на открытое чувство, объявляя его одной из высочайших ценностей, условием человеческого существования, которого не следует стесняться. Но классицистическое желание философски оправдать это чувство из сентименталистской прозы не уходит. В «Бедной Лизе» Карамзин заставляет своих героев произносить, по сути, авторские отступления в таком роде: «Кто бы захотел умереть, если бы иногда не было нам горя?.. Видно, так надобно. Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слёзы не капали».

Важное отличие «Бедной Лизы» от европейской сентименталистской классики – её краткость по сравнению, например, с романами Ричардсона, да и со «Страданиями юного Вертера» Гёте. Карамзин умеет коротко и внятно формулировать, он афористичен. «Бедная Лиза» дарит нам трюизм-откровение: «и крестьянки любить умеют»; другой знаменитый текст Карамзина – эпитафия «Покойся, милый прах, до радостного утра!» – уместает в одной строке горечь утраты и целую необозримую эпоху до наступления Царства Божия на земле, которое сделает возможным новую – без сомнения, слёзную – встречу. Впрочем, «Бедная Лиза» предполагает, что ждать второго пришествия не обязательно: «Когда мы там, в новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!»

Стоит отметить, что в жизни Карамзин отнюдь не был склонен к сердечным излияниям. Свои глубокие чувства он таил под маской сдержанности; Жермена де Сталь¹⁰⁷, познакомившись с ним, охарактеризовала его так: «Сухой француз – вот и всё»¹⁰⁸. Очень многие читатели Карамзина ставили знак равенства между ним и повествователем «Бедной Лизы» или героем «Писем русского путешественника», хотя делать это, как показывают работы Юрия Лотмана и Владимира Топорова – ошибка. При этом исследователи смотрят на Карамзина по-разному:

---

¹⁰⁶ Сэмюэл Ричардсон (1689–1761) – английский писатель и издатель, один из родоначальников сентиментализма. Славу ему принесли три эпистолярных романа: «Памела, или Награждённая добродетель» (1740), «Кларисса, или История молодой леди» (1748) и «История сэра Чарльза Грандисона» (1753). Фамилия персонажа «Клариссы» – светского льва Роберта Ловеласа, обесчестившего главную героиню, – стала в русском языке именем нарицательным. Идеальный джентльмен Грандисон – один из романтических героев Татьяны Лариной, черты которых «В единый образ облеклись, / В одном Онегине слились». Мать Татьяны также знакома с романами Ричардсона – по пересказам своей московской кузины, но для самой Татьяны чувствительные истории англичанина становятся настоящим учебником жизни: «Она влюблялась в обманы / И Ричардсона и Руссо».

¹⁰⁷ Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн, мадам де Сталь (1766–1816) – французская писательница, публицистка, одна из важнейших деятелей европейской культуры рубежа XVIII–XIX веков. В юности увлекалась руссоизмом, во время Великой французской революции бежала в Швейцарию, где начался её многолетний роман с Бенжаменом Констаном. Вернувшись в Париж в 1796 году, завела знаменитый литературный салон. В начале 1800-х начала резко высказываться против Наполеона Бонапарта, была вынуждена покинуть Францию. В Германии сблизилась с Гёте, Шиллером, Августом Шлегелем; написала большую книгу «О Германии». В 1812 году посетила Россию, познакомилась с Карамзиным, Батюшковым и другими русскими литераторами и аристократами. Смогла вернуться в Париж после падения Наполеона, писала исторические работы о революции.

¹⁰⁸ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 17–18

если для Лотмана жизнь Карамзина – интеллектуальное приключение, сотворение самого себя, то Топоров доказывает, что исследовательское внимание писателя было направлено вовне: «У него был дар осмыслить, анализировать (иногда почти синхронно) все перипетии любовного чувства и любовной драмы во всех тонкостях и в разных вариантах. Многие сочинения Карамзина... должны рассматриваться как высшее в России рубежа двух веков теоретическое осмысление любви, намного опередившее своё время, как открытие высокого эротизма и образцы нового языка любви, как прорыв в сферу аналитической психологии любовного чувства»¹⁰⁹.

Ландыши. Цинкография работы К. Шабо с рисунка М. А. Бернетт из книги «*Plantae Utiliores: or Illustrations of Useful Plants*». 1842 год¹¹⁰

Наконец, ещё одна важная грань сентиментализма, в «Бедной Лизе» отсутствующая, – особый юмор, многословный, тонкий, но умеющий быть и раблезиански остроумным. Главный гений такого юмора – Стерн, которого Карамзин читал и переводил, по чьим следам буквально шёл во время пребывания в Англии («Что вам надобно, государь мой?» – спросил у меня молодой офицер в синем мундире. – «Комната, в которой жил Лаврентий Стерн», – отвечал я). Со стерновским «Сентиментальным путешествием» много раз сопоставляли карамзинские «Письма русского путешественника» – но не «Бедную Лизу». Автор работы о карамзинском стернианстве Фаина Канунова показывает, что в своём «Московском журнале» Карамзин

---

¹⁰⁹ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 83.

¹¹⁰ Ландыши. Цинкография работы К. Шабо с рисунка М. А. Бернетт из книги «*Plantae Utiliores: or Illustrations of Useful Plants*». 1842 год. Wellcome Collection.

печатали не юмористические, а именно сентиментальные отрывки из Стерна¹¹¹ и лишь на излёте сентименталистской эпохи отдал должное стерновскому юмору.

«Письма русского путешественника» – как раз тот текст, без которого представление о русском сентиментализме невозможно. Это текст от лица сентименталиста-исследователя, в нём буквально проговорены те основания, на которых Карамзин создаёт новую русскую литературу как европейскую. По словам Андрея Зорина, «Письма» «стали для русского читателя в столицах и провинции беспрецедентным источником новых эмоциональных матриц»¹¹². Опыт, полученный Карамзиным в заграничном путешествии, позволил ему создать и «Бедную Лизу», которую нужно воспринимать уже в этом новом эмоциональном контексте – как ярчайшее его выражение, краткий манифест, оказавший воздействие на целое поколение.

---

¹¹¹ Канунова Ф. З. Карамзин и Стерн // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и её международные связи. – Л.: Наука, 1975. С. 258–264.

¹¹² Зорин А. Л. Указ. соч. С. 45.

Почему говорят, что Карамзин придумал русский литературный язык?

Если о «Бедной Лизе» обычно говорят, что она начинает русскую прозу (при этом в расчёт не принимаются ни романы и повести русского классицизма, ни тем более древнерусская литература), то карамзинская работа в целом заслуживает у филологов ещё более высокой оценки: его называют иногда реформатором, а иногда и основоположником русского литературного языка – хотя гораздо чаще ту же роль отводят Пушкину. Что же лежит в основе этой оценки?

Прежде всего это разнообразие задач, которые Карамзин решал. Ещё убеждённый поклонник Карамзина Пётр Шаликов отмечал, что «*Марфа посадница* написана совсем иным образом, нежели *бедная Лиза*; *бедная Лиза* совсем иным образом, нежели *Наталья, боярская дочь*; *Наталья, боярская дочь* совсем иным образом, нежели *Юлия*»; к этому списку можно прибавить и «Письма русского путешественника», вводящие в русскую прозу новейшие западноевропейские реалии, и, конечно, «Историю государства Российского», утверждающую древность и благородство страны: «Оказывается, у меня есть Отечество!» – легендарное восклицание Фёдора Толстого-Американца¹¹³, прочитавшего очередной том «Истории». Такая реакция возможна потому, что Карамзин изложил русскую историю не только с максимально возможной в его время достоверностью, но и современным для его читателей языком, совсем не похожим ни на древнерусские летописи, ни на труды Ломоносова и Татищева¹¹⁴, которые в начале XIX века уже воспринимаются как архаика. Пушкин, оканчивая «Бориса Годунова» – произведение, в котором художественный подход к истории принципиально нов по сравнению, например, с историческими драмами Сумарокова и Княжнина¹¹⁵, – посвящает «драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный».

Благозвучность карамзинской прозы отмечали современники – как старшие («Пой, Карамзин! И в прозе / Глас слышен соловьиный» – Державин), так и младшие («Карамзин открыл тайну в прямом значении – ясности, изящества и точности» – Жуковский). Здесь, конечно, скажется параллельная поэтическая карьера Карамзина: исследователи «Бедной Лизы» указывают на множество поэтических элементов, ритмических повторов в тексте. Но дело не только в поэтичности. Карамзин отказывается от традиционного тяжеловесного стиля русской книжности XVIII века – стиля, зависящего от античных и церковнославянских образцов, иногда

---

¹¹³ Граф Фёдор Иванович Толстой по прозвищу Американец (1782–1846) – военный, путешественник. В 1803 году отправился в кругосветное плавание с капитаном Крузенштерном, однако из-за хулиганских выходок был высажен на берег на Камчатке и должен был возвращаться в Петербург самостоятельно. Путешествию по Русской Америке – Камчатке и Алеутским островам – Толстой обязан своим прозвищем. Участвовал в Русско-шведской войне, Отечественной войне 1812 года, после войны поселился в Москве. Толстой был известен своей любовью к дуэлям и карточным играм, женился на танцовщице-цыганке, от которой у него было двенадцать детей (пережила его только одна дочь). В старости Толстой стал набожным и считал смерть детей наказанием за одиннадцать человек, убитых им на дуэлях.

¹¹⁴ Василий Никитич Татищев (1686–1750) – русский историк, географ, экономист, инженер. Один из сподвижников Петра I, автор первого крупного научного труда по русской истории «История Российская» (издана посмертно), первый публикатор «Русской правды» и «Судебника» Ивана Грозного. Фактический основоположник геодезии в России, основатель Екатеринбург, Перми, Ставрополя (ныне Тольятти). Проводил религиозные репрессии на Урале; в 1745-м, при Елизавете Петровне, попал в опалу, снятую буквально за день до его смерти.

¹¹⁵ Яков Борисович Княжнин (1740–1791) – драматург, один из самых популярных в России XVIII века. Дебютировал в 1769 году трагедией «Дидона», снискавшей одобрение Екатерины II. Весьма вольно пользовался в собственных комедиях текстами французских и итальянских драматургов; после личной ссоры молодой Иван Крылов в комедии «Проказники» изобразил Княжнина под именем Рифмокрад; с лёгкой руки Пушкина к Княжнину приклеился эпитет «переимчивый»; Пушкину же принадлежат слова о том, что «Княжнин умер под розгами» – имелась в виду кара, которая могла грозить драматургу после его последней и лучшей, но политически небезопасной пьесы «Вадим Новгородский». На самом деле Княжнин, судя по всему, умер от простуды и опалы избежал, но тираж «Вадима Новгородского» был уничтожен. Княжнин был зятем Александра Сумарокова.

даже на уровне синтаксиса. Одновременно он заимствует синтаксические обороты и корни из современных европейских языков. Литературные противники Карамзина, во главе которых стоял фактический руководитель общества «Беседа любителей русского слова» Александр Шишков, упрекали Карамзина и его последователей (в XX веке Юрий Тынянов назовёт их карамзинистами) в офранцузивании языка. Убеждённый архаист поэт Семён Бобров выводит сатирическую фигуру Галлорусса¹¹⁶, который выражает свои мысли «против свойства истинного языка». Карамзин, в свою очередь, противоречит классицистам-академистам – на выступлении в Академии наук в 1818 году он говорит:

Главным делом вашим было и будет систематическое образование языка: непосредственное же его обогащение зависит от успехов общежития и словесности, от дарования писателей, а дарования – единственно от судьбы и природы. Слова не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение. Сии новые, мыслями одушевлённые слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого учёного законодательства с нашей стороны: мы не даём, а принимаем их. Самые правила языка не изобретаются, а в нём уже существуют: надобно только открыть или показать оные.

Но, с другой стороны, «открывая или показывая» правила языка, Карамзин исходит не из того, что в нём уже есть, а из того, что в нём должно быть. Часто говорят, что Карамзин придумал букву Ё; на самом деле придумала её княгиня Екатерина Дашкова¹¹⁷, а Карамзин начал активно использовать в своих изданиях. Это, разумеется, страшно раздражало архаистов – в первую очередь Шишкова, для которого Ё было знаком простонародного, неграмотного произношения. Но если о необходимости буквы Ё до сих пор спорят (хотя произношение с Ё давным-давно стало нормативным), то вот неполный список неологизмов, которые, как считается, придумал Карамзин:

благотворительность, будущность, влиять, влюблённость, вольнодумство, впечатление, гармония, занимательность, катастрофа, промышленность, сосредоточить, сцена, утончённость, человечный, эпоха, эстетический.

Сегодня без этих слов, которые когда-то казались современникам нелепыми, мы не представляем себе русского языка.

---

¹¹⁶ Галлы – одни из предков французов; в обиходе XVIII–XIX веков французов часто называли галлами, а любовь ко всему французскому до сих пор именуется галломанией.

¹¹⁷ Княгиня Екатерина Дмитриевна Дашкова (урождённая графиня Воронцова, 1743–1810) – участница государственного переворота 1762 года, в результате которого Екатерина II взошла на престол; одна из самых образованных женщин своей эпохи, подруга Дидро и Вольтера, первая женщина, принятая в Американское философское общество, заметная деятельница российского Просвещения, первая директриса Петербургской академии наук и учредительница Императорской Российской академии. Главной своей целью ставила исследование и развитие русского языка. Издательница «Толкового словаря русского языка», журналистка, поэтесса, переводчица Вольтера, комедиограф, мемуаристка.

Правда ли, что в русской литературе все Лизы – бедные?

Не все, но такая тенденция наблюдается, и начало ей положил именно Карамзин. Кстати, начать стоит с того, что Елизаветой звали его первую жену, которая скончалась от родильной горячки и была горько оплакана мужем, – правда, случилось это через десять лет после выхода карамзинской повести. В память о первой жене он назвал Лизой свою последнюю дочь от второго брака.

До Карамзина имя Лиза (Лизетта), воспринятое из европейской литературы, обладает «добродушным», комическим ореолом¹¹⁸, но для Карамзина важнее всех Лиз, Лизетт и Луиз французских комедий и наивно-буколических Лиз из стихов Дмитриева¹¹⁹ и Державина были, вероятно, несчастная Элоиза, возлюбленная Абеяра, и «новая Элоиза» из романа Руссо. После публикации «Бедной Лизы» стали появляться эпигонские повести-клоны – среди них была, например, анонимная «Несчастливая Лиза». Пушкин, скорее всего, сознательно называет Лизой бедную воспитанницу старой графини в «Пиковой даме»: этой бедной девушке не суждено сочетаться браком с Германном, одержимым тайной трёх карт. Помня о «Бедной Лизе», Чайковский в своей постановке «Пиковой дамы» заставляет пушкинскую Лизу утопиться в Зимней канавке. Ещё одна Лиза пушкинской прозы – героиня «Барышни-крестьянки». В этой водевильной повести Пушкин вновь намекает на Карамзина, размывая сословные границы и заставляя дворянина Алексея Берестова влюбиться в мнимую крестьянку, но как раз эта Лиза – вполне счастливая. По замечанию исследовательницы Галины Головченко, Пушкин демифологизирует карамзинскую максиму о крестьянках, которые тоже «любить умеют»¹²⁰.

Традицию «бедных Лиз» подхватывают прозаики-реалисты. Лиза Калитина из «Дворянского гнезда» Тургенева, жертвующая своим счастьем и уходящая в монастырь, безусловно, одна из инкарнаций жившей около монастыря карамзинской крестьянки. Лизавета Александровна из «Обыкновенной истории» Гончарова – красивая и умная женщина, вынужденная прожить свою жизнь с донельзя прагматичным, презирающим романтическую любовь мужем. «Маленькая княгиня» Лиза из «Войны и мира» Толстого, жена Андрея Болконского, не пользуется любовью мужа и умирает родами. Особенно любил мучить Лиз Достоевский: здесь вспоминается и убиенная Лизавета Ивановна в «Преступлении и наказании», и глубоко несчастная Лизавета Тушина в «Бесах», и терпящая издевательства героя проститутка Лиза в «Записках из подполья», и ненавидимая, избиваемая девочка Лиза в «Вечном муже», и ставшая жертвой Фёдора Карамазова юродивая Лизавета Смердящая в «Братьях Карамазовых».

Так что в XX веке «бедная Лиза» – уже знак традиции классической литературы, пригодный для реминисценций и пародий. В «Тихом Доне» Лиза Мохова, соблазнённая Митькой Коршуновым, ступает на путь порока; следы её теряются во втором томе романа. В романе Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом» ореол жалости окутывает героинь Лизу («Она вся из карамзинских причитаний») и Луизу. Наконец, прямая и в то же время ироническая отсылка к Карамзину – вышедший в 1998 году «Азazelь» Бориса Акунина: юный сыщик Эраст Фандорин женится на прелестной Лизаньке, которая в день свадьбы «шепнула Эрасту Петровичу»: «Бедная Лиза передумала топиться и вышла замуж». Ясно, что добром это не кончится: неве-

---

¹¹⁸ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 135.

¹¹⁹ Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) – поэт, государственный деятель. Был другом и последователем Николая Карамзина, печатал стихотворения в издаваемом Карамзиным «Московском журнале». В 1796 году издал «Карманный песенник» – уникальное собрание русских песен. Писал сказки и басни, пользовавшиеся большой популярностью. С 1810 по 1814 год Дмитриев был членом Государственного совета и министром юстиции. Автор мемуаров «Взгляд на мою жизнь», впервые опубликованных только в 1866 году.

¹²⁰ Головченко Г. А. Образ девушки Лизы как один из сквозных образов классической русской литературы // Язык. Словесность. Культура. 2013. № 6. С. 89–104. С. 94.

ста гибнет от бомбы, присланной на свадьбу врагами. Так основоположник русского ретроде-тектива одним махом соединяет карамзинский сентиментализм с поворотным моментом бон-дианы.

Александр Пушкин. «Евгений Онегин»

О чём эта книга?

Столичный повеса Евгений Онегин, получив наследство, уезжает в деревню, где знакомится с поэтом Ленским, его невестой Ольгой и её сестрой Татьяной. Татьяна влюбляется в

Онегина, но он не отвечает ей взаимностью. Ленский, приревновав невесту к другу, вызывает Онегина на дуэль и гибнет. Татьяна выходит замуж и становится великосветской дамой. Теперь уже Евгений в неё влюбляется, но Татьяна сохраняет верность мужу. В этот момент автор прерывает повествование – «роман оканчивается ничем»¹²¹.

Хотя сюжет «Евгения Онегина» небогат событиями, роман оказал огромное воздействие на русскую словесность. Пушкин вывел на литературную авансцену социально-психологические типажы, которые будут занимать читателей и писателей нескольких последующих поколений. Это «лишний человек», (анти)герой своего времени, скрывающий своё истинное лицо за маской холодного эгоиста (Онегин); наивная провинциальная девушка, честная и открытая, готовая на самопожертвование (Татьяна в начале романа); поэт-мечтатель, гибнущий при первом столкновении с реальностью (Ленский); русская женщина, воплощение изящества, ума и аристократического достоинства (Татьяна в конце романа). Это, наконец, целая галерея характерологических портретов, представляющих русское дворянское общество во всём его разнообразии (циник Зарецкий, «старики» Ларины, провинциальные помещики, московские баре, столичные франты и многие, многие другие).

---

¹²¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. IV. С. 425.

Когда она написана?

Роман писался восемь с половиной лет: с 9 мая 1823 года по 5 октября 1831 года.

Две первые главы и начало третьей написаны в «южной ссылке» (в Кишинёве и Одессе) с мая 1823-го по июль 1824 года. Пушкин настроен скептически и критически к существующему порядку вещей. Первая глава – сатира на современное дворянство; при этом Пушкин сам, подобно Онегину, ведёт себя вызывающе и одевается как денди. Одесские и (в меньшей степени) молдавские впечатления отразились в первой главе романа и в «Путешествии Онегина».

Центральные главы романа (с третьей по шестую) окончены в «северной ссылке» (в псковском родовом имении – селе Михайловском) в период с августа 1824-го по ноябрь 1826 года. Пушкин испытал на себе (и описал в главе четвёртой) скуку жизни в деревне, где зимой нет никаких развлечений, кроме книг, выпивки и катания в санях. Главное удовольствие – общение с соседями (у Пушкина это семейство Осиповых-Вульф, проживавших в имении Тригорское неподалёку от Михайловского). Так же проводят время герои романа.

Александр Пушкин. Около 1830 года¹²²

---

¹²² Александр Пушкин. Около 1830 года. Государственный музей А. С. Пушкина.

Кабинет Пушкина в музее-усадьбе «Михайловское»¹²³

Новый император Николай I вернул поэта из ссылки. Теперь Пушкин постоянно бывает в Москве и в Петербурге. Он «суперзвезда», самый модный поэт России. Седьмая (московская) глава, начатая в августе-сентябре 1827 года, была окончена и переписана 4 ноября 1828 года.

Но век моды недолог, и к 1830 году популярность Пушкина сходит на нет. Утратив внимание современников, за три месяца Болдинской осени (сентябрь – ноябрь 1830-го) он напишет десятки произведений, составивших его славу у потомков. Помимо прочего, в нижегородском родовом имении Пушкиных Болдине завершены «Путешествие Онегина» и восьмая глава романа, а также частично написана и сожжена так называемая десятая глава «Евгения Онегина».

Почти год спустя, 5 октября 1831 года, в Царском Селе написано письмо Онегина. Книга готова. В дальнейшем Пушкин только перекомпоновывает текст и редактирует отдельные строфы.

---

¹²³ Кабинет Пушкина в музее-усадьбе «Михайловское». Дом Пушкиных. Государственный музей-заповедник «Михайловское». ©Shutterstock.

Как она написана?

«Евгений Онегин» концентрирует главные тематические и стилистические находки предшествующего творческого десятилетия: тип разочарованного героя напоминает о романтических элегиях и поэме «Кавказский пленник», обрывочная фабула – о ней же и о других «южных» («байронических») поэмах Пушкина, стилистические контрасты и авторская ирония – о поэме «Руслан и Людмила», разговорная интонация – о дружеских стихотворных посланиях поэтов-арзамасцев¹²⁴.

При всём том роман абсолютно антитрадиционен. В тексте нет ни начала (ироническое «вступление» находится в конце седьмой главы), ни конца: за открытым финалом следуют отрывки из «Путешествия Онегина», возвращающие читателя сперва в середину фабулы, а затем, в последней строчке, – к моменту начала работы автора над текстом («Итак я жил тогда в Одессе...»). В романе отсутствуют традиционные признаки романного сюжета и привычные герои: «Все виды и формы литературности обнажены, открыто явлены читателю и иронически сопоставлены друг с другом, условность любого способа выражения насмешливо продемонстрирована автором»¹²⁵. Вопрос «как писать?» волнует Пушкина не меньше, чем вопрос «о чём писать?». Ответом на оба вопроса становится «Евгений Онегин». Это не только роман, но и метароман (роман о том, как пишется роман).

Обойтись без захватывающего сюжета Пушкину помогает стихотворная форма («...я теперь пишу не роман, а роман в стихах – дьявольская разница»¹²⁶). Особую роль в конструкции текста приобретает автор-повествователь, который своим постоянным присутствием мотивирует бесчисленные отступления от основной интриги. Такие отступления принято именовать лирическими, но в реальности они оказываются самыми разными – лирическими, сатирическими, литературно-полемическими, какими угодно. Автор говорит обо всём, о чём сочтёт нужным («Роман требует болтовни»¹²⁷) – и повествование движется при почти неподвижном сюжете.

Пушкинскому тексту свойственны множественность точек зрения, выражаемых автором-повествователем и персонажами, и стереоскопическое совмещение противоречий, возникающих при столкновении различных взглядов на один и тот же предмет. Оригинален или подражателен Евгений? Какое будущее ждало Ленского – великое или заурядное? На все эти вопросы в романе даны разные, причём взаимоисключающие ответы. «За таким построением текста лежало представление о принципиальной несовместимости жизни в литературу», а открытый финал символизировал «неисчерпаемость возможностей и бесконечной вариативности действительности»¹²⁸. Это было новшеством: в романтическую эпоху точки зрения автора и повествователя обычно сливались в едином лирическом «я», а другие точки зрения корректировались авторской.

---

¹²⁴ «Арзамас» – литературный кружок, существовавший в Петербурге в 1815–1818 годы. Его членами были как поэты и писатели (Пушкин, Жуковский, Батюшков, Вяземский, Кавелин), так и политические деятели. Арзамасцы выступали против консервативной политики и архаичных литературных традиций. Отношения внутри кружка были дружескими, а собрания были похожи на весёлые посиделки. Для поэтов-арзамасцев излюбленным жанром было дружеское послание, ироничное стихотворение, полное намёков, понятных только адресатам.

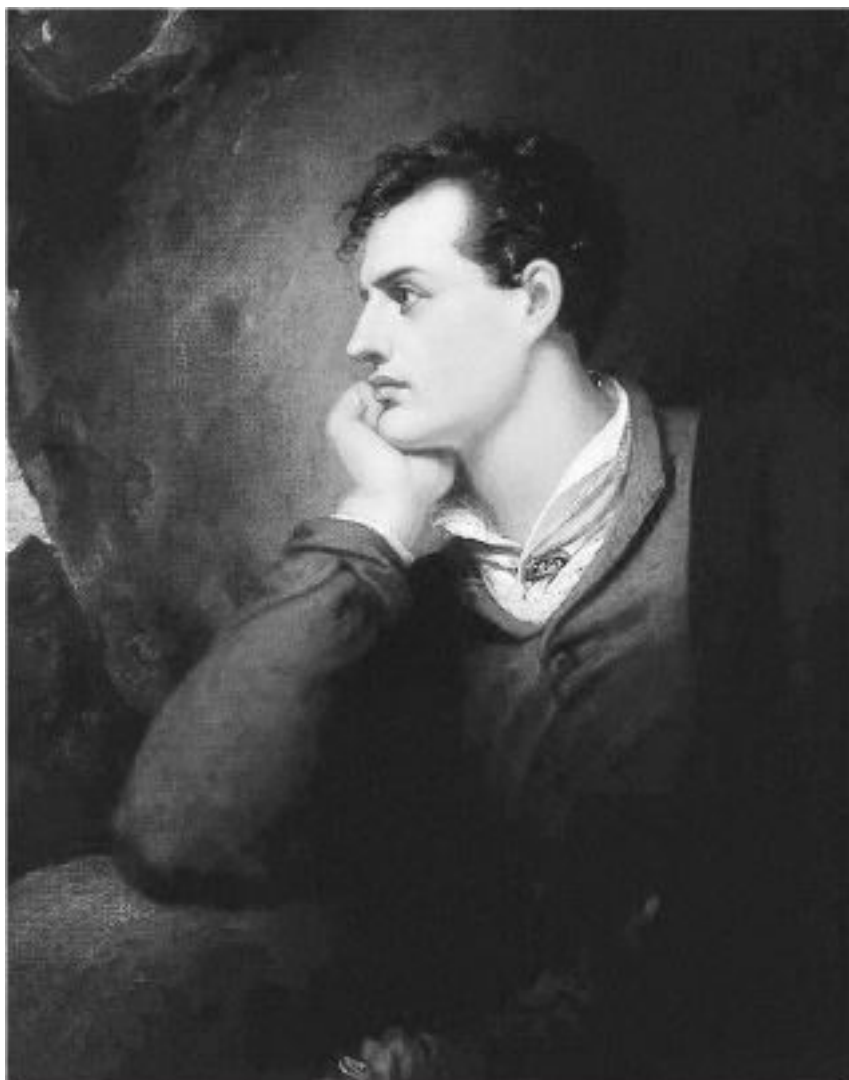
¹²⁵ Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки (1960–1990). «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб.: Искусство – СПб, 1995. С. 195.

¹²⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 13. С. 73.

¹²⁷ Там же. С. 180.

¹²⁸ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 196.

Ричард Уэстолл. Джордж Гордон Байрон. 1813 год. Национальная портретная галерея, Лондон¹²⁹

«Онегин» – радикально новаторское произведение в отношении не только композиции, но и стиля. В своей поэтике Пушкин синтезировал основополагающие черты двух антагонистических литературных направлений начала XIX века – младокарамзинизма и младоархаизма. Первое направление ориентировалось на средний стиль и разговорную речь образованного общества, было открыто новоевропейским заимствованиям. Второе соединяло высокий и низкий стили, опиралось, с одной стороны, на книжно-церковную литературу и одическую традицию XVIII века, с другой – на народную словесность. Отдавая предпочтение тем или иным языковым средствам, зрелый Пушкин не руководствовался внешними эстетическими нормативами, а делал свой выбор исходя из того, как работают эти средства в рамках конкретного замысла. Новизна и необычность пушкинского стиля поражали современников – а мы с детства к нему привыкли и нередко не чувствуем стилистических контрастов, а тем более стилистических нюансов. Отказавшись от априорного деления стилистических регистров на «низкие» и «высокие», Пушкин не только создал принципиально новую эстетику, но и решил важнейшую культурную задачу – синтез языковых стилей и создание нового национального литературного языка.

---

¹²⁹ Ричард Уэстолл. Джордж Гордон Байрон. 1813 год. Национальная портретная галерея, Лондон. Wikimedia Commons.

Что на неё повлияло?

«Евгений Онегин» опирался на широчайшую европейскую культурную традицию от французской психологической прозы XVII–XVIII веков до современной Пушкину романтической поэмы, в том числе на опыты пародийной литературы, «остраняющей»¹³⁰ литературный стиль (от французской и русской ироикомической¹³¹ и бурлескной¹³² поэзии до байроновского «Дон Жуана») и сюжетное повествование (от Стерна до Гофмана и того же Байрона). От ироикомики «Евгений Онегин» унаследовал игровое столкновение стилей и пародирование элементов героического эпоса (таково, например, «вступление», имитирующее зачин классической эпопеи). От Стерна и стернианцев унаследованы переставленные главы и пропущенные строфы, беспрестанное отвлечение от основной фабульной нити, игра с традиционным сюжетосложением: завязка и развязка отсутствуют, а ироикомическое «вступление» по-стерниански перенесено в главу седьмую. От Стерна и от Байрона – лирические отступления, занимающие едва ли не половину романного текста.

---

¹³⁰ Остранение – литературный приём, превращающий привычные вещи и события в странные, будто увиденные в первый раз. Остранение позволяет воспринимать описываемое не автоматически, а более осознанно. Термин введён литературоведом Виктором Шкловским.

¹³¹ Ироикомическая поэзия – пародия на эпическую поэзию: высоким стилем здесь описывается бытовая жизнь с попойками и драками. Среди характерных примеров русских ироикомических поэм – «Елисей, или Раздражённый Вакх» Василия Майкова, «Опасный сосед» Василия Пушкина.

¹³² В бурлескной поэзии комический эффект строится на том, что грубым и вульгарным языком говорят эпические герои и боги. Если изначально ироикомическая поэзия, где о низком говорилось высоким слогом, противопоставлялась бурлеску, то к XVIII веку оба вида поэзии воспринимались как один шуточный жанр.

Как она была опубликована?

Первоначально роман печатался сериально, поглавно – с 1825 по 1832 год. Помимо целых глав, выходивших отдельными книжками, в альманахах, журналах и газетах появлялись, как мы бы сейчас сказали, тизеры – небольшие фрагменты романа (от нескольких строф до десятка страниц).

Первое сводное издание «Евгения Онегина» было напечатано в 1833 году. Последнее прижизненное издание («Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Издание третье») вышло в свет в январе 1837 года, за полторы недели до гибели поэта.

Как её приняли?

По-разному, в том числе в ближайшем окружении поэта. В 1828 году Баратынский писал Пушкину: «Вышли у нас ещё две песни «Онегина». Каждый о них толкует по-своему: одни хвалят, другие бранят, и все читают. Я очень люблю обширный план твоего «Онегина»; но большее число его не понимает». Лучшие критики писали о «пустоте содержания» романа (Иван Киреевский), заявляли, что эта «блестящая игрушка» не может иметь «притязаний ни на единство содержания, ни на цельность состава, ни на стройность изложения» (Николай Надеждин), находили в романе «недостаток связи и плана» (Борис Фёдоров), «множество беспрерывных отступлений от главного предмета» в нём считали «утомительным» (он же) и, наконец, приходили к выводу, что поэт «повторяет сам себя» (Николай Полевой), а последние главы знаменуют «совершенное падение» пушкинского таланта (Фаддей Булгарин).

В общем, «Онегина» приняли так, что Пушкин отказался от мысли продолжать роман: он «свернул его оставшуюся часть до одной главы, а на претензии зоилов ответил «Домиком в Коломне», весь пафос которого – в утверждении абсолютной свободы творческой воли»¹³³.

---

¹³³ Шапир М. И. Статьи о Пушкине. – М.: Языки славянских культур, 2009. С. 192.

Что было дальше?

Одним из первых «огромное историческое и общественное значение» «Евгения Онегина» осознал Белинский¹³⁴. В 8-й и 9-й статьях (1844–1845) так называемого пушкинского цикла (формально это была очень развёрнутая рецензия на первое посмертное издание сочинений Пушкина) он выдвигает и обосновывает тезис о том, «что «Онегин» есть поэтически верная действительности картина русского общества в известную эпоху»¹³⁵, а потому «Онегина» можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением»¹³⁶.

Двадцать лет спустя ультралевый радикал Дмитрий Писарев в статье «Пушкин и Белинский» (1865) призвал кардинально пересмотреть эту концепцию: по мнению Писарева, Ленский – бессмысленный «идеалист и романтик», Онегин с начала до конца романа «остаётся ничтожнейшим пошляком», Татьяна – просто дура (в её голове «количество мозга было весьма незначительное» и «это малое количество находилось в самом плачевном состоянии»¹³⁷). Вывод: вместо того, чтобы работать, герои романа занимаются ерундой. Писаревское прочтение «Онегина» высмеял Дмитрий Минаев в блистательной пародии «Евгений Онегин нашего времени» (1865), где главный герой представлен бородатым нигилистом – чем-то вроде тургеневского Базарова.

Ещё через полтора десятилетия Достоевский в своей «пушкинской речи» (1880) выдвинул третью (условно «почвенническую») интерпретацию романа. Достоевский согласен с Белинским в том, что в «Евгении Онегине» «воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностию, какой и не бывало до Пушкина»¹³⁸. Так же, как для Белинского, считавшего, что Татьяна воплощает «тип русской женщины»¹³⁹, Татьяна для Достоевского – «это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины», «это тип твёрдый, стоящий твёрдо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его»¹⁴⁰. В отличие от Белинского, Достоевский полагал, что Онегин вообще не годится в герои: «Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы»¹⁴¹.

Отрывки из «Онегина» начали включаться в учебные хрестоматии ещё с 1843 года¹⁴². К концу XIX века складывается гимназический канон, выделивший «главные» художественные произведения 1820–40-х годов – в этом ряду обязательное место занимают «Горе от ума», «Евгений Онегин», «Герой нашего времени» и «Мёртвые души». Советские школьные программы в этом отношении продолжают дореволюционную традицию – варьируется лишь интерпретация, но и она в конечном счёте так или иначе базируется на концепции Белинского. А пейзажно-календарные фрагменты «Онегина» заучиваются наизусть с младших классов как

---

¹³⁴ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 7. С. 431.

¹³⁵ Там же. С. 445.

¹³⁶ Там же. С. 503.

¹³⁷ Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. – М.: Наука, 2003. Т. 7. С. 225, 230, 252.

¹³⁸ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1880, август. Глава вторая. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. – СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 429.

¹³⁹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 503.

¹⁴⁰ Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 430.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Вдовин А. В., Лейбов Р. Г. Пушкин в школе: curriculum и литературный канон в XIX веке // Лотмановский сборник 4. – М.: ОГИ, 2014. С. 251.

фактически самостоятельные, идеологически нейтральные и эстетически образцовые произведения («Зима! Крестьянин, торжествуя...», «Гонимы внешними лучами...», «Уж небо осенью дышало...» и др.).

Как «Онегин» повлиял на русскую литературу?

«Евгений Онегин» быстро становится одним из ключевых текстов русской литературы. Проблематика, фабульные ходы и нарративные приёмы многих русских романов и повестей прямо восходят к пушкинскому роману: главный герой как «лишний человек», не имеющий возможности найти в жизни применения своим недюжинным талантам; героиня, нравственно превосходящая главного героя; контрастная «парность» персонажей; даже дуэль, в которую ввязывается герой. Это тем более поразительно, что «Евгений Онегин» – это «роман в стихах», а в России с середины 1840-х годов наступает полувекковая эпоха прозы.

Ещё Белинский отметил, что «Евгений Онегин» имел «огромное влияние и на современную... и на последующую русскую литературу»¹⁴³. Онегин, подобно лермонтовскому Печорину, есть «герой нашего времени», и наоборот, Печорин – «это Онегин нашего времени»¹⁴⁴. Лермонтов открыто указывает на эту преемственность с помощью антропонимики: фамилия Печорина образована от названия северной реки Печоры, точно так же, как фамилии антиподов Онегина и Ленского – от названий расположенных очень далеко одна от другой северных рек Онеги и Лены.

Более того, сюжет «Евгения Онегина» явно повлиял на лермонтовскую «Княжну Мери». По словам Виктора Виноградова, «пушкинских героев сменили герои нового времени. <...> Потомок Онегина – Печорин разъеден рефлексией. Он уже не способен отдаться даже запоздалому чувству любви к женщине с той непосредственной страстностью, как Онегин. Пушкинскую Таню сменила Вера, которая всё-таки изменила мужу, предавшись Печорину»¹⁴⁵. Двум парам героев и героинь (Онегин и Ленский; Татьяна и Ольга) соответствуют две аналогичные пары (Печорин и Грушницкий; Вера и княжна Мери); между героями происходит дуэль. У Тургенева в «Отцах и детях» воспроизводится отчасти похожий комплекс персонажей (антагонисты Павел Кирсанов и Евгений Базаров; сестры Катерина Локтева и Анна Одинцова), но дуэль приобретает откровенно травестийный характер. Поднятая в «Евгении Онегине» тема «лишнего человека» проходит через все важнейшие произведения Тургенева, которому, собственно, и принадлежит этот термин («Дневник лишнего человека», 1850).

«Евгений Онегин» – первый русский метароман, создавший особую традицию. В романе «Что делать?» Чернышевский рассуждает о том, как найти сюжет для романа и выстроить его композицию, а пародийный «проницательный читатель» Чернышевского живо напоминает пушкинского «читателя благородного», к которому иронически обращается автор-повествователь. «Дар» Набокова – это роман о поэте Годунове-Чердынцеве, который сочиняет стихи, желая писать как боготворимый им Пушкин, и одновременно вынужден работать над биографией ненавидимого им Чернышевского. У Набокова, так же как впоследствии у Пастернака в романе «Доктор Живаго», стихи пишет герой, не равный автору – прозаику и поэту. Точно так же в «Евгении Онегине» Пушкин пишет стихотворение Ленского: это пародийное стихотворение, написанное в поэтике Ленского (персонажа), а не Пушкина (автора).

---

¹⁴³ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 501.

¹⁴⁴ Там же. С. 265.

¹⁴⁵ Виноградов В. В. Стиль прозы Лермонтова // Литературное наследство. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 43/44. С. 598.

Что такое «онегинская строфа»?

Все поэмы Пушкина, созданные до 1830 года, написаны астрофическим¹⁴⁶ ямбом. Исключение – «Онегин», первое крупное произведение, в котором поэт опробовал строгую строфическую форму.

Каждая строфа «помнит» о своих предшествующих употреблении: октава неминуемо отсылает к итальянской поэтической традиции, спенсера строфа¹⁴⁷ – к английской. Видимо, поэтому Пушкин не захотел воспользоваться готовой строфической структурой: необычное содержание требует необычной формы.

Для своего главного произведения Пушкин изобрёл уникальную строфу, не имевшую прямых precedents в мировой поэзии. Вот формула, записанная самим автором: «4 croisés, 4 de suite, 1.2.1. et deux». То есть: четверостишие перекрёстной рифмовки¹⁴⁸, четверостишие смежной рифмовки¹⁴⁹, четверостишие опоясывающей рифмовки¹⁵⁰ и заключительное двустиишие. Возможные строфические образцы: одна из разновидностей одической¹⁵¹ строфы¹⁵² и сонет¹⁵³.

Первая рифма строфы – женская¹⁵⁴, заключительная – мужская¹⁵⁵. Женские рифменные пары не следуют за женскими, мужские за мужскими (правило альтернанса). Размер – четырёхстопный ямб, самая распространённая метрическая форма в поэтической культуре пушкинского времени.

Формальная строгость лишь оттеняет выразительность и гибкость поэтической речи: «Часто первое четверостишие задаёт тему строфы, второе её развивает, третье образует тематический поворот, а двустиишие даёт чётко сформулированное разрешение темы»¹⁵⁶. Заключительные двустиишие нередко содержат остроты и напоминают тем самым краткие эпиграммы. При этом следить за развитием сюжета можно, читая одни только первые четверостишия¹⁵⁷.

На фоне такой строгой урегулированности эффектно выделяются отступления. Во-первых, это вкрапления иных метрических форм: письма героев друг к другу, написанные астрофическим четырёхстопным ямбом, и песня девушек, написанная трёхстопным хореем с дактилическими¹⁵⁸ окончаниями. Во-вторых, это редчайшие (и оттого очень выразительные) пары

¹⁴⁶ Не разбитым на строфы.

¹⁴⁷ Девятистрочная строфа: восемь стихов в ней написаны пятистопным ямбом, а девятый – шестистопным. Названа в честь английского поэта Эдмунда Спенсера, который ввёл эту строфу в поэтическую практику.

¹⁴⁸ Наиболее употребляемый вид рифмовки в четверостишии, строки рифмуются через одну (abab).

¹⁴⁹ Здесь рифмуются смежные строки: первая со второй, третья с четвёртой (aabb). Такой вид рифмовки наиболее распространён в русской народной поэзии.

¹⁵⁰ В этом случае первая строка рифмуется с четвёртой, а вторая с третьей (abba). Первая и четвёртая строки как бы опоясывают четверостишие.

¹⁵¹ Строфа из десяти строк, строки подразделяются на три части: в первой – четыре строки, во второй и третьей – по три. Способ рифмовки – abab ccd eed. Как и следует из названия, в русской поэзии использовалась по преимуществу для написания од.

¹⁵² Сперантов В. В. *Miscellanea poetologica*: 1. Был ли кн. Шаликов изобретателем «онегинской строфы»? // *Philologica*. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 125–131.

¹⁵³ Гроссман Л. П. Онегинская строфа // Пушкин / Ред. Н. К. Пиксанова. – М.: Госиздат, 1924. Сб. 1. С. 125–131.

¹⁵⁴ Рифма с ударением на предпоследнем слоге.

¹⁵⁵ Рифма с ударением на последнем слоге.

¹⁵⁶ Гаспаров М. Л. Онегинская строфа // Гаспаров М. Л. *Русский стих начала XX века в комментариях*. – М.: Фортуна Лимитед, 2001. С. 178.

¹⁵⁷ Томашевский Б. В. Десятая глава «Евгения Онегина»: История разгадки // *Литературное наследство*. – М.: Жур. – газ. объединение, 1934. Т. 16/18. С. 379–420. С. 386.

¹⁵⁸ Рифма с ударением на третьем от конца слоге.

строф, где фраза, начатая в одной строфе, завершается в следующей. Например, в главе третьей:

Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью
И задыхаясь, на скамью
XXXIX.
Упала...

Межстрофный перенос метафорически изображает падение героини на скамейку после долгого бега¹⁵⁹. Тот же приём использован в описании смерти Ленского, который падает, убитый выстрелом Онегина.

Помимо многочисленных пародий на «Онегина», позднейшие образцы онегинской строфы включают оригинальные произведения. Однако эту строфу оказалось невозможно использовать без прямых отсылок к пушкинскому тексту. Лермонтов в первой же строфе «Тамбовской казначейши» (1838) заявляет: «Пишу Онегина размером». Вячеслав Иванов в стихотворном вступлении к поэме «Младенчество» (1913–1918) оговаривается: «Размер заветных строф приятен», а первую строчку первой строфы начинает словами: «Отец мой был из нелюдимых...» (как в «Онегине»: «Мой дядя самых честных правил...»). Игорь Северянин сочиняет «роман в строфах» (!) под заглавием «Рояль Леандра» (1925) и в стихотворном вступлении объясняется: «Пишу онегинской строфой».

Были попытки варьировать пушкинскую находку: «В порядке соперничества изобретались и другие строфы, подобные онегинской. Почти тотчас вслед за Пушкиным Баратынский написал свою поэму «Бал» тоже четырнадцатистишиями, но другого строения... А в 1927 году В. Набоков написал «Университетскую поэму», перевернув порядок рифмовки онегинской строфы от конца к началу»¹⁶⁰. Набоков на этом не остановился: последний абзац набоковского «Дара» только выглядит прозаическим, а на деле представляет собой записанную в строчку онегинскую строфу.

---

¹⁵⁹ Шапир М. И. Указ. соч. С. 82–83.

¹⁶⁰ Гаспаров М. Л. Онегинская строфа. С. 178.

Чем интересны в романе второстепенные персонажи?

Места действия романа меняются от главы к главе: Санкт-Петербург (новая европейская столица) – деревня – Москва (национально-традиционный патриархальный центр) – Юг России и Кавказ. Персонажи удивительным образом варьируются в соответствии с топонимикой.

Филолог Максим Шапир, проанализировав систему именования персонажей в пушкинском романе, показал, что они разбиты на несколько категорий. «Степные» помещики – персонажи сатирические – наделены говорящими именами (Пустяков, Петушков, Буянов и т. п.). Московских бар автор называет без фамилий, только по имени и отчеству (Лукерья Львовна, Любовь Петровна, Иван Петрович, Семён Петрович и т. д.). Представители петербургского большого света – реальные лица из пушкинского окружения – описаны полунамёками, но читатели легко узнавали в этих анонимных портретах реальных людей: «Старик, по-старому шутливый: / Отменно тонко и умно, / Что нынче несколько смешно» – его высокопревосходительство Иван Иванович Дмитриев, а «На эпиграммы падкий, / На всё сердитый господин» – его сиятельство граф Гавриил Францевич Моден¹⁶¹.

Другие современники поэта названы полными именами, если речь идёт о публичной стороне их деятельности. Например, «Певец Пиров и грусти томной» – это Баратынский, как разъясняет сам Пушкин в 22-м примечании к «Евгению Онегину» (одно из самых известных произведений раннего Баратынского – поэма «Пиры»). «Другой поэт», который «роскошным слогом / Живописал нам первый снег», – это князь Вяземский, автор элегии «Первый снег», объясняет Пушкин в 27-м примечании. Но если тот же самый современник «выступает на страницах романа в качестве частного лица, поэт прибегает к звёздочкам и сокращениям»¹⁶². Поэтому, когда с князем Вяземским встречается Татьяна, Пушкин сообщает: «К ней как-то В. подсел» (а не «К ней как-то Вяземский подсел», как печатают современные издания). Знаменитый пассаж: «Du comme il faut (Шишков, прости: / Не знаю, как перевести)» – не появлялся на свет в этом виде при жизни Пушкина. Сперва поэт намеревался использовать инициал «Ш.», но затем заменил его тремя астерисками¹⁶³. Друг Пушкина и Баратынского Вильгельм Кюхельбекер полагал, что эти строки адресованы ему, и читал их: «Вильгельм, прости: / Не знаю, как перевести»¹⁶⁴. Дописывая за автора имена, поданные в тексте только намёком, современные редакторы, заключает Шапир, одновременно нарушают нормы пушкинской этики и поэтики.

---

¹⁶¹ Шапир М. И. Указ. соч. С. 285–287; Вацуро В. Э. Комментарии: И. И. Дмитриев // Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980. С. 445; Проскурин О. А. / o-proskurin.livejournal.com/59236.html

¹⁶² Шапир М. И. Указ. соч. С. 282.

¹⁶³ Типографский знак в виде звёздочки.

¹⁶⁴ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 715.

Когда происходят описанные в романе события и сколько лет героям?

Внутренняя хронология «Евгения Онегина» давно интригует читателей и исследователей. В какие годы происходит действие? Сколько лет героям в начале романа и в конце? Сам Пушкин ничтоже сумняшеся писал (и не где-нибудь, а в примечаниях, входящих в текст «Онегина»): «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» (примечание 17). Но совпадает ли романное время с историческим? Посмотрим, что нам известно из текста.

Во время дуэли Онегину 26 лет («...Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов...»). Онегин расстался с Автором за год до этого. Если биография Автора повторяет пушкинскую, то это расставание произошло в 1820 году (в мае Пушкин был сослан на юг), а дуэль состоялась в 1821 году. Здесь возникает первая неувязка. Дуэль состоялась через два дня после именин Татьяны, а именины – Татьянин день – это 12 января (по старому стилю). Согласно тексту, именины праздновали в субботу (в черновиках – в четверг). Однако в 1821 году 12 января пришлось на среду. Впрочем, может быть, празднование именин перенесли на один из ближайших дней (субботу).

Если главные события (от приезда Онегина в деревню до дуэли) всё-таки происходят в период с лета 1820 года до января 1821 года, то Онегин родился в 1795 или 1796 году (он на три-четыре года младше Вяземского и на три-четыре года старше Пушкина), а блистать в Петербурге начал, когда ему было «без малого осмнадцать лет» – в 1813-м. Однако в предисловии к первому изданию первой главы прямо сказано, что «она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года»¹⁶⁵. Конечно, мы можем это обстоятельство проигнорировать: в окончательный текст (издания 1833 и 1837 годов) эта дата не попала. Тем не менее описание столичной жизни в первой главе явно относится к концу 1810-х, а не к 1813-му, когда только-только закончилась Отечественная война и в самом разгаре была заграничная кампания против Наполеона. Балерина Истомина, чьё выступление Онегин смотрит в театре, в 1813 году ещё не танцевала; гусар Каверин, с которым Онегин кутит в ресторане Talon, ещё не вернулся в Петербург из-за границы¹⁶⁶.

Несмотря ни на что, продолжаем отсчитывать от 1821 года. Когда в январе 1821 года Ленский погиб, ему было «осмнадцать лет», стало быть, он родился в 1803-м. Когда родилась Татьяна, в тексте романа не говорится, но Пушкин сообщил Вяземскому, что письмо Татьяны Онегину, написанное летом 1820 года, – это «письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюблённой». Тогда Татьяна тоже родилась в 1803 году, а Ольга была её младше на год, максимум на два (поскольку она уже невеста, ей не могло быть меньше пятнадцати). Кстати, когда родилась Татьяна, её матери было вряд ли больше 25 лет, так что «старушке» Лариной на момент знакомства с Онегиным около сорока. Впрочем, указания на возраст Татьяны в окончательном тексте романа нет, так что не исключено, что все Ларины были на пару лет старше.

В Москву Татьяна попадает в конце января или в феврале 1822 года и (осенью?) выходит замуж. Тем временем Евгений странствует. Согласно печатным «Отрывкам из Путешествия Онегина», он приезжает в Бахчисарай через три года после Автора. Пушкин был там в 1820-м, Онегин, стало быть, – в 1823-м. В строфах, не включённых в печатный текст «Путешествия», Автор и Онегин встречаются в Одессе в 1823 или 1824 году и разъезжаются: Пушкин отправляется в Михайловское (это произошло в последних числах июля 1824 года), Онегин – в Петер-

---

¹⁶⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 638.

¹⁶⁶ Баевский В. С. Время в «Евгении Онегине» // Пушкин: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1983. Т. XI. С. 115–130. С. 117.

бург. На рауте осенью 1824 года он встречает Татьяну, которая замужем «около двух лет». Вроде бы всё сходится, однако в 1824 году Татьяна не могла на этом рауте говорить с испанским послом, поскольку у России ещё не было дипломатических отношений с Испанией¹⁶⁷. Письмо Онегина Татьяне, за которым последовало их объяснение, датировано весной (мартом?) 1825 года. Но неужели этой знатной даме в момент финального свидания всего 22 года?

Таких мелких нестыковок в тексте романа немало. В своё время литературовед Иосиф Тойбин пришёл к выводу, что в 17-м примечании поэт имел в виду не историческую, а сезонную хронологию (своевременную смену времён года внутри романного времени)¹⁶⁸. По всей видимости, он был прав.

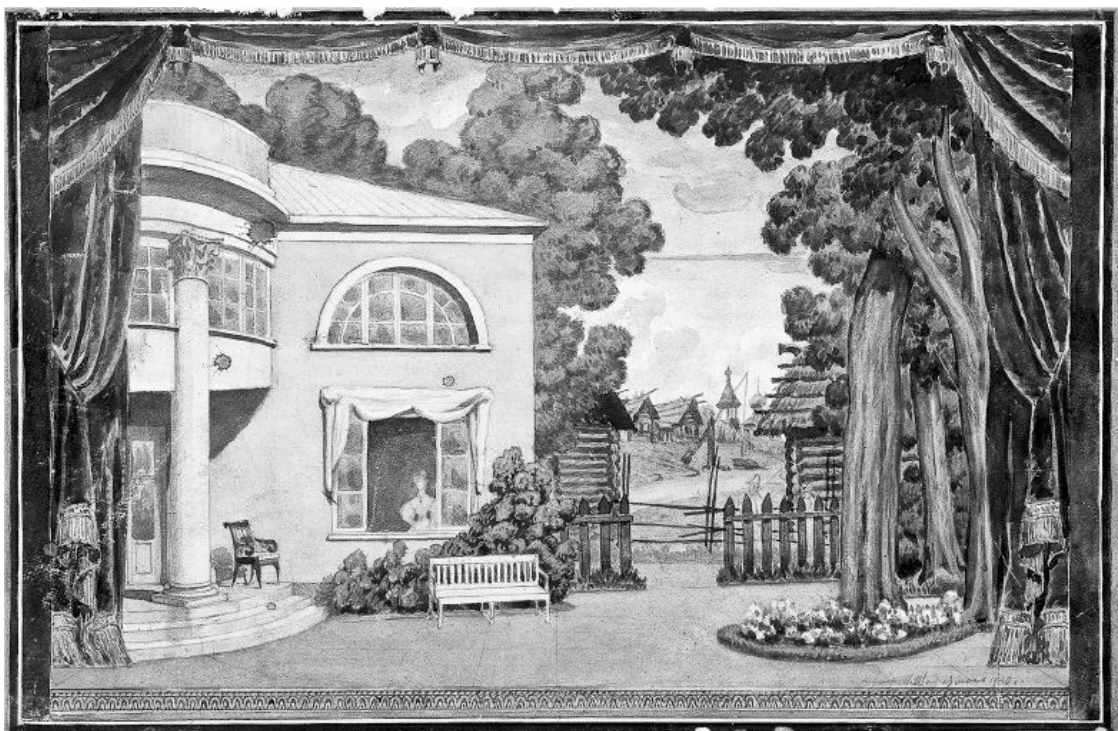
¹⁶⁷ Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin / Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. In 4 vols. N.Y.: Bollingen, 1964. Vol. 3. P. 83; Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 718.

¹⁶⁸ Тойбин И. М. «Евгений Онегин»: поэзия и история // Пушкин: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1979. Т. IX. С. 93.

Как текст «Онегина», который мы знаем сегодня, соотносится с тем, который читали современники Пушкина?

Современники успели прочесть несколько вариантов «Онегина». В изданиях отдельных глав стихи сопровождались разного рода дополнительными текстами, из которых далеко не все попали в сводное издание. Так, предисловиями к отдельному изданию главы первой (1825) служили заметка «Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено...» и драматическая сцена в стихах «Разговор книгопродавца с поэтом».

Первоначально Пушкин задумал более длинное сочинение, возможно даже в двенадцати главах (в конце отдельного издания главы шестой мы читаем: «Конец первой части»). Однако после 1830 года изменилось отношение автора к формам повествования (Пушкина теперь больше интересует проза), читателей к автору (Пушкин теряет популярность, публика считает, что он «исписался»), автора к публике (у него наступает разочарование в её – хочется сказать «умственных способностях» – эстетической готовности принять «Онегина»). Поэтому Пушкин оборвал роман на полуслове, бывшую девятую главу напечатал как восьмую, бывшую восьмую («Путешествие Онегина») опубликовал в отрывках, поместив в конце текста после примечаний. Роман приобрёл открытый финал, слегка закамуфлированный замкнутой зеркальной композицией (её образует обмен героев письмами и возвращение к одесским впечатлениям первой главы в конце «Путешествия»).

Иосиф Шарлемань. Эскиз декораций к опере Петра Чайковского «Евгений Онегин». 1940 год¹⁶⁹

¹⁶⁹ Иосиф Шарлемань. Эскиз декораций к опере Петра Чайковского «Евгений Онегин». 1940 год. © AGE / East News.

Из текста первого сводного издания (1833) исключены: вступительная заметка к главе первой, «Разговор книгопродавца с поэтом» и некоторые строфы, печатавшиеся в изданиях отдельных глав. Примечания ко всем главам вынесены в специальный раздел. Посвящение Плетнёву, первоначально предпосланное сдвоенному изданию глав четвёртой и пятой (1828), помещено в примечание 23. Только в последнем прижизненном издании (1837) мы находим привычную нам архитектонику¹⁷⁰: посвящение Плетнёву становится посвящением всего романа.

В 1922 году Модест Гофман опубликовал монографию «Пропущенные строфы «Евгения Онегина». Началось изучение черновых редакций романа. В 1937 году, к столетию со дня смерти поэта, все известные печатные и рукописные варианты «Онегина» были напечатаны в шестом томе академического Полного собрания сочинений Пушкина (редактор тома – Борис Томашевский). В этом издании осуществлён принцип «послойного» прочтения и подачи вариантов черновых и беловых рукописей (от окончательных чтений к ранним вариантам).

Основной текст романа в этом же собрании напечатан «по изданию 1833 г. с расположением текста по изданию 1837 г.; цензурные и типографские искажения издания 1833 г. исправлены по автографам и предшествующим изданиям (отдельных глав и отрывков)»¹⁷¹. В дальнейшем в научных и массовых изданиях перепечатывался, за редчайшими исключениями и с некоторыми орфографическими вариациями, именно этот текст. Иначе говоря, критический текст «Евгения Онегина», к которому мы привыкли, не совпадает ни с одним из изданий, вышедших при жизни Пушкина.

---

¹⁷⁰ Общая форма строения текста и взаимосвязи его частей. Понятие более крупного порядка, чем композиция – понимаемая как расположение и соотношений деталей внутри крупных частей текста.

¹⁷¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 660.

А что же теперь, когда опубликованы рукописи романа, нам делать с пропущенными строфами: нужно ли их восстанавливать в основном тексте?

Нет: они являются динамическим «эквивалентом» текста¹⁷², на их место читатель волен подставить всё что угодно (ср. с ролью импровизации в некоторых музыкальных жанрах). Более того, последовательно заполнить отточия невозможно: некоторые строфы или части строф сокращены, а другие никогда не были написаны.

Далее, некоторые строфы присутствуют в рукописях, но отсутствуют в печатном тексте. Есть строфы, имевшиеся в изданиях отдельных глав, но исключённые из сводного издания (например, развёрнутое сравнение «Евгения Онегина» с Гомеровой «Илиадой» в конце главы четвёртой). Есть строфы, напечатанные отдельно как отрывки из «Евгения Онегина», но не вошедшие ни в отдельное издание соответствующей главы, ни в сводное издание. Таков, например, напечатанный в 1827 году в «Московском вестнике» отрывок «Женщины» – начальные строфы главы четвёртой, которые в отдельном издании глав четвёртой и пятой заменены серией номеров без текста.

Такая «непоследовательность» – не случайный недосмотр, а принцип. Роман наполнен парадоксами, превращающими историю создания текста в художественный приём. Автор играет с текстом, не только исключая фрагменты, но и, наоборот, включая их «на особых условиях». Так, в авторских примечаниях приведено начало строфы, не вошедшей в роман («Пора: перо покоя просит...»), а две заключительные строфы главы шестой в основном тексте и в примечаниях даны автором в разных редакциях.

---

¹⁷² Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. С. 60.

Была ли в «Евгении Онегине» так называемая десятая глава?

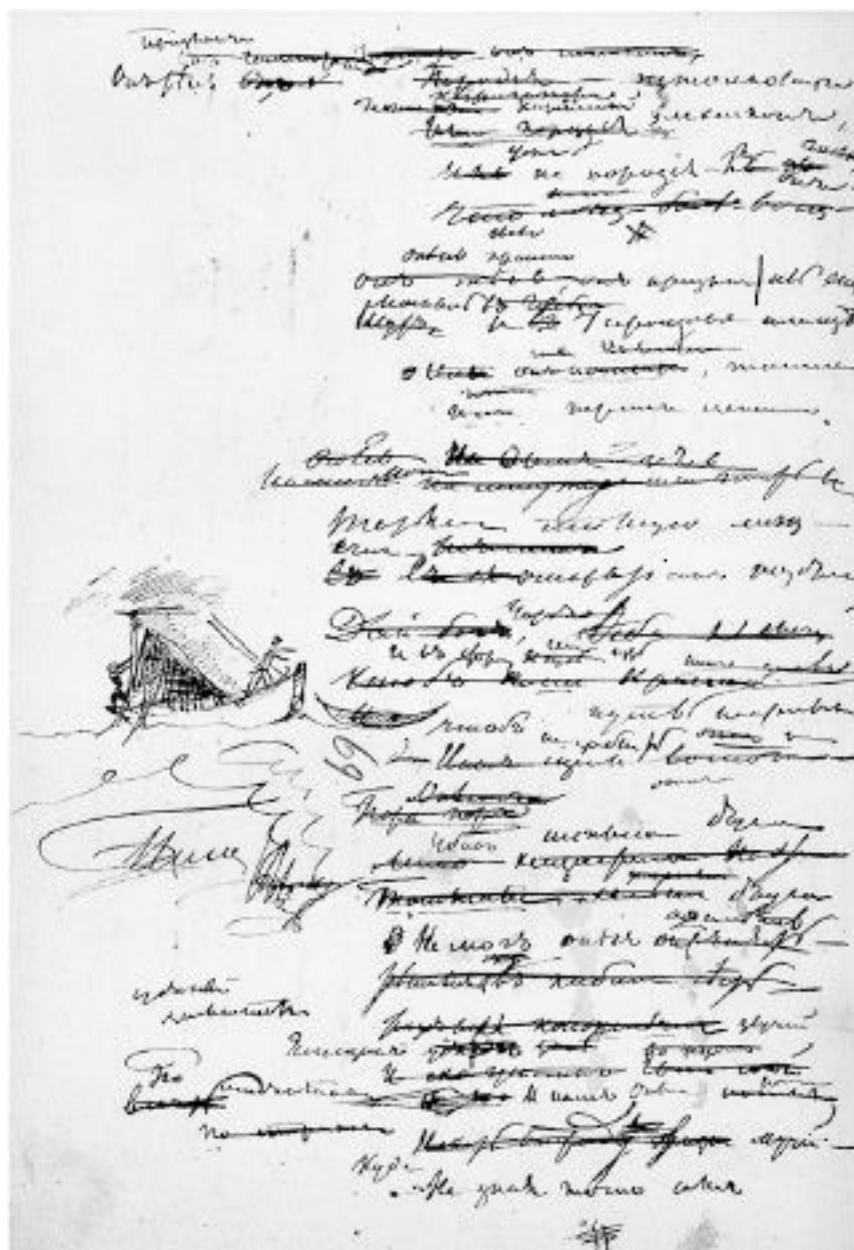
Пушкин писал свой роман, ещё не зная, как он его закончит. Десятая глава – вариант продолжения, отвергнутый автором. Из-за своего содержания (политическая хроника рубежа 1810–20-х годов, включающая описание заговорщиков-декабристов) десятая глава «Онегина», даже если бы она была окончена, вряд ли могла быть напечатана при жизни Пушкина, хотя имеются сведения, что он давал её на прочтение Николаю I¹⁷³.

Глава писалась в Болдине и была сожжена автором 18 или 19 октября 1830 года (об этом есть пушкинская помета в одной из болдинских рабочих тетрадей). Однако написанное не было уничтожено полностью. Часть текста сохранилась в виде авторского шифра, который в 1910 году разгадал пушкинист Пётр Морозов. Тайнопись скрывает только первые четверостишия 16 строф, но никак не фиксирует оставшиеся 10 строк каждой строфы. Кроме того, несколько строф уцелели в отдельном черновике и в сообщениях друзей поэта.

---

¹⁷³ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 745.

Рукопись «Евгения Онегина». 1828 год¹⁷⁴

В результате от всей главы до нас дошёл отрывок из 17 строф, ни одна из которых не известна нам в завершённом виде. Из них только две имеют полный состав (14 стихов), и только одна достоверно зарифмована по схеме онегинской строфы. Порядок сохранившихся строф тоже не вполне очевиден. Во многих местах текст разобран гипотетически. Даже первая, едва ли не самая известная строчка десятой главы («Властитель слабый и лукавый» – об Александре I) читается лишь предположительно: у Пушкина в шифре записано «Вл.», что Набоков, например, расшифровывал как «Владыка»¹⁷⁵.

В «большом академическом издании» текст десятой главы (шифр, расшифровка и черновики отдельных строф) печатается только в разделе черновых редакций¹⁷⁶. Решение печатать

¹⁷⁴ Рукопись «Евгения Онегина». 1828 год. Wikimedia Commons.

¹⁷⁵ Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin. Vol. 1. Pp. 318–319.

¹⁷⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 520–526.

её непосредственно после текста романа, реализованное во многих научно-массовых и массовых изданиях, неправомерно и принято исключительно по идеологическим причинам.

Неоднократно предпринимавшиеся попытки реконструировать «полный текст» главы безосновательны и потому безрезультатны. Некоторые «реконструкции» представляют собой откровенную подделку.

Об «Онегине» составляют целые тома комментариев. Зачем их читать?

В тексте романа есть масса подробностей, смысл которых от нас ускользает, тогда как современникам он был понятен с полуслова.

Онегин «как dandy лондонский одет» и «острижен по последней моде». А «по последней моде» – это как? Первые читатели сразу понимали, что, выйдя в свет, Онегин поменял длинную французскую стрижку à la Titus на короткую английскую, дендистскую¹⁷⁷. С другой стороны, короткая английская стрижка противопоставлена романтической немецкой à la Шиллер. Такая причёска у Ленского, недавнего гёттингенского¹⁷⁸ студента: «кудри чёрные до плеч»¹⁷⁹. Таким образом, Онегин и Ленский, во всём противоположные друг другу, отличаются даже причёсками.

На светском рауте Татьяна «в малиновом берете / С послем испанским говорит». О чём свидетельствует эта знаменитая деталь? Неужели о том, что героиня забыла снять головной убор? Конечно, нет. Благодаря этой подробности Онегин понимает, что перед ним – знатная дама и что она замужем. Современный историк европейского костюма разъясняет, что берет «в России появился только в начале XIX века одновременно с другими западноевропейскими головными уборами, плотно охватывающими голову: парики и пудренные причёски в XVIII века исключали их употребление. В 1-й половине XIX века берет был только женским головным убором, и притом только замужних дам. Являвшийся частью парадного туалета, он не снимался ни на балах, ни в театре, ни на званых вечерах»¹⁸⁰. Береты делались из атласа, бархата или иных тканей. Они могли быть украшены плюмажем или цветами. Носили их наискось, так, что один край мог даже касаться плеча.

В ресторане Talon Онегин с Кавериным пьют «вино кометы». Что за вино? Это le vin de la Comète, шампанское урожая 1811 года, превосходное качество которого приписывали влиянию кометы, ныне именуемой C/1811 F1, – она была хорошо видна в Северном полушарии с августа по декабрь 1811 года¹⁸¹.

Кроме того, в романе, который написан, казалось бы, тем же языком, каким говорим мы с вами, в действительности много устаревших слов и выражений. А почему они устаревают? Во-первых, потому, что меняется язык; во-вторых, потому, что меняется мир, который он описывает.

Вот во время дуэли слуга Онегина Гильо «за ближний пень становится». Как интерпретировать такое поведение? Все иллюстраторы изображают Гильо пристроившимся невдалеке возле небольшого пенька. Все переводчики используют слова со значением «нижняя часть срубленного, спиленного или сломленного дерева». Точно так же трактует это место «Словарь языка Пушкина». Однако если Гильо боится погибнуть от случайной пули и надеется от неё укрыться, то зачем ему пень? Об этом никто не задумывался, пока лингвист Александр Пеньковский не показал на множестве текстов пушкинской эпохи, что в то время слово «пень»

---

¹⁷⁷ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 550, 592.

¹⁷⁸ Гёттингенский университет был одним из наиболее передовых учебных заведений того времени. Среди знакомых Пушкина было несколько выпускников Гёттингена, и все они отличались свободомыслием: декабрист Николай Тургенев и его брат Александр, лицейский учитель Пушкина Александр Куницын.

¹⁷⁹ Мурьянов М. Ф. Портрет Ленского // Вопросы литературы. 1997. № 6. С. 102–122.

¹⁸⁰ Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX в. (Опыт энциклопедии). – М.: БСЭ, 1995. С. 37.

¹⁸¹ Кузнецов Н. Н. Вино кометы // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. XXXVIII/XXXIX. С. 71–75.

имело ещё одно значение, помимо того, которое оно имеет сегодня, – это значение «ствол дерева» (не обязательно «срубленного, спиленного или сломленного») ¹⁸².

Другая большая группа слов – это устаревшая лексика, обозначающая устаревшие реалии. В частности, в наши дни стал экзотикой гужевой транспорт – его хозяйственная роль нивелировалась, связанная с ним терминология ушла из общеупотребительного языка и сегодня по большей части неясна. Вспомним, как Ларины собираются в Москву. «На кляче тощей и косматой / Сидит фореитор бородатый». Фореитором (от нем. *Vorreiter* – тот, кто едет спереди, на передней лошади) обычно был подросток или даже маленький мальчик, чтобы лошади было проще его везти. Фореитор должен быть мальчиком, а у Лариных он «бородатый»: они так долго не выезжали и сидели сиднем в деревне, что у них уже и фореитор состарился ¹⁸³. Иначе говоря, мы имеем дело с утраченной, не опознаваемой сегодняшними читателями иронией: фореитор-то старый (а должен быть юный).

Таким образом, без специальных комментариев в одних случаях мы не понимаем, в чём суть характеристики, данной тому или иному персонажу, в других – не понимаем пушкинского юмора.

---

¹⁸² Пеньковский А. Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи. – М.: Знак, 2012. С. 533–546.

¹⁸³ Добродомов И. Г., Пильщиков И. А. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. – М.: Языки славянских культур, 2008. С. 160–169.

Какие комментарии к «Евгению Онегину» наиболее известны?

Первый опыт научного комментирования «Евгения Онегина» был предпринят ещё в позапрошлом веке: в 1877 году писательница Анна Лачинова (1832–1914) издала под псевдонимом А. Вольский два выпуска «Объяснений и примечаний к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Из монографических комментариев к «Онегину», опубликованных в XX столетии, наибольшее значение имеют три – Бродского, Набокова и Лотмана.

Самый известный из них – комментарий Юрия Лотмана (1922–1993), впервые опубликованный отдельной книгой в 1980 году. Книга состоит из двух частей. Первая – «Очерк дворянского быта онегинской поры» – представляет собой связное изложение норм и правил, регулировавших мировоззрение и бытовое поведение дворянина пушкинского времени. Вторая часть – собственно комментарий, движущийся за текстом от строфы к строфе и от главы к главе. Помимо объяснения непонятных слов и реалий, Лотман уделяет внимание литературному фону романа (металитературным полемикам, выплёскивающимся на его страницы, и разнообразным цитатам, которыми он пронизан), а также истолковывает поведение героев, обнаруживая в их словах и действиях драматическое столкновение точек зрения и поведенческих норм.

Так, Лотман показывает, что разговор Татьяны с няней – это комическое *qui pro quo*¹⁸⁴, в котором собеседницы, принадлежащие к двум разным социокультурным группам, употребляют слова «любовь» и «страсть» в совершенно разных смыслах (для няни «любовь» – это супружеская измена, для Татьяны – романтическое чувство). Комментатор убедительно демонстрирует, что, согласно авторскому замыслу, Онегин убил Ленского непреднамеренно, и это понимают по деталям рассказа читатели, знакомые с дуэльной практикой. Если бы Онегин хотел застрелить приятеля, он избрал бы совершенно иную дуэльную стратегию (Лотман рассказывает, какую именно).

Непосредственным предшественником Лотмана на обсуждаемом поприще был Николай Бродский (1881–1951). Первое, пробное издание его комментария вышло в 1932 году, последнее прижизненное – в 1950-м, затем несколько раз книга выходила посмертно, оставаясь главным пособием по изучению «Онегина» в университетах и пединститутах вплоть до выхода комментария Лотмана.

Текст Бродского несёт на себе глубокие следы вульгарного социологизма¹⁸⁵. Чего стоит одно только пояснение к слову «боливар»: «Шляпа (с большими полями, кверху расширяющийся цилиндр) в честь деятеля национально-освободительного движения в Южной Америке, Симона Боливара (1783–1830), была модной в той среде, которая следила за политическими событиями, которая сочувствовала борьбе за независимость маленького народа»¹⁸⁶. Иногда комментарий Бродского страдает от чересчур прямолинейного толкования тех или иных пассажей. Например, о строке «Ревнивый шёпот модных жён» он всерьёз пишет: «Бегло брошенным образом «модной жены» Пушкин подчеркнул разложение семейных устоев в... светском кругу»¹⁸⁷.

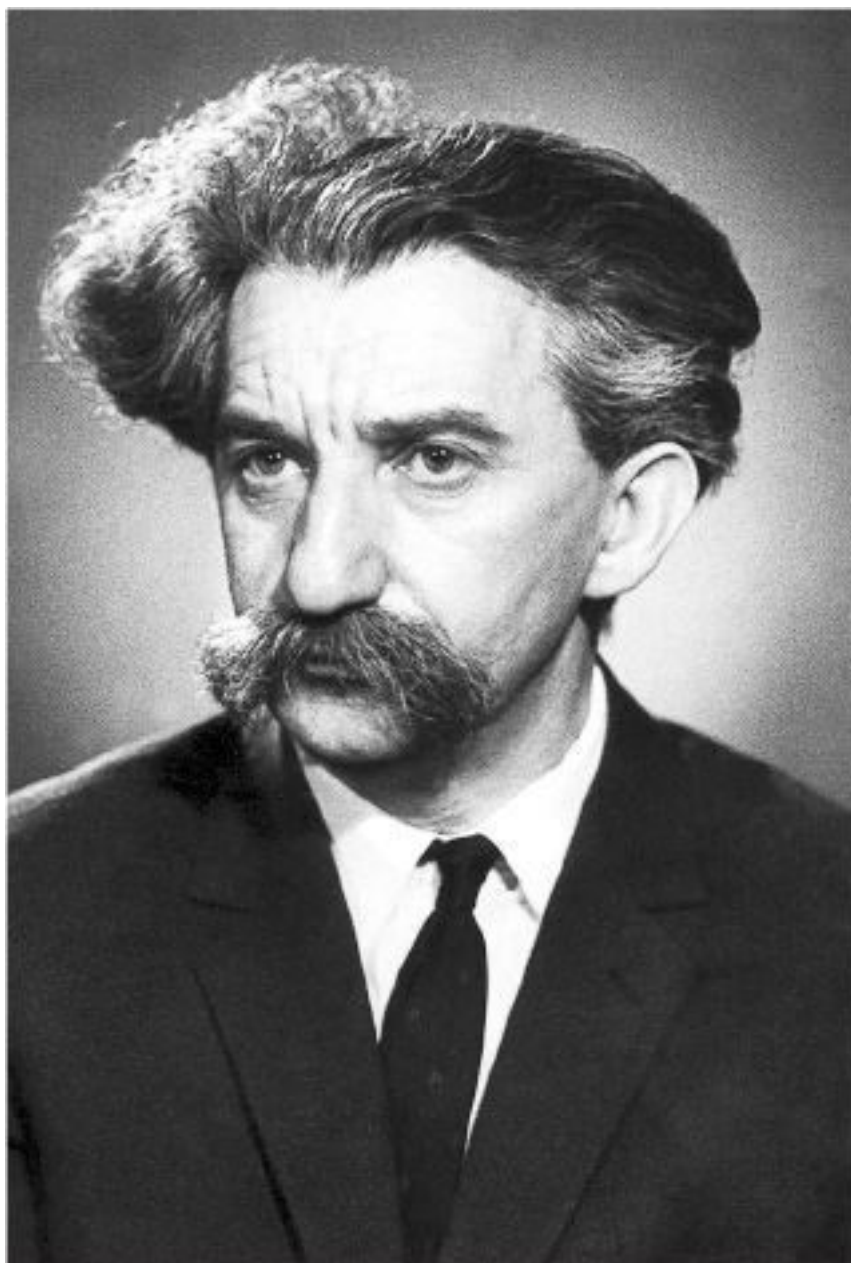
---

¹⁸⁴ «Кто вместо кого». Латинское выражение, обозначающее путаницу, недоразумение, когда одно принимается за другое. В театре этот приём используют для создания комической ситуации.

¹⁸⁵ В рамках марксистской методологии – упрощённое, догматическое толкование текста, который понимается как буквальная иллюстрация политических и экономических идей.

¹⁸⁶ Бродский Н. Л. «Евгений Онегин»: Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1964. С. 68–69.

¹⁸⁷ Бродский Н. Л. Там же. С. 90.

Юрий Лотман – автор самого известного комментария к «Евгению Онегину»¹⁸⁸

Тем не менее Набоков, потешавшийся над натянутыми интерпретациями и удручающе корявым стилем Бродского, был, конечно, не совсем прав, обзывая его «невежественным компилятором» – «uninformed compiler»¹⁸⁹. Если исключить предсказуемые «советизмы», которые можно счесть неизбежными приметами времени, в книге Бродского можно найти достаточно добротный реальный и историко-культурный комментарий к тексту романа.

Четырёхтомный труд Владимира Набокова (1899–1977) вышел первым изданием в 1964 году, вторым (исправленным) – в 1975-м. Первый том занят подстрочным переводом «Онегина» на английский язык, второй и третий – англоязычным комментарием, четвёртый – указателями и репринтом русского текста. Набоковский комментарий был переведён на рус-

---

¹⁸⁸ Юрий Лотман. University of Tartu.

¹⁸⁹ Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin. Vol. 2. P. 246.

ский язык поздно; опубликованные в 1998–1999 годах русские переводы комментария (их два) трудно признать удачными.

Мало того, что комментарий Набокова превосходит по объёму работы других комментаторов, – сам набоковский перевод тоже выполняет комментаторские функции, интерпретируя те или иные слова и выражения в тексте «Евгения Онегина». Например, все комментаторы, кроме Набокова, разъясняют значение прилагательного в строке «В своей коляске выписной». «Выписной» значит «выписанный из-за границы». Это слово вытеснено в современном языке новым словом с тем же значением, теперь вместо него используется заимствованное «импортный». Набоков ничего не поясняет, а просто переводит: «imported».

Объём идентифицированных Набоковым литературных цитат и приведённых им художественных и мемуарных параллелей к тексту романа не превзойден никем из предшествующих и последующих комментаторов, и это неудивительно: Набоков как никто другой чувствовал себя *at home*¹⁹⁰ не только в русской литературе, но и в европейских (особенно французской и английской).

---

¹⁹⁰ Как дома (*англ.*).

Самый объёмный и полный комментарий к роману (сделанный вместе с подстрочным его переводом на английский) принадлежит Владимиру Набокову¹⁹¹

Наконец, Набоков был единственным комментатором «Онегина» в XX веке, кто знал быт русской дворянской усадьбы не понаслышке, а из собственного опыта и легко понимал многое из того, что не улавливали советские филологи. К сожалению, внушительный объём набоковского комментария создаётся не только за счёт полезной и нужной информации, но и благодаря множеству сведений, имеющих самое отдалённое отношение к комментируемому произведению¹⁹². Но читать всё равно очень интересно!

Помимо комментариев, современный читатель может найти объяснения непонятных слов и выражений в «Словаре языка Пушкина» (первое издание – рубеж 1950–60-х годов; дополнения – 1982 год; сводное издание – 2000-й). В создании словаря участвовали выдающиеся лингвисты и пушкинисты, ранее подготовившие «большое академическое» изда-

---

¹⁹¹ Владимир Набоков. 1974 год. © Getty Images.

¹⁹² Чуковский К. И. Онегин на чужбине // Чуковский К. И. Высокое искусство. – М.: Сов. писатель, 1988. С. 337–341.

ние Пушкина: Виктор Виноградов, Григорий Винокур, Борис Томашевский, Сергей Бонди. Кроме перечисленных справочников существует множество историко-литературных и историко-лингвистических работ, одна только библиография которых занимает увесистый том.

Почему они не всегда помогают? Потому что различия между нашим языком и языком начала XIX века не точечные, а сквозные, и с каждым десятилетием они только нарастают, подобно «культурным слоям» на городских улицах. Никакой комментарий не может исчерпать текста, но даже минимально необходимый для понимания комментариев к текстам пушкинской эпохи уже должен быть построчным (а может быть, даже пословным) и многосторонним (реальный комментарий, историко-лингвистический, историко-литературный, стиховедческий, текстологический). Такой комментарий не создан даже для «Евгения Онегина».

Какие сценические и экранные версии «Онегина» наиболее соответствуют оригиналу?

«Евгений Онегин» – роман, который с трудом поддаётся адаптации для сцены и экрана. Опера Петра Чайковского «Евгений Онегин» (1878), при всей её огромной популярности (которую она, кстати сказать, приобрела далеко не сразу), – это произведение «по мотивам» пушкинского романа, а не попытка его адекватной передачи музыкально-сценическими средствами. Как указано в либретто, текст в опере – не «А. С. Пушкина», а «по А. С. Пушкину»¹⁹³. Текст этот, сочинённый Константином Шиловским при участии самого композитора, не раз подвергался критике за неаутентичность. Пожалуй, резче всех отзывался о Чайковском Владимир Набоков, называвший либретто бредовым – «lunatic»¹⁹⁴ и состряпанным наспех – «concocted»¹⁹⁵, а саму оперу глупой – «silly»¹⁹⁶ и халтурной – «slapdash»¹⁹⁷.

Тем не менее читатели и слушатели нередко путают текст и персонажей Пушкина и Чайковского. У Пушкина нет князя Грёмина – мужа Татьяны зовут «князь N». Князь N не произносит слов «Онегин, я скрывать не стану: / Безумно я люблю Татьяну!» – эти слова поёт князь Грёмин. Песня девушек есть и в романе, и в опере, а вот крестьянской песни с припевом «Вайну, вайну, вайну, вайну» у Пушкина нет и не было. Зато романс «Слыхали ль вы за рощей глас ночной...» у Пушкина есть: он написал его в 1816 году и опубликовал в 1817-м. Но в текст «Евгения Онегина» он его не включал – петь этот романс Татьяне и Ольге поручил Чайковский.

Кинематографическая онегиниана немногим длиннее оперной. Сцены из оперы Чайковского снимались на плёнку с граммофонным сопровождением в 1911 и 1915 годах. В 1958 году полнометражный цветной художественный фильм-оперу по Чайковскому поставил на киностудии «Ленфильм» Роман Тихомиров. Главные сольные партии исполняют звёзды Большого театра, но на экране мы видим не их: так, роли Татьяны и Ольги исполняют Ариадна Шенгелая и Светлана Немоляева, а поют «за них» Галина Вишневская и Лариса Авдеева.

К 200-летию Пушкина появился англо-американский художественный фильм «Onegin» с Рэйфом Файнсом и Лив Тайлер в главных ролях. Сняла фильм сестра Файнса Марта (её режиссёрский дебют). Лента прославилась яркими анахронизмами, главное место среди которых принадлежит, пожалуй, исполнению Ленским и Ольгой песни «Ой, цветёт калина» из кинофильма «Кубанские казаки» (1950; композитор Исаак Дунаевский).

На театральной сцене «Онегина» ставят редко. В 1936 году Александр Таиров задумал, но не осуществил постановку «Евгения Онегина» в московском Камерном театре; музыку к спектаклю написал Сергей Прокофьев. На рубеже прошедшего и нынешнего столетий спектакли по пушкинскому роману ставили Анатолий Васильев («Школа драматического искусства», 1995), Юрий Любимов (Театр на Таганке, 2000), Римас Туминас (Театр имени Евгения Вахтангова, 2013) и некоторые другие, очень немногие режиссёры.

---

¹⁹³ Евгений Онегин П. И. Чайковского. – М.: Гос. муз. изд-во, 1963. С. 7.

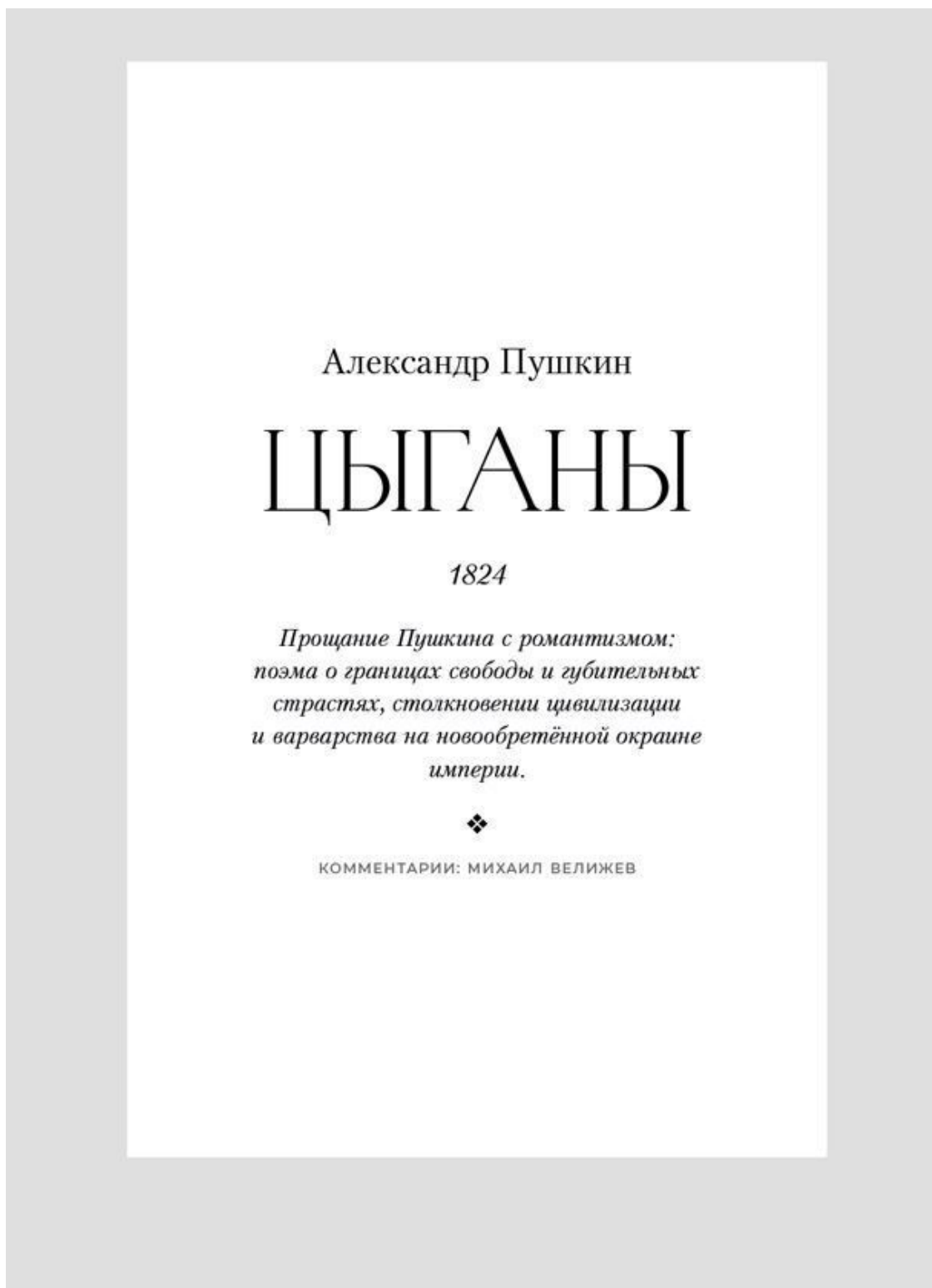
¹⁹⁴ Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin. Vol. 2. P. 334.

¹⁹⁵ Ibid. Vol. 3. P. 241.

¹⁹⁶ Ibid. Vol. 2. P. 333.

¹⁹⁷ Ibid. Vol. 2. P. 530.

Александр Пушкин. «Цыганы»

О чём эта книга?

Действие «Цыганов» происходит на юге, в Бессарабии (область, включающая соседние территории современных Молдавии и Украины). Молодой герой Алеко бежит из города (веро-

ятно, совершив какое-то преступление) и оказывается в кочующем цыганском таборе. Он становится мужем молодой цыганки Земфиры, которая вскоре ему изменяет. Алеко не выдерживает испытания цыганской свободой, убивает неверную жену и её любовника, после чего его изгоняют из табора.

«Цыганы» – это поэма о самой природе человека и его судьбе, о том, возможно ли счастье на земле. Это поэма не только об Алеко, но и об индивиде как таковом: сможет ли он спокойно и беззаботно жить в прекрасном мире – или же живущие в нём страсти способны разрушить любую идиллию? Это поэма о любви и её законах. Именно любовь (что вообще свойственно русской литературе XIX века) станет ключевым фактором, определяющим судьбу и состоятельность героя: где располагаются границы свободы и в состоянии ли человек ею воспользоваться? Это поэма о понятиях «варварского» и «цивилизованного». Пушкин вслед за Жан-Жаком Руссо оспаривает тезис о благотворности прогресса, противопоставляя «неволедушных городов» простой, свободный и счастливый мир природного человека.

Когда она написана?

В 1824 году, в несколько приёмов – в Одессе, а затем в Михайловском. Пушкин приступил к тексту около 12 января 1824 года и продолжил работать над ним во второй половине января – начале февраля, а затем в первой половине июня. На юге поэт сочинил сцены, предшествующие разговору Земфиры, Алеко и старого цыгана («Скажи, мой друг: ты не жалеешь / О том, что бросил навсегда?»). Большая часть черновой редакции поэмы появилась на свет уже осенью в Михайловском – Пушкин писал «Цыган» параллельно с работой над «Евгением Онегиным»¹⁹⁸. В начале ноября Пётр Вяземский уже просил Пушкина прислать ему «Цыган» для публикации.

В окончательном варианте, который Пушкин датировал 10 октября, отсутствовали стихи 145–224: беседа Алеко, Земфиры и старика, которая заканчивается репликой Алеко об изгнанном из Рима Овидии. Их Пушкин создал уже после эпилога в том же октябре 1824 года. Наконец, в январе 1825 года был написан [монолог Алеко](#) над колыбелью сына, который не вошёл в печатную версию поэмы.

---

¹⁹⁸ Проскурин О. А. Из истории одесского текста поэмы Пушкина «Цыганы». К методике чтения пушкинских рукописей // Пермьяковский сборник. Ч. II. – М.: Новое издательство, 2010. С. 186–214.

Жозеф Вивьен. Портрет Александра Пушкина. 1827 год¹⁹⁹

---

¹⁹⁹ Жозеф Вивьен. Портрет Александра Пушкина. 1827 год. © Getty Images.

Как она написана?

Нарочито фрагментарно. Текст разбит на отдельные сцены, каждая из которых выделена графически – горизонтальной чертой. Таких фрагментов в поэме одиннадцать. «Из общего количества пятисот шестидесяти девяти стихов триста двадцать шесть отведено диалогу, который принимает форму подлинного сценического диалога с обозначением говорящего лица и даже сопровождается театральными ремарками: «Уходит и поёт: Старый муж...», «Вонзает в него нож», «Поражает его»²⁰⁰. По мнению Олега Проскурина, драматическая структура и связанные с ней мотивы отразили пушкинский опыт чтения Шекспира и – в некоторой степени – мистерий Байрона²⁰¹.

---

²⁰⁰ Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. Изд. 2-е. – М.: Худ. лит., 1963. С. 242.

²⁰¹ Из письма к автору статьи от 16.11.2018. Пользуясь случаем, автор благодарит О. А. Проскурина за консультации в процессе работы над текстом.

Рисунки Пушкина к поэме «Цыганы». 1823 год²⁰²

Не забудем, кроме того, что Пушкин публиковал текст в отрывках, порой живших самостоятельной жизнью, – как, например, песня Земфиры, многократно положенная на музыку. Повествовательно-описательные фрагменты чередуются с драматическими – диалогами персонажей. Автор не занимает в поэме авторитетной позиции: изложение различных точек зрения вложено в уста беседующих и равных между собой героев.

«Цыганы» написаны четырёхстопным ямбом, который именно в «пушкинскую эпоху», в первую треть XIX века, входит в такое широкое употребление, что становится нейтральным размером, не имеющим ярко выраженной семантики. В большую эпическую форму впервые ввёл четырёхстопный ямб именно Пушкин в «Руслане и Людмиле», а затем использовал в «Кавказском пленнике» и «Братьях-разбойниках». Однако это не единственный стихотворный

²⁰² Рисунки Пушкина к поэме «Цыганы». 1823 год. Из открытых источников.

размер в поэме: входящие в неё песни написаны четырёхстопным хореем и двухстопным анапестом – разнообразие размеров усиливало впечатление фрагментарности текста.

Как она была опубликована?

Почти через два с половиной года после завершения – в конце апреля 1827 года. Но столичной публике «Цыганы» стали известны раньше. Уже в январе 1825 года журнал «Сын отечества» сообщил читателям, что Пушкин написал новую поэму «Цыганы». В петербургских салонах отрывки из произведения читал брат Пушкина Лев Сергеевич. Кроме того, фрагменты текста выходили в периодике. В марте 1825-го в свет вышла очередная книжка альманаха «Полярная звезда»²⁰³, где были напечатаны первые 93 стиха «Цыган» – до слов «Как песнь рабов однообразной!». В ноябре в 21-м номере журнала «Московский телеграф» вышла «Цыганская песня» Земфиры («Старый муж, грозный муж...»). Наконец, в апреле 1826 года в альманахе «Северные цветы на 1826 год» появился третий отрывок – реплики старого цыгана («Ты любишь нас, хоть и рождён...») и Алеко («Так вот судьба твоих сынов!...») из их разговора с Земфирой.

В декабре 1826 года Антон Дельвиг подал прошение о напечатании поэмы в петербургский Главный цензурный комитет, вскоре позволение было получено. В феврале 1827 года рукопись ушла на согласование в Третье отделение императорской канцелярии²⁰⁴. В итоге в конце апреля 1827 года поэма вышла отдельным изданием в московской типографии француза Августа Семена (Огюста-Рене Семена). Стоила книжка 5, 6 или 7 рублей ассигнациями (в зависимости от книжной лавки), а на её обложке располагалась виньетка – разбитые цепи, кинжал, змея и опрокинутая чаша. Впоследствии Пушкин включил «Цыганов» во вторую часть «Поэм и повестей Александра Пушкина» (1835).

---

²⁰³ Литературный альманах декабристов, издававшийся Кондратием Рылеевым и Александром Бестужевым с 1822 по 1825 год. В нём публиковались стихи Пушкина, Вяземского, Баратынского, Рылеева. После восстания декабристов альманах запретили, а выпуск за 1825 год арестовали. С 1855 года Александр Герцен начал выпускать в Лондоне одноимённый журнал как знак уважения к декабристам.

²⁰⁴ Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии – полицейский департамент, занимавшийся политическими делами. Был создан в 1826 году, после восстания декабристов, возглавил его Александр Бенкендорф. В 1880 году III Отделение было упразднено, а дела ведомства переданы в Департамент полиции, образованный при Министерстве внутренних дел.

Что на неё повлияло?

Вопрос о влиянии традиционно делится на два сюжета – поэтический и философский. Поэтика «Цыганов» часто истолковывается в «романтическом» ключе, через соотнесение композиции, стиля, фразеологии, места действия поэмы с литературными нормами, которые считались в 1820-е годы «романтическими» и ориентировались прежде всего на сочинения Байрона. При этом важно помнить, что Байрона Пушкин читал не по-английски, а по-французски, а «байроническая» поэтика могла восприниматься через призму русской поэтической традиции, прежде всего связанной с произведениями Василия Жуковского.

Философская линия в «Цыганах» определяется «руссоистским» пластом – рефлексией Пушкина над проблемами, которые в середине XVIII века обсуждал в своих произведениях Жан-Жак Руссо. Речь идёт о соотношении между миром природы и миром цивилизации, между простым, первобытным человеком и индивидом, чьё восприятие реальности обусловлено законами гражданского общества, между свободой кочевой жизни и «неволей душных городов». Руссо предпочитал мир природы и порицал прогресс и цивилизацию, искажающие человеческую натуру. В этом смысле Пушкин выступал новатором в разработке «цыганской» темы и основателем большой традиции в русской литературе.

Как её приняли?

Первые отзывы появились ещё до публикации текста, когда в Петербурге, в отсутствие Пушкина, начали читаться отрывки из поэмы. В целом критики и слушатели сошлись во мнении, что «Цыганы» – очевидная пушкинская удача. Первые читатели поэмы в один голос выделяли особенное изящество стихов.

Александр Тургенев²⁰⁵ писал Петру Вяземскому 26 февраля 1825 года: «Не мне одному кажется, что это лучшее его произведение», Рылеев сообщал Пушкину в письме от 25 марта того же года: «От Цыган все без ума», а Вяземский определил «Цыганов» так: «Ты ничего жарче этого ещё не сделал... Шутки в сторону, это, кажется, полнейшее, совершеннейшее, оригинальнейшее твоё творение» (из письма Пушкину от 4 августа 1825 года).

После публикации поэмы в журналах стали появляться критические отзывы (самый известный из них – статья Вяземского в «Московском телеграфе») – по большей части одобрительные: «...Пушкин пользовался безусловным признанием, и ни один критик не осмелился выступить открыто против него»²⁰⁶. Спорили о том, в какой мере «Цыганы» зависели от поэтики Байрона. Молодой Иван Киреевский²⁰⁷ в журнале «Московский вестник» задавался вопросом о характере цыганского мира, особенно в свете эпилога, где Пушкин утверждал, что счастья нет и среди цыган: «Либо цыганы не знают вечной, исключительной привязанности, либо они ревнуют непостоянных жён своих, и тогда месть и другие страсти также должны быть им не чужды; тогда Алеко не может уже казаться им странным и непонятным».

---

²⁰⁵ Александр Иванович Тургенев (1784–1845) – историк, чиновник. Служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, Министерстве юстиции и в Министерстве духовных дел и народного просвещения. Собирал сведения о древней истории России и эпохе Петра I в зарубежных архивах. Тургенев входил в кружок арзамасцев, близко дружил с Василием Жуковским. Именно Тургенев отвёз тело Пушкина из Петербурга в родовую усыпальницу Святогорского монастыря, расположенного в Псковской области.

²⁰⁶ Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 634.

²⁰⁷ Иван Васильевич Киреевский (1806–1856) – религиозный философ и литературный критик. В 1832 году начал издавать журнал «Европеец», где помещал свои статьи, из-за которых журнал запретили власти. С возрастом Киреевский от западных взглядов уходит к славянофильству, правда, конфликт с властями повторяется – в 1852 году из-за его статьи закрывают славянофильское издание «Московский сборник». В последние годы жизни Киреевский работает над философской доктриной, разрабатывает концепцию «внутренней цельности» духа, но смерть от холеры не даёт ему закончить работу.

Яков Рейхель. Портрет Петра Вяземского. 1817 год. Вяземский назвал «Цыганов» «совершеннейшим, оригинальнейшим творением»²⁰⁸

При этом, несмотря на отчётливое противопоставление в поэме природы и цивилизации, в рецензиях 1820-х годов слова «цивилизация» нет. Вяземский назвал Алеко «гражданином общества» и «недовольным питомцем образованности», который чувствует «тягость от повинностей образованного общежития»; Киреевский писал об «утонченном общежитии», «трудной образованности» и «выгодах образованности»; Орест Сомов указывал на особенности «жизни образованных горожан». Дело в том, что в это время в русском языке заимствованного слова «цивилизация» ещё не существовало. Оно появится в начале 1830-х годов и станет важным элементом риторики министра народного просвещения Сергея Уварова, автора знаменитой формулы «православие – самодержавие – народность».

Отсутствие артикулированной авторской позиции удивило некоторых современников Пушкина, в частности Жуковского, который спрашивал: «Я ничего не знаю совершеннее... твоих Цыган! Но, милый друг, какая цель? Скажи, чего ты хочешь от своего гения? Какую память хочешь оставить о себе отечеству, которому так нужно высокое...» На это Пушкин отвечал: «Ты спрашиваешь, какая цель у Цыганов? вот на! Цель поэзии – поэзия, как говорит Дельвиг (если не украл этого)». Таким образом, он подчёркнуто воздерживался от определения одной «правильной» точки зрения на проблемы, обсуждавшиеся в «Цыганах».

---

²⁰⁸ Яков Рейхель. Портрет Петра Вяземского. 1817 год. Из книги: Русские портреты XVIII и XIX веков. – Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления гос. бумаг; издание Великого князя Николая Михайловича, 1905–1909. Российская государственная библиотека.

Что было дальше?

Влияние «Цыганов» на дальнейшую историю русской литературы разнообразно. Пушкинская поэма послужила образцом при создании «семейных драм с кровавой развязкой» (вместе с другим текстом схожей тематики – поэмой Ивана Козлова²⁰⁹ «Чернец», 1825), где любовные коллизии уже не требовали экзотического фона. Основными мотивами, которые пускаются в тираж, служат «убийство из ревности счастливого соперника (иногда только предполагаемого)», фигура «изменившей возлюбленной» и композиционная важность финальной «катастрофы»²¹⁰. Отметим, что другой вариант сюжета ревности разработал Евгений Баратынский в поэме «Наложница» («Цыганка»): здесь носительницей разрушительного начала (страстей) выступает уже сама цыганка, а не её возлюбленный.

Цыганская тема в русской литературе развивалась в двух направлениях. Первое из них Юрий Лотман назвал «толстовским»: оно связано с философской проблемой природного человека, мнимого «варвара», у которого есть свои добродетели, пороки, вольность²¹¹. И Пушкина, и Толстого интересовала «русоистская» концепция народа как носителя интуитивного, антигосударственного и антицивилизационного (и потому «здорового») взгляда на жизнь. Только Пушкин обратился к экзотическому народу, а Толстой искал самобытности в русском крестьянстве и его общинной жизни. Второе направление связано с собственно «цыганскими» мотивами – от Пушкина к Аполлону Григорьеву и Александру Блоку²¹². Здесь особенно важны песни и музыка цыган: в них проявляются вольная «народная стихия» и «высшее искусство», а трагичность и противоречивость героев интерпретируются как свойства самой человеческой природы. Таким образом, раздвоенность и вольность символизируют полноту «настоящей» жизни и становятся предметом эстетического восхищения.

Споры об Алеко и цыганах продолжались и после смерти Пушкина – в работах Белинского, Достоевского, Вячеслава Иванова, Цветаевой и многих других. В XIX веке к поэме часто обращались композиторы. Особенно популярна была песня «Старый муж, грозный муж...», которую Земфира пела Алеко: музыку для неё писали известнейшие композиторы своего времени – Виельгорский, Верстовский, Алябьев, Антон Рубинштейн, Чайковский. В 1892 году оперу по сюжету «Цыганов» (под названием «Алеко») написал молодой Сергей Рахманинов. Автором либретто выступил Василий Немирович-Данченко. Действие начинается в тот момент, когда отношения Алеко и Земфиры уже омрачены её увлечением молодым цыганом (таким образом, начало пушкинской поэмы в либретто опущено – зритель ничего не узнаёт о том, как Алеко попал в табор). В итоге сюжет оперы в большей степени связан с темой ревности, чем с противопоставлением «природы» и «цивилизации», что несколько расходится с пушкинским замыслом.

---

²⁰⁹ Иван Иванович Козлов (1779–1840) – поэт, переводчик. Козлов делал успешную карьеру чиновника: в 1814 году получил чин коллежского советника, служил в Министерстве государственных имуществ в Петербурге. Однако в 1818 году из-за паралича он лишился ног, а через три года и зрения. Тогда Козлов занялся поэзией и переводами. В 1824 году была опубликована поэма «Чернец», которая сделала Козлова одним из самых популярных поэтов того времени. Именно Козлов перевёл на русский язык стихотворение Томаса Мура «Вечерний звон», положенное на музыку Алябьева, оно стало классикой русской народной песни.

²¹⁰ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. – Л.: Наука, 1978. С. 268.

²¹¹ Лотман Ю. М. Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов // Лотман Ю. М. Собр. соч. Т. 1. Русская литература и культура Просвещения. – М.: ОГИ, 1998. С. 253–324.

²¹² Лотман Ю. М. «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока // Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т. 1. С. 325–384.

Где находится Бессарабия и бывал ли там Пушкин?

Бессарабия – это область на юго-востоке Российской империи, вошедшая в её состав в 1812 году в результате Бухарестского мира с Османской Портой²¹³. По договору к России перешла территория между реками Прут и Днестр, которая и образовала Бессарабскую губернию с центром в Кишинёве.

Карта Бессарабской области. 1821 год²¹⁴

Пушкин прожил в Бессарабии почти три года. По желанию императора Александра I в мае 1820 года он был сослан на юг за оду «Вольность», точнее, формально переведён по службе в Екатеринослав (ныне Днепр). В сентябре 1820 года Пушкин поселился в Кишинёве,

²¹³ Бухарестский мирный договор был заключён между Россией и Османской империей в 1812 году, он стал завершением шестилетней войны. Османской Портой называлось правительство Османской империи (от итальянского porta – дверь). Согласно договору, Османская империя уступила России восточную часть Молдавского княжества (Бессарабию), Россия же получила морской порт на побережье Чёрного моря и возвратила туркам завоёванные в ходе войны кавказские территории. Сербия получила право на внутреннее самоуправление.

²¹⁴ Карта Бессарабской области. 1821 год. Library of Congress.

где жил вплоть до июля 1823 года, когда ему пришлось переехать в Одессу, чтобы находиться при новом начальнике – новороссийском генерал-губернаторе и наместнике в Бессарабской губернии Михаиле Воронцове. В июле 1824 года, уже после начала работы над «Цыганами», Пушкин получает отставку и разрешение отправиться в родовое имение, село Михайловское Псковской губернии, под надзор местного начальства.

В Бессарабии действительно жило много цыган?

Цыгане появились в Российской империи ещё в XVIII веке, однако основной массив цыганского населения перешёл в русское подданство именно в 1812 году – после присоединения Бессарабии. По подсчётам историков, в этой области к середине XIX столетия проживало 18 738 цыган, что составляло почти треть от общего числа цыган в России, 48 247 человек. Почти две трети бессарабских цыган находились в крепостной зависимости и принадлежали частным лицам. Они «делились на дворовых, служивших при дворе владельца; поселенных, занимавшихся земледелием на помещичьей земле; скитавшихся или кочующих, занимавшихся ремеслом и состоявших при оброчном положении»²¹⁵. Таким образом, кочевые цыгане, о которых идёт речь в поэме Пушкина, делились на свободных (меньшинство) и крепостных (большинство), которые платили помещикам оброк и зарабатывали ремёслами (они были кузнецами, музыкантами, каменщиками, портными, занимались куплей-продажей лошадей). Жизнь свободного табора в пушкинских «Цыганах» – это скорее нетипичное для Бессарабии явление (единственная, по-видимому, абсолютно достоверная черта в поэме – это цыганская бедность).

В 1820-е правительство всячески старалось сделать так, чтобы цыгане превратились в оседлый народ, занялись земледелием и хотя бы частично решили свои экономические проблемы. Впрочем, эти попытки оказались безуспешными. Причиной, по мнению чиновников, служили в том числе «закоренелые привычки самих цыган, склонных ко всем злоупотреблениям кочующей жизни и беспечности рабского состояния»²¹⁶. Этот тезис Пушкин интерпретирует в поэме совсем иначе – как позитивный признак природной свободы, в которой живут цыгане.

---

²¹⁵ Крыжановская К. Из истории крепостных цыган Бессарабии в первой половине XIX века // Центральный государственный архив Молдавской ССР. Труды. Т. 1. – Кишинёв, 1962. С. 224.

²¹⁶ Там же. С. 238.

Хорошо ли Пушкин знал цыган?

На самом деле нет. По сути, очень мало. То, что Пушкин жил в Бессарабии, ещё не значит, что он был хорошо осведомлён в делах и обыкновениях цыган. В мемуарах, напечатанных в XIX веке, есть сведения о поездках Пушкина в табор, но исследователи ставят их под сомнение; как пишет Олег Проскурин, «Пушкин наверняка видел бессарабских цыган и, скорее всего, из любопытства посещал их табор (деревню). Всё остальное – необоснованные домыслы»²¹⁷.

Историки-популяризаторы, сочувствовавшие цыганам, также решительно отметали версию о близком знакомстве Пушкина с нравами цыган. В частности, этнографы-ромисты²¹⁸ Ефим Друц и Алексей Гесслер писали: «Почему-то до сих пор ни один пушкиновед не задался простым и естественным вопросом: на каком языке общался Пушкин с цыганами? Бессарабия отошла к России по Бухарестскому миру в 1812 году. С тех пор прошло всего девять лет. Трудно представить, что цыгане к тому времени владели русским языком, хотя знали молдавский. Но Пушкин не знал ни цыганского, ни молдавского. Можно даже допустить, что какие-то азы русского языка знал старик булибаши²¹⁹, но уж, безусловно, не знала его Земфира. Так на каком же языке они общались? Скорее всего, это был выразительный, но бедный язык мимики и жестов». Больше всего соавторов возмущала мысль о том, что представление о вольных обычаях цыган (прежде всего в области семейной этики), описанных Пушкиным, может восприниматься как реалистическое: «Нет большей нелепицы, чем миф о свободе нравов в цыганской среде». Впрочем, несмотря на всё сказанное, цыгане «гордились тем, что он (Пушкин. – М. В.) написал о них, воспринимали его по-цыгански запросто»²²⁰.

Цыгане у Пушкина – культурный миф, почерпнутый из книг, а не из непосредственного наблюдения. Это ясно из пушкинских примечаний к поэме, показывающих знакомство поэта с источниками по происхождению и современному ему состоянию цыган. Пушкин отмечал, что, хотя истинная их историческая родина – Индия, их часто «считают выходцами из Египта». Эти сведения были в 1824 году новостью. Куда только не селили предков цыган отечественные и европейские авторы: в Северную Африку (Павел Свиньин), Древний Рим (Александр Вельтман) или, собственно, в Египет (Вальтер Скотт, Виктор Гюго). Откуда же возникла в «Цыганах» правильная с современной точки зрения версия? По мнению Олега Проскурина, Пушкин заимствовал сведения о прародине цыган из классической работы немецкого профессора Генриха Грельмана «Исторический опыт о цыганах», с французским переводом которой (1810) мог познакомиться в одесской библиотеке Михаила Воронцова.

Примечательны здесь два обстоятельства. Во-первых, Грельман считал простоту цыганских нравов – «дикую вольность», «бедность» и «первобытную свободу» – пороками и следствием отсутствия какого бы то ни было просвещения. Пушкин же, напротив, интерпретировал те же свойства совершенно в ином, «руссоистском», ключе – как свидетельства непорочности цыган, их «правильной» и подлинной близости к природе, свободной от губительного влияния городской и оседлой цивилизации с её условностями, законами и порядками. Так научная книга о пользе просвещения стала материалом для откровенно антипросветительской концепции.

---

²¹⁷ Проскурин О. А. Русский поэт, немецкий учёный и бессарабские бродяги (Что Пушкин знал о цыганах и почему скрыл от читателей свои познания) // Новое литературное обозрение. 2013. № 123.

²¹⁸ Ромистика – область научного исследования языка, культуры и истории цыган.

²¹⁹ Авторитетный цыган в таборе.

²²⁰ Друц Е. А., Гесслер А. Н. Цыгане. Очерки. – М., 1990. С. 172, 182.

Во-вторых, Грельман «изобретает» цыган, что вообще характерно для рубежа XVIII и XIX веков, эпохи национализма, когда «нации» возникали как «воображённые сообщества» с мнимой историей. Характерный пример здесь – шотландцы Вальтера Скотта с их дикими нравами и народной одеждой – килтом. Известно, впрочем, что килт как национальный символ был изобретён англичанином в XVIII столетии и в наряде древних шотландских хайлендеров не присутствовал. С Грельманом (и вместе с ним Пушкиным) ситуация иная: сравнительный лингвистический анализ позволил немецкому учёному придумать цыган таким образом, что современная наука впоследствии лишь подтвердила его выводы. Перед нами редкий случай «изобретённой традиции» на исторически достоверных основаниях!

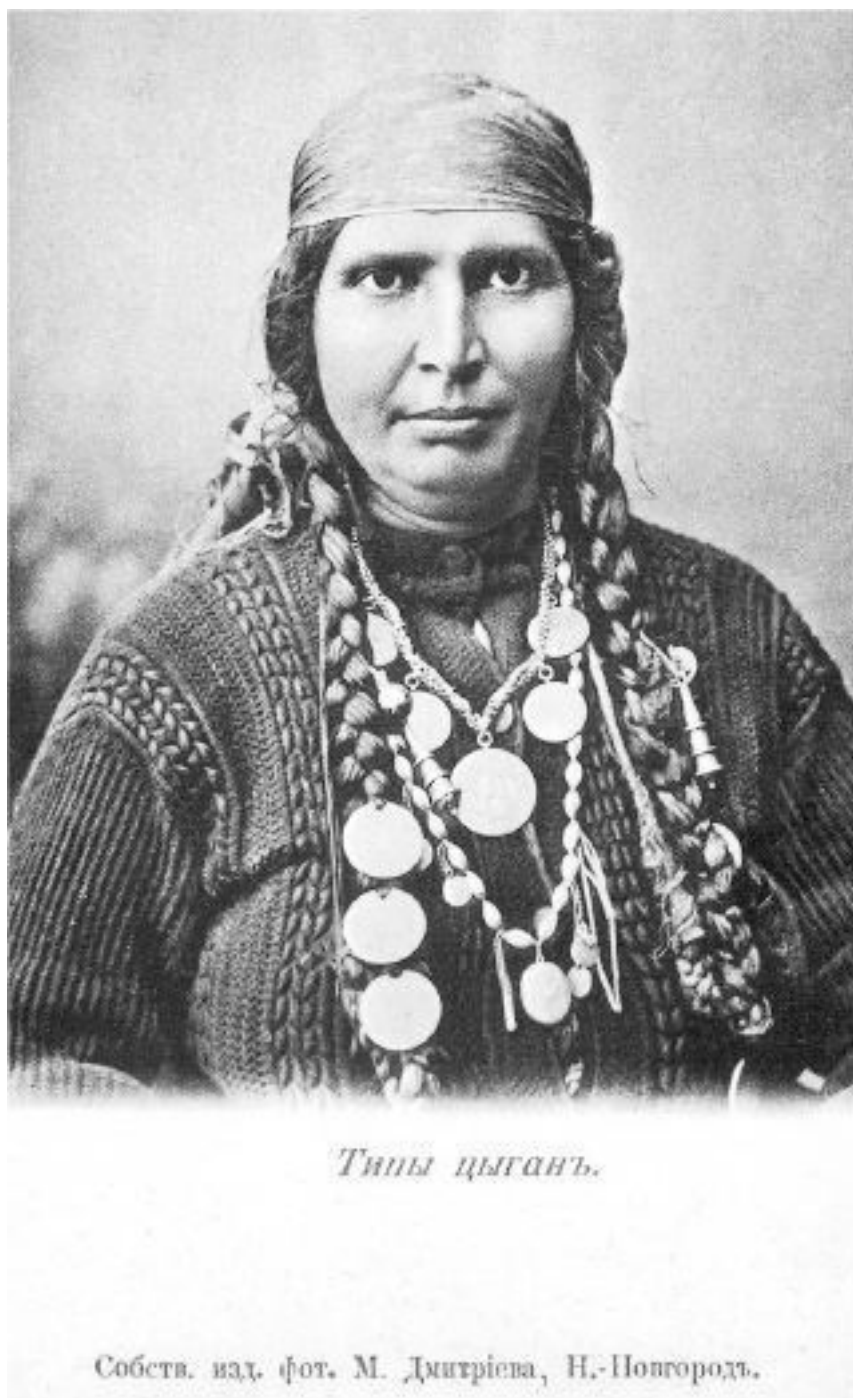
Важны ли для понимания поэмы черновики Пушкина?

В разговоре о любом тексте интерес вызывает не только его итоговая версия, но и варианты, которыми поэт в итоге пренебрёг. Любопытны в этом отношении и «Цыганы». Например, песне Земфиры, из которой мы узнаём о том, что её чувства к Алеко переменялись («Старый муж, грозный муж, / Режь меня, жги меня...»), в черновиках предшествовал монолог Алеко над колыбелью спящего сына. Алеко, словно предвидя печальный финал своей истории, предрекает сыну вольную и свободную «человеческую» жизнь (пусть и со своими пороками и несовершенством): «От общества, быть может, я / Отъемлю ныне гражданина – / Что нужды – я спасаю сына». В одной из промежуточных редакций фрагмента о младенце сказано: «Он будет здоров, силен и волен – / Чего же больше для него».

Кроме того, Пушкин предпослал поэме два рукописных эпиграфа. Первый из них резюмирует интригу «Цыган», как бы вложенную в их собственные уста: «Мы люди смирные, девы наши любят волю – что тебе делать у нас? Молд<авская> песня». Второй эпиграф: «Под бурей рока – твёрдый камень, / В волненьях страсти – лёгкий лист. Князь Вяземской». Он взят из послания Вяземского «Толстому», которое начинается так: «Американец и цыган, / На свете нравственным загадка» (написано в 1818 году, на тот момент ещё не было опубликовано, но расходилось в списках, обращено к Фёдору Толстому-Американцу). Исследовательница Ксения Кумпан так комментирует эти строки: «Цыган. Употребляя это слово, Вяземский намекал на беспорядочную жизнь Толстого, его наружность (Толстой был смугл и черноволос), пристрастие к цыганскому пению и кутежам с цыганами (впоследствии, в 1821 году, Толстой женился на цыганке Авдотье Максимовне Тугаевой)»²²¹. Кстати, эти же строки Вяземского Пушкин хотел сделать эпиграфом к другой своей «южной» поэме – «Кавказскому пленнику».

---

²²¹ Кумпан К. А. Примечания // Вяземский П. А. Стихотворения. – Л., 1986. С. 462. (Большая серия «Библиотеки поэта», изд. 3-е.)

Типы цыган. Из серии фотографий Максима Дмитриева. 1900-е годы²²²

Наконец, известны два проекта предисловия Пушкина к «Цыганам», так и не вошедшего в издание 1827 года. В первом из них поэт даёт этнографическое описание цыган: происхождение своё они ведут от «индейцев», они вольны, дики и бедны, а в Молдавии к тому же заключены в крепостное состояние или, попросту говоря, находятся в рабской зависимости. «Это не мешает им, однако же, вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести. Они отличаются перед прочими большей нравственной чистотой». Второй комментарий касается источников по истории Бессарабии, о которой в России на тот момент было

---

²²² Типы цыган. Из серии фотографий Максима Дмитриева. 1900-е годы. Мультимедиа Арт Музей, Москва / Московский дом фотографии.

мало что известно. Пушкин советует читателям обратиться к «Историческому и статистическому описанию» Бессарабии своего приятеля Ивана Липранди²²³, когда оно появится в печати. Таким образом, предисловие должно было хотя бы отчасти мотивировать этнографическую ценность поэмы – при всей очевидной фиктивности изображённых там цыганских нравов. По мнению филолога Олега Проскурина, «предисловие предполагалось опубликовать анонимно или под псевдонимом»²²⁴. В одном из вариантов текста Пушкин как бы со стороны оценивал свою поэму – «жизнь, довольно верно описанная в сей повести». В итоге поэма вышла без предисловия, которое слишком сильно контрастировало с вымышленным миром вольного народа. Условный колорит цыганской Бессарабии, созданный Пушкиным, ввёл в заблуждение многие поколения читателей, убеждённых, что поэт лично наблюдал жизнь цыганского табора.

---

²²³ Иван Петрович Липранди (1790–1880) – российский государственный деятель, историк. Участвовал в Отечественной войне и Заграничном походе 1813–1814 годов. В начале 1820-х годов служил чиновником особых поручений в Тирасполе и Одессе, там сблизился с Пушкиным, который в это время находился в южной ссылке. Налаживал агентурную сеть полиции в Придунайских княжествах во время войны с Турцией 1828–1829 годов. Служил в тайной полиции, сыграл ключевую роль в деле петрашевцев. Под конец жизни занимался сбором материалов об Отечественной войне – ими пользовался Толстой, работая над «Войной и миром».

²²⁴ Подробнее об этом сюжете см.: Проскурин О. А. Русский поэт, немецкий учёный и бессарабские бродяги (Что Пушкин знал о цыганах и почему скрыл от читателей свои познания). С. 165–183.

Типы цыган. Из серии фотографий Максима Дмитриева. 1900-е годы²²⁵

Ещё один пример. Почему Алеко бежит из города? «Его преследует закон». Примечательно, что в черновиках к поэме мотивировка изгнания была иной: «ему по нраву наш закон». Если бы Пушкин избрал первоначальный вариант, интерпретация поэмы достаточно сильно изменилась бы: во-первых, из изгнанника по необходимости Алеко превращался в беглеца по доброй воле, во-вторых, мир цыган, подобно миру цивилизации, обретал свой собственный закон. В итоге Пушкин предпочёл изменить строку, что позволило старику цыгану утверждать: «Мы дики; нет у нас законов».

---

²²⁵ Типы цыган. Из серии фотографий Максима Дмитриева. 1900-е годы. Мультимедиа Арт Музей, Москва / Московский дом фотографии.

«Цыганы» – это «романтическая» поэма?

Хотя мы, вообще говоря, не обязаны непременно помещать любой текст в рамки «сентиментализма», «романтизма» или «реализма», но вокруг «Цыганов» возникла по этому поводу весьма интересная дискуссия – как именно правильно читать поэму?

«Цыганы» естественным образом примыкают к циклу «южных» «романтических» поэм Пушкина («Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан»). Герой поэмы – одинокий беглец и изгнанник с демоническими чертами, предмет описания – его жизнь среди экзотического восточного народа. Отрывочность поэмы, её недоговорённость и множество лирических диалогов, сближающих её с лирической драмой, – всё это сразу напомнило читателям о «романтической» поэтике Байрона (в первую очередь о поэме «Гяур»). Сразу после публикации «Цыганов» это заметил, например, Вяземский. Подробно исследовавший вопрос о романтическом влиянии уже в XX веке литературовед Виктор Жирмунский выделил сходства и различия между стилем и композицией байроновских и пушкинских поэм²²⁶. Сходств оказалось больше, однако филолог отметил, что в эпилоге «Цыганов» с его одической интонацией («В стране, где долго, долго брани / Ужасный гул не умолкал, / Где повелительные грани / Стамбулу русский указал...») ощущается будущее развитие пушкинской манеры – в сторону «надындивидуальных, государственно-исторических тем», которые будут подняты в «Полтаве» (1828)²²⁷. Таким образом, хотя «Цыганы» принадлежат к циклу «романтических» южных поэм и даже представляют из себя «завершающую и самую зрелую» поэму²²⁸, на этом «романтическая тема» оказывалась «исчерпанной». Как резюмировал Григорий Гуковский в работе «Пушкин и русские романтики», «в Михайловском завершился пушкинский романтизм и был создан русский реализм»²²⁹.

---

²²⁶ Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 34–40, 114–180.

²²⁷ Там же. С. 86.

²²⁸ Томашевский Б. В. Указ. соч. С. 632.

²²⁹ Цит. по: Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. – М.: Интрада, 1995. С. 315.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.